

ФГБОУ ВО «ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Быша Лидия Сергеевна

**СТАНОВЛЕНИЕ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ
ЖЕНЩИН-АНТРОПОЛОГОВ США (1970–2010-е гг.)**

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук А.В. Белова

Тверь – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Женские исследования в культурной антропологии США.....	55
§1. Предыстория женских исследований в культурной антропологии США (до 1970 г.).....	55
§2. Основные этапы развития женских исследований в культурной антропологии США. Методологические подходы и направления в исследованиях женщин-антропологов.....	70
§3. Проблематизация женской повседневности в трудах женщин-антропологов	113
Глава II. Проблемное поле исследований женщин-ученых, изучающих антропологию Северной Америки.....	149
§1. Телесность как аспект изучения в американской культурной антропологии.....	149
§2. Репродуктивные практики в исследовании Э. Марти.....	155
§3. Транскультурные метафоры гендерного насилия в концепции Л.С. МакЧесни.....	168
Глава III. Проблемное поле исследований женщин-ученых, изучающих антропологию Австралии и Западной Азии.....	181
§1. Пространство социальной репрезентации как предмет изучения женщин-антропологов.....	181
§2. Соотношение мужского и женского повседневного опыта в изучении бытовых практик (на примере описания быта женщин Северной Австралии Дж. К. Гудэйл).....	184
§3. Анализ повседневных практик бедуинок как паттерн описания женского кочевого быта в исследовании Л. Абу-Луход.....	194
Заключение	207
Источники.....	211
Литература.....	213

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Традиционное господство мужского опыта в выстраивании картины мира нередко нивелировало «женский» взгляд на вещи, не принимало во внимание его возможной значимости и самодостаточности. С момента возникновения в XIX в. в среде антропологических исследований метода полевой этнографии, этот вид работы, как и ряд других профессий, считался преимущественно мужской сферой. В связи с этим на протяжении долгого времени культуры изучались исключительно с точки зрения мужского опыта: именно мужской взгляд формировал темы, подходы и методологию научного поиска. На рубеже XIX–XX вв. ситуация изменяется с появлением первых женщин-этнографов, работы которых, однако, не имели признания в научном («мужском») мире. Тем не менее появление женщин в «поле» позволило обнаружить области, которые не попадали в фокус внимания мужчины-исследователя, так как в качестве информаторов они выбирали представителей мужского пола и определенного социального статуса (вожди, старейшины, жрецы и т.п.). При этом опыт людей, не обладающих подобным статусом (женщины, дети и др.), оказывался просто неучтенным, а значит, игнорировались и соответственные уровни развития, категории восприятия мира, мышления и осознания себя, без которых невозможно получить полноценное представление о культуре как целом. В этом смысле более углубленное и специализированное обращение женщин-антропологов, феминистских теоретиков и полевых исследовательниц к проблемам женской повседневности дает возможность выявить и изучить такие сферы социальной организации, как, например, институт материнства, женского труда, репродуктивных практик и др. Обращение к ним расширяет предмет изучения повседневности как области исторического исследования, вводит концептуально новые понятия и термины.

Признание женщин-антропологов в научных кругах и институционализация профессионального женского опыта обусловили углубление интерпретативных подходов к традиционным и нетрадиционным культурам. Изучение научного опыта зарубежных исследовательниц, воспитанных в академических традициях американской культурной антропологии, позволяет говорить о преемственности академической культуры, а также о формировании женщинами-антропологами новых научных школ, исследовательских курсов, направлений и методов, подходов к проблемам истории повседневности, актуализации «женского» как методологического дискурса.

Тем самым обращение как к объекту, так и к субъекту антропологии, нацеленность не только на то, что изучается, но на то, кто и как это изучает – вносит вклад в развитие нового актуального направления в этнологической науке – антропологию академических сообществ. Изучение роли и вклада женщин-ученых в развитие профессионального антропологического знания является существенной и приоритетной задачей в связи с трансформацией науки в XX веке как социального института.

Объектом диссертации выступают исследования женщин-антропологов в американской культурной антропологии.

Предметом исследования являются проблемы, методологические подходы и направления в исследованиях женщин-антропологов.

Хронологические рамки исследования охватывают 1970-е – 2010-е гг. Нижняя граница обусловлена постколониальным интересом к антропологии, в частности изучению колониальных связей, стран с традиционной культурой, также развитием «второй волны» феминизма, ростом женского правосознания, легитимацией женщин в профессиональной сфере, в том числе антропологии.

Верхняя граница связана с переосмыслением научного интереса к традиционным культурам, закреплением профессионального статуса и постоянной аффилиации женщин-антропологов, новым витком

феминистических исследований в контексте актуализации проблем гендера, сексуальности, телесности, расы и религии.

Степень изученности темы. За последние три-четыре десятилетия феминистская антропология превратилась в серьезную область исследований и представлена сегодня объемной и разнообразной литературой, книгами, статьями в феминистских журналах, антропологических сборниках и т.д. Необходимо сказать о том, что большой вклад в развитие темы внесли ученые и за пределами культурной антропологии, археологи, а также представители лингвистической, биологической, прикладной антропологии. Значительный вклад в феминистскую антропологию принадлежит ученым из Великобритании, Канады, Европы и других стран мира. Также существует ряд работ в области этнографического кино, изображения антропологов и использования этнографических сценариев в художественных произведениях и в научной литературе. Соответственно, мы ограничимся работами, посвященными лишь вкладу американских женщин-антропологов в историю культурной антропологии США, оценке этого вклада с позиций как самих женщин-ученых, так и исследователей данного направления.

Ряд работ, посвященных вкладу американских женщин-этнографов в культурную антропологию, носят справочный характер, отражают основные этапы научной биографии женщин-ученых, их профессионального поиска и признания мировым академическим сообществом¹, а также представляют собой обзоры, добавляющие иной, критический взгляд не только на научный

¹ E.g.: Visweswaran K. Histories of feminist ethnography // Annual Review of Anthropology. Annual Reviews. 1997 (October). P. 591–621; Daughters of the Desert: Women Anthropologists and the Native American Southwest 1880-1980. An Illustrated Catalogue. B.A. Babcock, N.J. Parezo, Eds. Albuquerque, 1988; S. Slocum. E. Leacock. A. L. Stoler // Feminist Anthropology. [Electronic resource]. URL: <https://web.archive.org/web/20070620162526/http://www.mnsu.edu/emuseum/cultural/anthropology/Feminist%20Frame.html> (accessed: 14.11.2017); The Biographical Dictionary of Women in Science: Pioneering Lives From Ancient Times to the Mid-20th Century. Ogilvie M., Harvey J. ed. L., 2003; Gacs U. Camilia H. Wedgwood (1901-1955): Perspectives of an Early Anthropologist. Sacramento, 1981; Gacs U. Women anthropologists: a biographical dictionary. Westport, 1988; Gender Matters: Rereading Michelle Z. Rosaldo. Lugo A., Maurer B. ed. Ann Arbor, 2000; Bennett H. Christine. American women in civic work, with portraits. N.Y., 2009 (first ed. 1915).

мир исследовательницы, ее профессиональный ракурс, но и ее личную жизнь². Богатую информацию о жизни и научной работе 58 женщин, профессиональная деятельность которых связана помимо культурной, с социальной, физической антропологией, археологией, фольклором, лингвистикой, искусством, литературой и политикой, содержит сборник «Women Anthropologists: Selected Biographies»³.

Критический обзор книги Р. Ландс «The City of Women»⁴ (1948) американского этнографа, антрополога, одного из основателей изучения афроамериканцев в США М. Дж. Херсковица представляет интерес как взгляд антрополога-мужчины на полевую мастерскую антрополога-женщины. М. Херсковиц смотрит на Р. Ландс как на коллегу, оценивает «удобочитаемость» ее исследования, ее ответственность и сдержанность как дипломатические аспекты работы «в поле», акцент на достоинстве и дисциплине культовых обычаев, благодаря которому исполнители

² E.g.: Holmes W.H. In memoriam: Matilda Coxe Stevenson // *American Anthropologist*. 1916. № 18. P. 552-559; Schofield J. In Defense of Margaret Mead: A Post-Colonial Feminist Perspective // State University of N. Y. at Oswego. [Electronic resource]. URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/371443/Margaret-Mead> (accessed: 07.11.2017); Martin C. The Feminist Critique. Sally Slocum and Eleanor Leacock // *The Feminist Critique*. [Electronic resource]. URL: <http://yokim.net/63/> (accessed: 14.11.2017); Hoffer S.D. The Woman in the Body: A Cultural Analysis of Reproduction. By Emily Martin // *Journal of American History*. 1988. V. 75. Is. 1 (June). P. 228-229; Hiddinga A. Review of The Woman in the Body: A Cultural Analysis of Reproduction // *Isis. A Journal of the History of Science Society*. V. 80. № 3. 1989. P. 571-572; Newman M.L. Coming of Age, but Not in Samoa: Reflections on Margaret Mead's Legacy for Western Liberal Feminism // *American Quarterly*. 1996. V. 48, No. 2 (Jun.). P. 233-272; Mahony M.A. Review of Landes R., *The City of Women* // *H-Net Reviews*. 1996 (April). [Electronic resource]. URL: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=388> (accessed: 7.10.2017); Colasurd C. "Tell Me a Woman's Story": The Question of Gender in the Construction of "Waheenee, Pretty-Shield" and "Papago Woman" // *American Indian Quarterly*. 1997. V. 21, № 3 (Summer). P. 385-407; Lorini A. Andrew Fletcher and the Search for Women's Public Recognition in Professionalizing American Anthropology // *Cromohs*. 2003. № 8. P. 1-25; Golub A. Review of Underhill R., *An Anthropologist's Arrival: A Memoir*. Ruth Underhill // *Museum Anthropology Review*. 2015. № 9 (Spring-Fall). P. 150-152; Collins S. Review of Underhill R., *An Anthropologist's Arrival: A Memoir* // Center for Colorado & the West at Auraria Library. [Electronic resource]. URL: http://digital.auraria.edu/content/AA/00/00/27/50/00001/AA00002750_00001.pdf (accessed: 15.19.2017).

³ *Women Anthropologists: Selected Biographies*. Gacs U. Champaign, Illinois, 1988.

⁴ Herskovits M. Jean. Review of *The City of Women*, R. Landes // *American Anthropologist*. 1948. V. 50. Is. 1 (January-March). P. 123-125.

ритуальных действий представлены как «нормальные» люди, лишенные автоматизма и истерической психопатии, что, по его мнению, нередко встречается у других авторов. Примечательна его характеристика «ложной» перспективы в отношении мужских и женских ролей в исследуемой Р. Ландс культуре и вводящим в заблуждение названием ее книги, которые он объясняет неосведомленностью Ландс тем фактом, что в культуре «у мужчин есть м, столь же важные, как и у женщины». Также представляется интересным его сопоставление описаний Р. Ландс относительно «зеленого ада джунглей» с личным опытом полевой жизни М. Херсковица в Африке.

Женщины-антропологи, даже те, кто в высшей степени состоялись профессионально, предпринимали попытки написать о своем, женском опыте, требуя для себя формы, которая отличала бы их работы от «настоящего» ученого трактата. «Первый интроспективный доклад о том, каково быть полевым работником среди туземцев» - так назвала М. Мид книгу американского антрополога Лауры Боханнан «Return to Laughter: An Anthropological Novel» (1954), первоначально написанную под псевдонимом Эленор Смит Боуэн, об опыте антропологов, работающих в незнакомых культурах. Классика антропологической литературы, работа Л. Боханнан является драматичным рассказом об антропологах, впервые появившихся «в поле» один на один с далеким и уединенным африканским племенем, она не столько позволяет глубже понять культуру Западной Африки, тонкости племенной жизни и института колдовства, сколько фокусируется на человеческом измерении антропологии, рассказе о личных победах и неудачах, документировании глубоких изменений, которые претерпевает этнограф при знакомстве с собой в чужой культуре. Книга Л. Боханнан поднимает вопрос об институционализации полевой работы в качестве ядра профессиональной антропологии США в 1940–1950-х гг., раскрывает, как полевые экспедиции могли и должны были стать воплощением боасовской концепции культуры.

Автор «Return to Laughter» позволяет почувствовать, как антропологи перешли от идей о различиях к истинному переживанию и проживанию этих различий, показывает, что даже наши основополагающие представления о времени и пространстве не заключены в природе или географии, а основаны на человеческом опыте и привычном поведении. «Время уже приобрело более индивидуальный и в то же время более сезонный характер, чем я привыкла <...>. Дожди начались, когда пошел дождь; когда начался дождь, люди стали сажать урожай. Можно сказать, что человек поздно посадил свои семена, но нельзя сказать, что поздно пошел дождь»⁵.

Излагая свои взгляды на язык, социальные смыслы термина родства, Л. Боханнан задолго до того, как П. Бурдые напишет о неверном истолковании генеалогических записей, поставила под сомнение основы всех схем родственных связей, до этого собранных антропологами, и обосновала необходимость противопоставления одних стереотипов другим. Также она поднимает вопрос о том, насколько отстраненным антрополог действительно может оказаться внутри общества, видя его беспомощность и ошибочность действий перед лицом смерти или тяжелой болезни и осознавая, что это общество ничего не изменит от высказанного этнографом суждения об их неправоте.

Н. Эстрейх Лурье представляет исторический очерк о шести выдающихся женщинах, которые стояли у истоков появления антропологии на ее начальном этапе в последней четверти XIX в. на пути ее признания в качестве учебной дисциплины в XX в.: Эрминни Смит, Алиса Флетчер, Матильда Стивенсон, Селия Наттолл, Фрэнсис Денсмор и Элси Парсонс. Автор предлагает истории исключительного интеллектуального любопытства, готовности к риску и неординарности, вдохновлявших первых женщин-антропологов выйти за рамки границ, отведенных обычной женщине, истории об их признании просвещенными современниками-

⁵ Bowen E. Smith [Laura Bohannan]. Return to Laughter: An Anthropological Novel. N. Y., 1954. P. 68–69.

мужчинами. Работа дает исчерпывающее представление о том, как каждая из ее героинь успешно реализовала свою уникальную природу в личном и профессиональном пространстве и привнесла данный опыт в развитие антропологии в целом⁶.

Некоторые из ранних работ ведущих антропологов, не вдохновленных женским движением, были обнаружены женщинами-учеными в первые годы их обращения к женской теме в антропологии. Статья Эдвина Арденера «Belief and the Problem of Women» была впервые представлена в 1968 г. на семинаре Ф. Кэбери в Лондонском Университете, и ее последующее включение в издание 1975 г. «Perceiving Women» привлекло широкое внимание феминистских антропологов, предложив убедительный мужской взгляд на то, как женщины становятся «молчащей группой». Э. Арденер говорил о том, что не изначальная значимость (или ее отсутствие) деятельности женщин определяет то, как они представлены в антропологическом каноне, но использование ими социальных моделей, которые предлагают менее убедительные результаты, чем те, которые обычно приводят мужчины, то есть менее основательные и всеобъемлющие.

Положение женщин на кажущейся ограниченной арене домашнего хозяйства делает их менее склонными к тому, чтобы представить объяснения, которые соответствовали бы требованиям мужчины-этнографа, для которого они выглядят «нечленораздельными» («inarticulate»). Э. Арденер называет это аргументом «горячей печи»: женщины слишком заняты «реальностью родов и воспитания детей» и, следовательно, «имеют меньше времени или склонности к конструированию моделей общества друг для друга, для мужчин или для этнографов»⁷. То, что это являет своего рода соглашение между женщиной-антропологом и женщиной-информантом, не остается без внимания Э. Арденера, он четко обуславливает неизбежную

⁶ Lurie N. Oestreich. Women and the Invention of American Anthropology. Waveland, 1999 [1966].

⁷ Ardener E. Belief and the Problem of Women. In Perceiving Women. S. Ardener, ed. L., 1975. P. 1-17.

немоту или невидимость женщин в этнографических текстах всеприсутствием мужчин.

Во вступительной статье к известной работе Барбары Майорхофф (антрополога, режиссера и основателя Центра визуальной антропологии в Университете Южной Калифорнии) «Number Our Days» (1978) В. Тернер говорит о том, что женщина-этнограф должна распознавать, предвидеть и исследовать, каким образом ее присутствие «в поле» влияет на реакцию и поведение ее информантов. Б. Майерхофф, получив грант на изучение процесса старения, отказалась от «экзотики» и обратилась к пожилым евреям из Венеции, штат Калифорния. В. Тернер называет ее стоящей в авангарде этнографической теории благодаря тому, что она одной из первых использует рефлекссию и нарративный анализ в своем исследовании, предоставляя информантам право придавать смыслы собственной культуре⁸.

Особое развитие в работах женщин-антропологов получило критическое представление «других», аспект, который подчеркивает важность изучения динамики выстраивания иерархии между субъектами и исследователями.

В 1970-х гг. популярный лозунг «Sisterhood Is Global» теоретизировал важную связь между женщинами во всем мире, основанную на их общем гендерном угнетении. С конца 1970-х и до сегодняшнего дня этот лозунг и его центральная идея о том, что женщины разных культур связаны из-за своей «женской» идентичности и общей подверженности угнетению, подвергалась критике как берущая свое начало в этноцентрическом мировоззрении, которое дает привилегию лишь «белым», среднего класса западным женщинам. О. Лорд в своем эссе «Age, Race, Class and Sex: Women Redefining Difference» (1984) утверждает, что вторая волна женского движения была слишком сосредоточена на проблемах афроамериканок,

⁸ Turner V. Introduction. In Myerhoff B. Number Our Days: A Triumph of Continuity and Culture among Jewish Old People in an Urban Ghetto. N. Y., 1978.

формы угнетения которых не могут быть сведены к дискриминации по признаку пола⁹.

Подобная критика ставит ряд ключевых проблем в женской этнографической практике. Г. Спивак в работе «Can the Subaltern Speak» (1988) задается вопросом, могут ли представители изучаемой «примитивной» культуры «обрести голос» через интеллектуала-исследователя, стремящегося передать речь тех, кто исторически неслышен. Г. Спивак утверждает, что в таком случае искомый голос утратит свою аутентичность, останется производным и вторичным. Это, по мнению автора, перманентный риск феминистской этнографии¹⁰. Тем не менее, Э. Шуман в ее книге «Other People's Stories» подчеркивает, что несмотря на то, что «чужие» истории – это процесс, чреватый репрезентативными и этическими «минами», антрополог может и должен продолжать свое исследование в надежде, что сможет чему-то научиться из «нерассказанных историй»¹¹.

Почему нам так мало известно о фигурах, послуживших интеллектуальной опорой в стремлении понять больше о жизни женщин в других культурах, в нашем собственном обществе, как имена этих ученых оставались неизвестными в течение нескольких лет после публикации их работ? Отвечая на эти вопросы, К. Латс и Л. Боллес поднимают актуальную на сегодня и не менее актуальную два века назад проблему научного цитирования, убеждая, что практика упоминания в своем исследовании других ученых и ссылок на их работы, как правило, игнорировала имена женщин-антропологов, и особенно тех, кто являлся афроамериканкой или представителем других этнических меньшинств. Данный «индекс цитирования» не только не учитывал вклад женщин-ученых, но заявлял о том, что их работы не заслуживают уважения и не имеют существенного

⁹ Lorde A. Age, Race, Class and Sex: Women Redefining Difference. In *Sister Outsider: Essays and Speeches*, 1984. P. 114–123.

¹⁰ Spivak G. Chakravorty. Can the Subaltern Speak? In *The Post-Colonial Studies Reader*, ed. by B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. N. Y., 1988. P. 24-28.

¹¹ Shuman A. *Other People's Stories: Entitlement Claims and the Critique of Empathy*. Chicago, 2005. P. 162.

значения для дисциплины. Другими словами, интеллектуальный статус женщин-ученых попадал в зависимость от регулярности упоминания их работ, вследствие чего их имена воспринимались как второстепенные и в конечном итоге забывались, даже несмотря на успешно и своевременно опубликованные результаты исследований¹².

Углубляют восприятие гендерной теории в антропологии работы профессоров антропологического отделения Стенфордского университета Дж. Коллиер и С. Янагисако в коллективном труде «Theoretical Perspectives on Sexual Difference»¹³ (1990). Пересматривая один из определяющих вопросов американского женского движения, связанный с половыми различиями, авторы оспаривают центральную роль феномена различия, его организующей социум функции как биологического или психологического императива, исследуют идеологические и политические последствия перспективы гендерной стереотипизации.

Ч. Моханти в своей статье «Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses» (1991) утверждает, что западные феминистские этнографы использовали колониальную практику в категоризации женщин третьего мира как монолитной группы, превращенной в жертву патриархальной культуры и традиции. Она говорит о том, что женщины третьего мира являются «другими» для западных ученых, посредством чего они видят себя «старшими сестрами», которые должны спасти своих подопечных от их варварских культур.

Нарративы спасения нередко имели исторический приоритет в культурной антропологии, и Ч. Моханти указывает на сходство между

¹² Lutz C. The Erasure of Women's Writing in Sociocultural Anthropology // American Ethnologist. 1990. V. 17/4. P. 611–627; Bolles A. Lynn. Seeking the Ancestors: Forging a Black Feminist Tradition in Anthropology. In Black Feminist Anthropology: Theory, Politics, Praxis, and Poetics. I. McClaurin, ed. New Brunswick, 2001. P. 24– 48.

¹³ Theoretical Perspectives on Sexual Difference. D. L. Rhode ed. New Haven, 1990.

феминистскими теориями и колониальными практиками, которые также включали аргументы о «спасении» женщины¹⁴.

В отличие от этого Р. Морган в своем вступлении к «Sisterhood Is Global» утверждает, что латентная женская культура может быть актуализирована женщинами, изучающими их общий опыт патриархатного притеснения¹⁵. Ч. Моханти, в свою очередь, ставит под сомнение жизнеспособность тезиса Р. Морган с учетом разнообразия женского опыта в мире; более основательно она оспаривает понимание коллегой «женщины» как значимой категории идентичности и приводит аргументы в пользу изучения женщин, которые «исторически контекстны». Критика Ч. Моханти не исключает возможности коллективного женского опыта, однако предупреждает о риске, который западные феминистские ученые усиливают в случае установления полярности, противопоставляющей женщин Запада и Юга.

В 1994 г. К. Висвесваран в книге «Fictions of Feminist Ethnography» рассмотрела дебаты о «деконструктивной» этнографии с феминистской точки зрения. К. Висвесваран описала процесс, посредством которого «объективная», или «научная», этнография переоценивалась как «фикция», художественный вымысел, и исследовала пути, с помощью которых женщины-этнографы могли ориентироваться в новых методологических условиях. Она рассматривает проблемы «литературного поворота», которые ставятся перед этнографами в целом и женщинами-этнографами в частности, прослеживает историю развития постструктуралистской критики этнографии, показывая, как женщины-этнографы создали свои

¹⁴ Mohanty C. Talpade. Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses. In Third World Women and the Politics of Feminism, ed. by Ch. Talpade Mohanty, A. Russo, L. Torres, Bloomington, 1991. P. 51–80.

¹⁵ Morgan R. Planetary Feminism: The Politics of the 21st Century. In Sisterhood Is Global: The International Women's Movement Anthology, ed. by R. Morgan. N. Y., 1984. P. 1–37.

«экспериментальные» этнографии за десятилетия до литературного поворота в антропологии¹⁶.

Многие женщины-этнографы, такие как М. Мид, З. Нил Херстон и Э. Парсонс, глубоко рефлексировали на предмет своей профессиональной реализации, своих отношений с информаторами и удивительном сходстве своих работ с литературой. К. Висвесваран показывает, что, например, З. Херстон не была канонизирована за свой вклад в антропологию, так как «решила не объективировать афроамериканские культуры, используя нормативные антропологические подходы, но придать им логику повествовательной традиции», также, что стремление З. Херстон «размыть жанры и полагаться на повествование от первого лица» является ранним примером феминистской этнографической работы. Нивелирование значительного вклада З. Херстон является примером того, что этнографический труд женщин не считался «серьезным» именно потому, что признавался слишком рефлексивным и диалогичным. Первые женщины-этнографы не представляли себя в качестве авторитета в чужой культуре, но пытались передать «частные» истины, которые узнали, включить голоса «других» в свои тексты. Однако теперь, когда постмодернистские этнографы высоко ценят подобные практики, поворот к этим ранним формам этнографии редок.

Эти же вопросы рассматривает К. Латц в своей статье «The Gender of Theory» (1995), где она утверждает, что теория «гендерна и классовая» сама по себе¹⁷. В частности, теоретизирование в этнографии, в основном, было связано с деятельностью мужчин, в то время как занятием женщин были сбор данных и непосредственно работа в поле. К. Латц говорит о дихотомии, представляющей мужское письмо как серьезное и трудное, а женское – не научное и личное, персонализированное. Теперь, во многом опираясь на

¹⁶ Visweswaran K. *Fictions of Feminist Ethnography*. Minneapolis, 1994.

¹⁷ Lutz C. *The Gender of Theory*. In *Women Writing Culture...* P. 251.

ранний вклад этнографов-феминисток, постмодернистская этнография стирает грань между собой / другим и знающим / известным.

Размышления о гендерной политике, расовой истории и этических затруднениях женщин-антропологов представлены в сборнике «Women Writing Culture» (1995), выпущенном под редакцией профессора антропологии Мичиганского университета Р. Бехар и доцента женских исследований Уичитского государственного университета США Д. Гордон. Созданные впечатляющим кругом авторитетных женщин-ученых, известных теоретиков и практиков (таких, как Л. Абу-Луход, Б. Бэбкок, Р. Бехар, Л. Ламфер, Дж. Стейси), эссе исследуют широкий спектр представлений о личности исследователя и проблеме культурных различий. Основываясь на собственном этнографическом опыте, авторы ставят перед собой вопросы о том, как женщины-исследовательницы переосмысливают «поэтику и политику» этнографии? каковы и как решаемы противоречия, возникающие у женщин, изучающих женщин? как и когда категории пола, расы, национальности были включены в антропологический канон? Отвечая на поставленные проблемы, авторы прибегают к автобиографическим сюжетам, художественной литературе, историческому анализу. Ряд работ посвящен исследованию ключевых текстов наиболее известных женщин-антропологов, таких как Э. К. Парсонс, М. Мид и Р. Бенедикт, другие критически пересматривают работы афроамериканских антропологов, таких как З. Нил Херстон, Э. Делория и А. Уолкер. Часть статей исследует, каким образом гендерная политика играет роль фильтра, помогающего определить, что попадает в антропологический канон и каковы его критерии оценки. Другими авторами исследуются новые формы феминистской этнографии, которые новаторски «пишут культуру», бросая вызов преобладающим, ориентированным на мужчин, антропологическим моделям. Так, Л. Ламфер дает понять, что ярко выраженный феминизм, пацифизм и в целом приверженность прогрессивным движениям Э. Парсонс были важными катализаторами ее научной работы, основанной на опыте радикальной

политики после Первой мировой войны, и позволившей ей одной из первых обратиться к проблеме женских запретов, ограничений и практик, часто сосредоточенных на женском теле, сексуальности и репродуктивной роли матери¹⁸.

Представление о жанрах антропологического текста, которые использовали жены исследователей в борьбе за право называться и восприниматься антропологами, дает работа Б. Тедлок «Works and Wives: On the Sexual Division of Textual Labor»¹⁹, автор которой проводит историческую генеалогию разделения этнографического труда между мужчинами и женщинами. Так, считается, что форма и содержание мужских работ признаваемы и академичны, а женщины (или жены) пишут «экспериментальные» или «рефлексивные» этнографии, которые считаются непрофессиональными рассказами, больше подходящими для широкой публики, чем для серьезных ученых. Тем самым автор лишний раз подтверждает, что женский текст в этнографии, включающий личные переживания и размышления, исторически недооценивался, укрепляя идею о том, что женские этнографии и описания жизни женщин являются формами вторичных знаний, необязательных для понимания культуры в целом. В то время как среди этнографов-женщин было немало тех, кто экспериментировал с формой за десятилетия до того, как она стала нормой в академической среде.

В. Тедлок убедительно описывает историю «текстового» разделения труда, когда супруги находились вместе «в поле», но создавали совершенно разные этнографические тексты. Элизабет и Роберт Фернея работали в маленькой иракской деревне, в результате экспедиции муж создал классическую научную монографию, в то время как жена написала «Guests of the Sheik» (1965), своего рода этнографический бестселлер, несмотря на

¹⁸ Lamphere L. Feminist Anthropology: The Legacy of Elsie Clews Parsons. In *Women Writing Culture...* P. 85–103.

¹⁹ Tedlock B. Works and Wives: On the Sexual Division of Textual Labor. In *Women Writing Culture...* P. 267–286.

достоверность всех описываемых автором событий. Она открыто обсуждает проблемы, связанные с тем, как ее осуждают местные женщины, за то, что она, по их мнению, не умеет готовить и ленива. Как все женщины в деревне, она живет в полной изоляции от мужчин, не являющихся для них родственниками, ее единственные контакты – с мужем и соседями. В частности, ее жизнь вращается вокруг гарема, где она имеет возможность общаться с местными женщинами. Книга Э. Фернеа содержит ее личные размышления и субъективную реакцию на ограничения, испытываемые особой женского пола, она посвящена жизни и проблемам женщин, хотя и лишена конкретной, политически ориентированной приверженности идее «глобального сестринства», которая получит развитие в последующие годы.

Б. Тедлок также обращается к опыту семейного сотрудничества Э. Экстелл Моррис, содействовавшей исследованию своего мужа («Digging in the Southwest», 1933) и оставившей рассказ от первого лица об опыте работы в поле. Текстуально вклад Э. Моррис не нашел своего места в антропологическом каноне, и по мнению Б. Тедлок, именно публичное заявление о себе сделало ее непопулярной в академических кругах. Похожим образом Р. Бехар утверждает, что даже феминистские этнографы «несколько смущены» фигурой М. Мид, несмотря на то что она является известным и признанным антропологом и этнографом. Р. Бехар предполагает, что, поскольку М. Мид вела довольно публичную интеллектуальную жизнь, значение ее академической работы преуменьшалось теми учеными, которые считали свои труды более теоретически сложными, чем работы М. Мид²⁰.

Развивает эту мысль Н. Луткехаус, которая, учитывая новаторство многих статей М. Мид, придает значение ее утверждению о том, что человеку всегда доступна только одна сторона правды и что вклад одной культуры или одной научной дисциплины сам по себе частичен и всегда

²⁰ Behar R. Introduction: Out of Exile. In Women Writing Culture... P. 1–29.

находится в ожидании вклада других людей для полноты истины²¹. Н. Луткехаус считает идею М. Мид о «частичных истинах» ключевой в понимании «постмодернистской этнографии».

Противоречия феминистских ученых в процессе сбора этнографических данных и их представления раскрываются в сборнике «Feminist dilemmas in fieldwork»²² (1996) под редакцией социолога, профессора Калифорнийского университета Д. Вольф. Авторы предлагают междисциплинарное исследование видов дилемм, с которыми столкнулись феминистские исследователи в США и других странах, вытекающих из их многовариантных позиций как исследователей «insiders» или «outsiders», а также из попыток уравнивать исследовательские позиции.

Опираясь на свой опыт исследований в рамках исторической феминологии и руководства обучающих программ для женщин, профессор истории в государственном университете Сан-Франциско и научный сотрудник Института исследований женщин и гендера при Стэнфордском университете, М. Боксер прослеживает успехи и неудачи становления женских исследований в целом и в частности антропологии, исследует длительное влияние этой области на сферу высшего образования, говоря о том, рост женских исследований бросил вызов академическим структурам так же, как феминизм бросил вызов обществу в целом. М. Боксер отмечает, что «women's studies» являют собой гарантию того, что женщина будет услышана в условиях создания, преподавания и сохранения знаний. М. Боксер подчеркивает, что интеллектуальная трансформация, стоящая за появлением женских исследований, носит «исторический» характер, приведя к расцвету искусства, литературы и науки, а также к вызову ранее принятым авторитетам в конструировании текста культуры и создании традиций²³.

²¹ Lutkehaus N. C. Margaret Mead and the 'Rustling-of-the-Wind-in-the-Palm-Trees School' of Ethnographic Writing. In *Women Writing Culture...* P. 192.

²² *Feminist Dilemmas in Fieldwork*. (by Diane Wolf ed.). Boulder, 1996.

²³ Boxer M. Jacoby. *When Women Ask the Questions: Creating Women's Studies in America*. Baltimore, 1998.

Систематический обзор и сравнение вклада американских и британских женщин XIX в. в самые разные области научных исследований, в частности антропологию, предпринят в работе М. Криз «*Ladies in the Laboratory? American and British Women in Science, 1800-1900: A Survey of their Contributions to Research*» (2000). Данное сопоставление дает представление о том, как разрабатывались национальные модели процесса вступления женщин в науку, их вклада в нее. Работа репрезентативна в качестве масштабной библиографии научных публикаций женщин-ученых, созданной на базе Каталога Научных Статей Лондонского Королевского Общества (1800-1900), что дает возможность проследить исторический путь и степень преемственности научной мысли женщин-антропологов²⁴.

А. Онг также критикует западную феминистскую традицию эссенциализации женщин третьего мира. Будучи заинтересованной в линейных повествованиях о развитии, А. Онг утверждает, что женщины-антропологи слишком часто фокусируются на западных целях и идеях развития на фоне признания альтернативных/или туземных, каковые заключаются во входе в «цивилизованный» мир. А. Онг называет такой подход магической верой в силу современности освободить женщин от «репрессивных» гендерных ролей²⁵.

К. Лавандер в работе «*Scientists and Storytellers: Feminist Anthropologists and the Construction of the American Southwest*»²⁶ (2006) изучает работу женщин-этнографов, вышедших из антропологической школы Колумбийского университета, – Э.К. Парсонс, Р. Бенедикт, Г. Рейхард и Р. Андерхилл как представительниц четырех поколений феминистского направления в США. Автор помогает понять причины обращения женщин-

²⁴ Creese Mary R.S. *Ladies in the Laboratory? American and British Women in Science, 1800-1900: A Survey of their Contributions to Research*. Maryland, 2000.

²⁵ Ong A. *Colonialism and Modernity: Feminist Re-Presentations of Women in Non-Western Societies*. In *Feminism and Race*, ed. by K. Bhavnani. Oxford, 2001. P. 108-118.

²⁶ Lavender C. *Scientists and Storytellers: Feminist Anthropologists and the Construction of the American Southwest*. Albuquerque, 2006.

антропологов к изучению культур коренных американцев в первые десятилетия XX в., в частности говоря о юго-западных индейских культурах как примере более открытых возможностей для женщин и потенциальных моделей развития американского феминизма и эмансипации.

Борьбе женщин за признание и доверие в академических кругах посвящена работа М. Кателл и М. Швайтцер «Women in Anthropology: Autobiographical Narratives and Social History» (2006), которая представляет важный по своей интимности портрет реалий из личной и профессиональной жизни женщин-антропологов. Они откровенно говорят о своих проблемах и успехах, браках, воспитании детей, проведении исследований, борьбе за первую публикацию, о том времени XX в., когда роли и ожидания для женщин претерпевали кризис восстановления²⁷.

Книга «Feminist Anthropology: A Reader» (2006), вышедшая под редакцией Э. Левин в серии «Blackwell Anthologies in Social and Cultural Anthropology», предлагающей фундированный анализ социальной и культурной антропологии как постоянно меняющейся области, прослеживает вклад в формирование дисциплины женщин-антропологов в XIX и XX вв., и помимо подборки классических феминистских текстов содержит современные работы, которые дают представление о новых направлениях в феминистской антропологии, в которых движется эта наука, и подчеркивает стремительность расширения данной области исследования в начале XXI в²⁸.

В своей обширной вступительной статье Э. Левин (р. 1946), антрополог, профессор Колледжа гуманитарных наук Университета Айовы на факультете гендерных и сексуальных исследований, говорит о поворотном этапе женских исследований, когда исходя из антропологических соглашений конца 1960-х – начала 1970-х гг., ученые-активистки были ориентированы не только на те, традиционно изучаемые антропологами,

²⁷ Cattell M.G., Schweitzer M.M. Women in Anthropology: Autobiographical Narratives and Social History. L., 2016.

²⁸ Lewin E. Feminist Anthropology: A Reader / E. Lewin ed. Hoboken, 2006. P. 1-39.

мелкие, экзотические, технологически примитивные культуры или популяции, определяемые как «другие», но привязывали свои идеи, полученные в межкультурном исследовании, к обществу, в котором жили они сами. Любопытство в отношении «другого» было «отфильтровано» через осознание того, что проблемы, стоящие перед женщинами в западных обществах, являются неотложно важными и что «банальные» версии культурного релятивизма больше не могут быть использованы для маскировки значимости их идей. Кроме того, в условиях очень непопулярных тогда вопросов и сомнений касательно само собой разумеющихся предположений о женщинах и мужчинах, многие из первых феминистских антропологов чувствовали себя «аутсайдерами», посторонними в своих собственных культурах.

Автор отмечает, что в своем исследовательском стремлении изучить, понять и предъявить фундаментальную общность между женщинами сквозь культурные границы, основательницы феминистской антропологии были убеждены, что уроки, относящиеся к их собственным проблемам, могут быть почерпнуты из исследования женщин в других культурах. Двигаясь к созданию новой области, женщины-ученые были одержимы желанием отдать должное женщинам в разных культурах, тем, которых они считали лишенными элементарных гражданских прав. Опираясь на их восприятие, молчащих и подчиненных, первые феминистские антропологи стремились сделать женщин видящими и видимыми через свои этнографические заметки из «другого» мира.

Важно отметить, что Э. Левин поднимает вопрос о статусном изменении женщин-антропологов на пути превращения научной области из антропологии женщин в антропологию пола и, наконец, в феминистскую антропологию. Речь не только об интеллектуальном взрослении дисциплины, но и ее институциональной легитимности. Раннее волнение от участия в повстанческом предприятии перешло в безопасность и открытость своих позиций. Ныне аспиранты и преподаватели, открывавшие эту область в

начале 1970-х гг., продвинулись по карьерной лестнице, и считается, что их работа больше не бросает вызов идейным границам дисциплины. Многие из радикальных лидеров, проявивших себя на заре феминистской антропологии, стали выдающимися и почетными деятелями – президентами ассоциаций, лауреатами наград, получателями престижных грантов, одаренными лекторами. Жесткая борьба первых лет за признание к ответственности отделы антропологии в ситуации дискриминации в отношении женщин на факультетах, привела, по крайней мере, к формальным мерам, направленным на содействие равенству, и теперь сосредоточенность на вопросах пола и прав сексуальных меньшинств стала обязательным элементом политического лица антропологии, что, конечно, не означает абсолютного исчезновения неравенства, но говорит о том, что феминистская антропология обрела должное уважение и больше не составляет радикальную оппозицию существующим теориям.

Кроме того, затрагиваемая Э. Левин тема личных динамик представляется важной в вопросе о зарождении и становлении феминистской антропологии. Обязательство решить проблему угнетения женщин, которое ставили перед собой стоящие у истоков дисциплины исследовательницы (к которым причисляет себя и Э. Левин), было продиктовано не столько желанием бросить интеллектуальный вызов, сколько внутренним требованием, личным интересом, альтруизмом. Это ставило и ставит перед ними ряд концептуально важных вопросов: всегда ли женщины были угнетены? были ли факторы (экономические, культурные, исторические), которые повлияли на такое положение женщин? как мы можем оценивать положение женщин в разных культурах? и какие показатели мы должны искать и предъявить в собственном этнографическом отчете? Так или иначе, но автору важно показать, что они, исследовательницы 1970-х, не задумывались над тем, что они, женщины-антропологи, и женщины, с которыми они могут встретиться в других культурах, были одинаково связаны общим опытом доминирования мужчин.

Безусловно, работа Э. Левин ценна глубоким историческим дискурсом, выводящим на современную сцену лица первооткрывательниц в этнографии XIX в., подчас антропологов-самоучек, ставших «маяками» для шедших за ними женщин-антропологов: Э. Парсонс, Э. Платт Смит, А. Флетчер, М. Стивенсон, С. Наттол, Ф. Денсмор, а также об их не менее выдающихся последовательницах, среди которых не только «иконы» М. Мид, Р. Бенедикт, Р. Ландс, Г. Паудермакер, З. Нил Херстон и др., но и тех исследовательниц, кто не получил столь громкую известность, однако привнес заслуживающий внимания вклад в развитие науки, это такие имена, как Э. Фернеа, Рена Ледерман, Джун Нэш, Кристин Уорд Гэйли, Карен Сакс, Кэрол Стэк, Сьюзен С. Бурк, Кей Барбара Уоррен, Эстер Бозеруп, Дейзи Дуайер и др.

Обращаясь к двум ключевым по своей фундаментальности книгам – «Women, Culture, and Society» (под редакцией М. Розальдо и Л. Ламфер) и «Toward an Anthropology of Women» (под редакцией Р. Рейтер), давно ставшим каноническими для женщин-антропологов (да и не только), и давая общий обзор их эссе-манифестов, автор сравнивает их как представивших два различных подхода к определению роли женщины в культуре. Подход «универсальной асимметрии», преобладающий в сборнике М. Розальдо и Л. Ламфер, описал способы проявления неравенства между полами в различных культурных контекстах, и сформулировал сценарии, объясняющие виды, степени и типы подчинения женщин. Напротив, после публикации сборника Р. Рейтер получил распространение подход, более основанный на марксистско-энгельских установках. Исследования Д. Нэш, К. Уорд Гэйли, К. Сакс и другие работы, возникшие в результате «социалистического феминизма», предложили, по мнению Э. Левин, анализ с точки зрения борьбы бедных женщин мира, используя вдохновенную марксизмом эволюционную парадигму. Статус женщин в капиталистических обществах, таких как Соединенные Штаты, часто либо косвенно, либо прямо сравнивают с положением женщин в культурах с более эгалитарными структурами и

более простыми экономическими и политическими системами. Так или иначе, независимо от конкретных подходов, интенция Э. Левин объединила данные работы как ознаменовавшие собой период, когда большинство женщин-антропологов подготовили ряд этнографических исследований, которые привели в действие мандат, согласно которому ранее невидимым женщинам в разных культурах мира обеспечили признание и возможность говорить, что лишний раз продемонстрировало, что помещение женщин в центр анализа дает результаты, сильно отличающиеся от традиционной этнографии.

В этом же ключе рассматривается классическое этнографическое исследование Кэрол Стэк об афроамериканках с низким доходом в типичном американском городе – оно также привело к новому признанию женщин как активных социальных акторов²⁹. Работа К. Стек, по мнению автора, высветила преимущества сосредоточения внимания на рассказах женщин о своей жизни и послужила моделью для ряда политически настроенных работ, которые последовали в феминистской антропологии, особенно в контексте США. Подобные работы, опубликованные в течение первого десятилетия новоявленной антропологии женщин, 1970–1980-х, стали уделять основное внимание положению женщин в мире (часто начинаясь с такой фразы, как «women of...»), постепенно решая проблему видимости женщин, проблему, которая заявила о себе благодаря этнографии.

Данное направление в истории женских исследований обозначено автором как «resuperative movement» (регенерирующее, восстанавливающее имя и статус женщины). В этот ряд автор помещает исследование Сьюзен С. Бурк и К. Барбары Уоррен «Women of the Andes» как сосредоточенное на стратегии, разработанной женщинами для расширения собственных возможностей, даже перед лицом повсеместной бедности и укоренившегося

²⁹ Stack C. B. All our Kin: Strategies for Survival in a Black Community. N. Y., 1974.

мужского доминирования³⁰. Другие этнографические изыскания в описании Э. Левин придавали большую текстурность изображению незападных женщин, стремясь либо «прославлять» ситуации, когда положение женщин было сравнительно высоким, либо «оплакивать» жестокое обращение с женщинами в определенных культурах. Многие из этих работ стремились, в частности, изучить символы подчинения и понять, каким образом эти культурные элементы были восприняты самими женщинами. В других случаях рассматривались некоторые из вопросов, поднятых Эстер Бозеруп в ее работе «Woman's Role in Economic Development», сосредоточив внимание на воздействии экономического роста и урбанизации и отметив также, что изменения в экономическом положении женщин могут предлагать им ресурсы для автономии, но могут и подрывать традиционные источники власти³¹. Возвращаясь к поискам ответов на вопрос о загадочности статуса женщины, феминистские антропологи часто стремились подорвать представления о том, что такое «хорошо» и «плохо» для женщин, поставить под сомнение степень, в которой препятствия и ограничения в общественных движениях женщин действительно представляют собой формы угнетения. Так, Д. Вульф предположила, что даже в патриархальной китайской крестьянской культуре женщины могли оказывать полезное влияние на их семью и детей, а Д. Дуайер утверждала, что женщины не обязательно прибегают к тем же символическим системам или когнитивным моделям, используемым мужчинами и, таким образом могут уберечься от негативных взглядов и мнений, высказанных мужчинами.

Как показывает Э. Левин, новое внимание к женщине и проблемам пола побудило некоторых женщин-антропологов вернуться в места полевых исследований, прежде изученных без учета важности роли женщин. Например, Р. и И. Мерфи опубликовали результаты своих предыдущих

³⁰ Bourque S. C., Warren K. B. Women of the Andes: Patriarchy and Social Change in Two Peruvian Towns. Ann Arbor, 1981.

³¹ Boserup E. Woman's Role in Economic Development. L., 1970.

исследований на Амазонке, прокомментировавших положение женщин явно в андроцентричной парадигме³². Другие же женщины-этнографы начали свои исследовательские проекты, стремясь пересмотреть более ранние исследования других ученых. Так, Дж. Гудейл, изучавшая женщин-тиви, коренного населения Австралии, предложила интерпретацию, перевернувшую в обратном ключе исследование А. Пиллинга и К. Харта: в то время как мужчины-этнографы описали культуру, в которой женщины в качестве товаров выступали элементами купли-продажи и практически не имели права голоса или представительства, в работе Дж. Гудейл были представлены женщины, которые активно разрабатывали стратегию своей племенной деятельности и видели в системе брака ими организованную и им подконтрольную структуру³³. Похожим образом А. Вейнер смело предприняла исследование на Тробрианских островах, повторно посетив область, послужившую основой для работы Б. Малиновского и предложив новые интерпретации, основанные на внимании к женщине³⁴.

Подобные «re-studies» оказали многостороннее влияние на набирающую обороты феминистскую антропологию. Поставленный вопрос о деятельности женщин и их взглядах на культуру будет иметь постоянное значение по мере развития новой области. Важность анализа Э. Левин в доказательстве того, что различия между работой этнографов-мужчин и женщин, или же между этнографами, которые ориентировались на научные взгляды мужчин, и теми, кто осознавал важность исследовательской позиции женщин, порождали разные реальности, каждая из которых могла быть по-своему истинной и обоснованной. Этот взгляд на природу этнографического знания в последующем стал еще более влиятельным и получил дальнейшее развитие под влиянием идей постмодернизма. Влияние этой точки зрения

³² Murphy Y., Murphy R. F. *Women of the Forest*. N. Y., 1974.

³³ Goodale J. C. *Tiwi Wives: A Study of the Women of Melville Island, North Australia*. Seattle, 1971.

³⁴ Weiner A. B. *Women of Value, Men of Renown: New Perspectives in Trobriand Exchange*. Austin, 1976.

стало ощущаться в начале 1970-х гг., когда феминистская антропология пережила этапы своего формирования, и, как показывает сборник Э. Левин, продолжало оставаться центральным для теоретиков феминистской антропологии.

Важно отметить репрезентативность анализа Э. Левин в описании серии книг, опубликованных в первые годы феминистской антропологии, в которых проводились межкультурные сравнения с целью предложить определения и теоретическое объяснение сексуального неравенства. Это К. Сакс и ее работа «Sisters and Wives», где предпринята попытка понять статус женщин с точки зрения их роли в экономическом производстве, их способности вносить вклад в основную производственную деятельность и контролировать продукты их труда³⁵; П. Ривз Сандей обратилась к культурным ресурсам, которые олицетворяли либо женскую власть, либо мужское доминирование, уделяя пристальное внимание мифам и типологии символов, связанных с полом в определенных культурах³⁶; исследование матрилинейных обществ А. Шлегель рассматривало статистически более редкие социальные формы для определения условий, в которых женщины могут достичь автономии, даже если они, по видимым критериям, подчинены мужскому авторитету³⁷.

Ряд опубликованных сборников статей также имел целью использовать межкультурное сравнение как способ понять источники мужского доминирования, а также определить пути его минимизации и преодоления. Например, в «Sexual Stratification» А. Шлегель сексуальная стратификация была представлена состоящей из трех элементов – «rewards, prestige, power», – которые могут действовать в некоторой степени независимо друг от друга. Тщательно отобранные ею эссе представляли две

³⁵ Sacks K. Sisters and Wives: The Past and Future of Sexual Equality. Westport, 1979.

³⁶ Sanday P. Reeves. Female Power and Male Dominance: On the Origins of Sexual Inequality. Cambridge, 1981.

³⁷ Schlegel A. Male Dominance and Female Autonomy: Domestic Authority in Matrilineal Societies. New Haven, 1972.

противоположные теории того времени: одни прослеживали сексуальное неравенство в биологии, с универсальным набором характеристик; другие рассматривали его как инцидент с отсылкой к конкретным экономическим отношениям³⁸. Напротив, сборник М. Этьен и Э. Ликок «Women and Colonization» опирался на тематические исследования широкого круга культур, чтобы проиллюстрировать, как исторически сложившиеся экономические условия определяли относительную власть и авторитет женщин³⁹. П. Каплан и Дж. Буджер в сборнике «Women United, Women Divided» также обратили внимание на эволюционную перспективу неравенства, включив в свою коллекцию эссе, особенно касающиеся условий, при которых женщины могли выступать в качестве политических рычагов⁴⁰. Аналогичным образом в издании «Of Marriage and the Market» прослеживается зависимость женщин от отсутствия у них контроля над ресурсами и производством⁴¹. Используя еще один подход, авторы сборника «Women in Ritual and Symbolic Roles» под редакцией Дж. Хох-Смит и А. Спринг, обращают внимание на способы, которыми женщины могут преодолеть или избежать подчинения посредством доступа к особо священным или опасным ритуальным практикам⁴².

Сборники, опубликованные в 1970-х гг., иногда предлагали своего рода атлас угнетения и расширения прав и возможностей женщин, составленный по географическим, социологическим или культурным признакам. Они взяли на себя обязательство, во-первых, продемонстрировать, что принятие межкультурного подхода выявит практически безграничное разнообразие в жизни женщин и степень их подчинения патриархальным силам. К. Дж. Мэттиссон, например, издала

³⁸ Schlegel A. Sexual Stratification: A Cross-Cultural View. N.Y., 1977.

³⁹ Etienne M., Leacock E. Women and Colonization: Anthropological Perspectives. N.Y., 1980.

⁴⁰ Caplan P., Bujra J.M. Women United, Women Divided: Comparative Studies of Tanet, en Contemporary Cultures. Bloomington, 1979.

⁴¹ Young K., Wolkowitz C., McCullagh R. Of Marriage and the Market: Women's Subordination Internationally and its Lessons. London, 1981.

⁴² Hoch-Smith J., Spring A. Women in Ritual and Symbolic Roles. N.Y., 1978.

сборник «Many Sisters», в котором культуры классифицировались в соответствии с континуумом, идущим от тех культур, где женщинам приходилось прибегать к манипуляциям и уловкам, чтобы получить власть, к тем, которые описываются как «дополнительные», где женщины достигли политического или экономического господства⁴³. Другие сборники, появившиеся в этот период, указывали на такие факторы, как религия, экономика и политическая организация как способы понимания межкультурных различий в положении женщин. Все эти публикации боролись с определением грубого соотнесения аспектов социальной и культурной жизни по наличию признаков подчинения или равенства.

Некоторые собрания, такие как «Women Cross-Culturally» Р. Порлих-Ливитт, охватывают широкий круг вопросов, в которых тексты о женщинах в исламе, Африке и во всей Латинской Америке контрастируют с работами о положении женщин в США⁴⁴. В других случаях, как в издании Д. Рафаэль «Being Female: Reproduction, Power, and Change», авторы эссе обращали внимание на особенности организации родства, которые выступали и как социальные препятствия для женщин, так и ресурсы для их автономии⁴⁵. 1970-е гг. также стали свидетелями развития того, что позже объединится в феминистскую медицинскую антропологию, уделяющей основное внимание вопросам репродуктивных практик и проблемам женского здоровья. Эти работы вдохновили женское движение за предоставление услуг по охране репродуктивного здоровья женщин в США, сфокусированное на вопросах о контрацепции, абортах и родах⁴⁶. Статья К. Макклейн развила идею о том, что рождение и связанные с ним процессы образует систему культурных

⁴³ Mattiasson C. J. Many Sisters: Women in Cross-Cultural Perspective. N.Y., 1974.

⁴⁴ Rohrllich-Leavitt R. Women Cross-Culturally: Change and Challenge. The Hague, 1975.

⁴⁵ Raphael D. Being Female: Reproduction, Power, and Change. The Hague, 1975.

⁴⁶ Shaw N. Stoller. Forced Labor: Maternity Care in the United States. N.Y., 1974; Arms S. Immaculate Deception: A New Look at Women and Childbirth in America. N.Y., 1977; Rothman B. Katz. In Labor: Women and Power in the Birthplace. N.Y., 1982.

взаимодействий, и ввела термин для обозначения этой области исследования – «ethno-obstetrics» (этно-акушерство)⁴⁷.

Статья Б. Джордан (которая, будучи акушеркой, участвовала в различных феминистских проектах в области здравоохранения) о знании женщинами своего собственного статуса беременности и ее сравнительное этнографическое исследование репродуктивных практик оказали самое широкое влияние в развивающейся области феминистской медицинской антропологии⁴⁸. В соответствии с требованиями феминисток о более гуманных стандартах акушерской помощи, Б. Джордан утверждала, что знания женщин о процессах, происходящих в их собственном организме, систематически стирались и обесценивались на Западе. Отмечается, что многие незападные культуры, несмотря на имеющееся неравенство в отношении присутствия женщины в вопросах политики и экономики, стремились сделать роды достоянием женщин, практически без вмешательства мужчин. Ведь женщины зависели от традиционных родов, от понимания непосредственно процесса и контроля над ним, от репродуктивного опыта, который, очевидно, заметно отличался от соответствующего опыта на Западе, где в основном мужчины-врачи контролировали родовой процесс, а также доступ к другим видам охраны репродуктивного здоровья. В этой связи Б. Джордан ввела термин «authoritative knowledge» как отражение практики присвоения весомости тому или иному виду знания в зависимости от авторитета (иначе – пола) его носителя.

Особого внимания достойна монография С. Коул «Ruth Landes: A Life in Anthropology» (2007), посвященная признанному новатору в изучении гендерных отношений и центральных дискурсов в антропологии начала XXI

⁴⁷ McClain C. Shepherd. Ethno-Obstetrics in Ajijic. *Anthropological Quarterly*. 1975. V. 40/1. P. 38–56.

⁴⁸ Jordan B. The Self-Diagnosis of Early Pregnancy: An Investigation of Lay Competence // *Medical Anthropology*. 1977. V. 1/2. P. 1–38; Idem. *Birth in Four Cultures: A Crosscultural Investigation of Childbirth in Yucatan, Holland, Sweden, and the United States*. Montreal, 1978.

в., ученице Ф. Боаса и Р. Бенедикт, Р. Ландс. Многоплановое исследование С. Коул представляет собой разносторонний взгляд на проблему личности в науке, «исследование жизни» ученого в истории американской антропологии, в рамках которого апелляция даже к менее привлекательным чертам личности Р. Ландс становится концептуально важной в понимании научного значения ученой в контексте феминистской антропологической мысли⁴⁹.

Женщины-антропологи как исследователи-новаторы, интеллектуалы начала XX в. представлены в работе Ш. А. Лекки и Н. Дж. Парезо «Their Own Frontier: Women Intellectuals Re-visioning the American West»⁵⁰ (2008). Пионеры в изучении культуры американских индейцев, заложившие основы исследовательских методов и теоретических концепций в западной этноистории XX в., послужили героинями наиболее ярких биографий, собранных в книге (Э. Э. Абель, Г. С. Боннин, Э. Дебо, Э. К. Делория, И. Т. Келли, М. Ф. Ламберт, Р. Андерхилл и др.).

Статья «The Feminist Politics of Islamic Misogyny»⁵¹ (2010) Ф. Чеслер, профессора психологии и женских исследований, является критическим осмыслением деятельности Л. Абу-Луход как правозащитника женщин мусульманского мира. По ее мнению, Абу-Луход представляет собой феминизм постколониального формата, формата постмодерна и культурного релятивизма, который не верит в универсальные стандарты в области прав человека. Ф. Чеслер акцентирует свое внимание на стремлении Абу-Луход доказать «респектабельность» мусульманских женщин, которую означает для них паранджа, а также несостоятельность борьбы западного стиля прав

⁴⁹ Cole S. Ruth Landes: A Life in Anthropology. L., 2007.

⁵⁰ Leckie S. A., Parezo N.J. Their Own Frontier: Women Intellectuals Re-visioning the American West. Lincoln, 2008.

⁵¹ Chesler P. The Feminist Politics of Islamic Misogyny // American Thinker. 2010. November, 13. [Electronic resource]. URL: http://www.americanthinker.com/articles/2010/11/the_feminist_politics_of_islam.html (accessed: 5.06.2015).

женщин («колониального феминизма») в мусульманском мире как опасного «отклонения».

Как проект, призванный документировать жизненный опыт, испытывающий влияние факторов пола, расы, сексуальности и других аспектов, рассматривают феминистскую этнографию К. Крейвен и Д. Айн Дэвис в своей книге «Feminist Activist Ethnography: Counterpoints to Neoliberalism in North America» (2013), они утверждают, что среди множества направлений феминизма существует поддержка тесной связи феминистской этнографии с обязательным участием в тех исследованиях, которые социально и политически значимы для самих объектов изучения. Данный подход отражает акцент феминистской этнографии на том, чтобы быть внимательным в отношении постановки проблемы в условиях вариативности тем исследований, особенно тех, что занимают другую предметную позицию, нежели сам исследователь⁵².

К одним из наиболее существенных дилемм в феминистских исследованиях апеллирует и профессор социологии, директор отделения женских исследований Коннектикутского университета (США) Н. Нейплз в работе «Feminism and Method: Ethnography, Discourse Analysis, and Activist»⁵³ (2013). Опираясь на такие проблемные области, как благосостояние и нищета, сексуальная идентичность и насилие, автор иллюстрирует парадоксы феминистского дискурса: дискуссию об объективности, дилеммы «точек зрения» и т. д. Обращаясь к важным теоретическим аспектам, Н. Нейплз намечает собственные стратегии для решения проблем, поставленных в постмодернистских и квир- феминистских исследованиях.

Профессор, директор отделения женских и гендерных исследований университета штата Огайо Ришель Д. Шрок в работе «The Methodological

⁵² Craven Ch., D. Ain Davis. Feminist Activist Ethnography: Counterpoints to Neoliberalism in North America. N. Y., 2013.

⁵³ Naples N.A. Feminism and Method: Ethnography, Discourse Analysis, and Activist Research N.Y., 2013.

Imperatives of Feminist Ethnography»⁵⁴ (2013) говорит о продуктивности феминистской этнографии, заявленной в ее методологических императивах. Последние включают понятия о женском опыте, потенциальных недостатках и преимуществах его представления в конкретных культурных контекстах, позволяют выявить формы обращения к «другому», а также чувство этической ответственности перед этническими сообществами, в которых работает исследователь. Предлагая обзор вклада феминистской этнографии, Р. Шрок обращается к трем, по ее мнению, главным проблемам, с которыми сталкиваются женщины-этнографы: реакция на феминистскую критику представления «другого», объяснение приверженности феминизма социальным изменениям и столкновение с непризнанием значительного вклада феминистских этнографов⁵⁵.

О методологических императивах женщин-антропологов Д. Шрок говорит среди прочего в связи с работой Б. Майерхофф «Number Our Days» (1978) о пожилых калифорнийских евреях, которая, по мнению, исследовательницы, не просто бытописует, а предлагает историю культуры, которая дает людям силы противостоять ежедневным проблемам – бедности, безнадзорности, одиночеству, отсутствию здоровья, приемлемого жилья, страху смерти, говорит о «ритуальной» важности боли, страдания, агонии и неизбежного угасания человеческого духа. Жить в бедности, но не чувствовать себя бедным и оставаться переданным поиску смысла в своей жизни – сообщество именно с такой установкой выбирает для изучения Б. Майерхофф. Д. Шрок признает ее работу «диалоговой и многоголосой», стремящейся показать, как эти представители небольшой этнической и возрастной группы находят смыслы и оправдания своего существования коллективно, внутри сообщества, через ритуальную жизнь. В этой же связи Г. Фрэнк утверждала, что работа Б. Майерхофф помогла создать

⁵⁴ Schrock R.D. The Methodological Imperatives of Feminist Ethnography // Journal of Feminist Scholarship. 2013. № 5 (Fall). P. 48-60.

⁵⁵ Schrock R. D. The Methodological Imperatives of Feminist Ethnography // Journal of Feminist Scholarship. 2013. V. 5. Is. 5 (Fall). P. 48-60.

«контрканон» в этнографии, ценящий рефлексивные и диалогические тексты⁵⁶.

В последующие годы после работы Б. Майерхофф и в ответ на постструктуралистскую критику теорий власти многие феминистские исследователи начали писать о стратегиях сопротивления, взяв за основу утверждение М. Фуко о том, что «там, где есть сила, есть сопротивление»⁵⁷. В этом смысле, отмечает Д. Шрок, Л. Абу-Лугход говорит об опасности «романтического» прочтения стратегий сопротивления и обратного истолкования слов М. Фуко в ключе «где есть сопротивление, там есть сила». Как показывает Л. Абу-Лугход в своей этнографической работе с бедуинскими женщинами в Египте, молодые девушки сопротивляются собственным культурным традициям путем приобретения товаров, пропитанных «прозападной женственностью» (косметика, нижнее белье и т. д.)⁵⁸. При этом девочки приобретают не только западные товары массового спроса, но и западные идеалы о браке, которые делают бедуинских женщин уязвимыми для экономической зависимости от мужчин. Как показывает Д. Шрок, стратегии сопротивления не могут привести к освобождению женщин, даже отражать их «реальные» возможности при вступлении в новые отношения с другой формой власти. Это поднимает ряд важных методологических вопросов при подходе феминистских этнографов к изучению женской реализации.

Проблему межкультурного эмоционального взаимодействия и психологической смены установок и ожиданий женщины-этнографа выявляет Д. Шрок в работе Гейлы Фрэнк «Venus on Wheels» (2000), в центре которой история двадцатилетних отношений между этнографом и ее информанткой Д. Деврис, родившейся без рук и ног. Ожидая увидеть в своем

⁵⁶ Frank G. The Ethnographic Films of Barbara G. Myerhoff: Anthropology, Feminism, and the Politics of Jewish Identity. In *Women Writing Culture...* P. 207–232.

⁵⁷ Foucault M. *The History of Sexuality*. N.Y., 1978. V. 1. P. 95.

⁵⁸ Abu-Lughod L. The Romance of Resistance: Tracing Transformations of Power through Bedouin Women // *American Ethnologist*. № 17 (1). P. 41–55.

объекте изучения «жертву», но встречая в нем личность с высокой самооценкой, Г. Фрэнк переплетает свой текст теоретическими вопросами о возможностях понимания не этнического «другого» и историей движения за права инвалидов в США⁵⁹. Анализ отношений Г. Фрэнк и Д. Деврис, в частности ситуация, при которой этнограф готовится выступить с докладом, построенным на основе фрейдовского психоанализа жизни своей информантки, в чем последняя видит нарушение своих прав на самоинтерпретацию, обнаруживает для Д. Шрок два спорных аспекта в феминистской этнографии: учет фактора ответственности этнографа перед своими информантами за создание их релевантного, ассертивного образа, а также наличия права вето у информанта, его правообладания и способности влиять как на исследователя, так и на логику его работы.

Разрыв этнографических шаблонов Д. Шрок прослеживает в работе П. Лазер и К. Смитис «Troubling the Angels» (1997), где исследовательницы впервые представили группу женщин, живущих с ВИЧ / СПИДом, в целях помочь им справиться с болезнью. П. Лазер выступила соавтором К. Смитис, которая была руководителем группы поддержки для этих женщин. Д. Шрок говорит о том, что данная книга бросила вызов традиционным этнографическим приемам, не придающим смысла и самостоятельности женским репликам, в то время как П. Лазер и К. Смитис помещают свои комментарии автономно от основного текста, располагая их на странице ниже точек зрения своих информанток. Кроме того, П. Лазер отказывается придавать описываемому женскому опыту детерминированную связность текста, прерывая его информационными вставками о ВИЧ, СПИДе и «ангелах», ставших распространенными символами, связанными с этой болезнью (например, пьеса Т. Кушнера «Ангелы в Америке»). Д. Шрок утверждает, что текст П. Лазер и К. Смитис расстраивает модернистские этнографические модели, что «борьба его читателей с текстом

⁵⁹ Frank G. *Venus on Wheels: Two Decades of Dialogue on Disability, Biography, and Being Female in America*. Berkeley, 2000.

приветствуется и уместна», ведь автор хочет именно того, чтобы читатели «заблудились в тексте», а не ушли с последовательным пониманием жизни ВИЧ-инфицированных женщин⁶⁰.

Работа П. Лазер и К. Смитис также рассматривается Д. Шрок как критика эмпатии, утверждающая, что современная гуманистическая конструкция эмпатии должна быть оспорена в духе идей А. Шумана о том, что эмпатия часто служит катарсическим или вдохновляющим средством для сопереживающей стороны, после чего люди восстанавливают свое относительно стабильное мировоззрение и не чувствуют в этой связи каких-либо обязательств⁶¹. Этнография П. Лазер и К. Смитис направлена на то, чтобы подорвать сентиментальность, которая могла бы возникнуть в результате более последовательной и повествовательной структуры их текста.

Д. Шрок отмечает, что П. Лазер и К. Смитис, как и Г. Фрэнк, позволяют информантам читать тексты своих работ перед публикацией, П. Лазер спрашивала у женщин, препятствует ли их книга сенсуализму и сентиментальности, и большинство из них соглашалось. Д. Шрок убеждена, что данная работа отвечает требованиям феминистской этнографии в силу того, что максимально избегает репрезентативного насилия и рассказывает «невыведанную историю» о женщине, ее борьбе и преодолении себя.

Как заключает Д. Шрок, исследование П. Лазер и К. Смитис поднимает вопросы ответственности женщины-этнографы перед своими информантами, ответы на которые варьируются в зависимости от исследовательского проекта, но при этом есть универсальный набор критериев: «чья это история, для чего она используется, что она обещает и за

⁶⁰ Lather P., Smithies Ch. *Troubling the Angels: Women Living with HIV/AIDS*. Boulder, 1997; Lather P. *Drawing the Line at Angels: Working the Ruins of Feminist Ethnography*. In *Working the Ruins: Feminist Poststructural Theory and Methods in Education*, ed. by E. A. St. Pierre, W. S. Pillow. N. Y., 2000. P. 284–311.

⁶¹ Shuman A. *Other People's Stories: Entitlement Claims and the Critique of Empathy*. Chicago, 2005.

счет кого/чего реализуется?»⁶². Подобное внимание к специфике женского исследования является важным вкладом феминистской этнографии, которая исследует женщин в местном контексте и, следовательно, не дает «всеобъемлющих», тяжеловесных теорий, а учитывает культурные особенности узкой пространственной и социальной среды, основанные на конкретных проблемах изучаемых женщин.

Среди работ отечественных исследователей, посвященных феминистскому направлению в антропологии, заслуживают внимания работы известного российского историка, гендеролога Н.Л. Пушкаревой. В своих трудах автор поднимает вопрос рождения и становления исторической феминологии, а также связанной с ней дисциплины *women's studies* («женские исследования», или «исследования женщин»). Автор определяет предмет исторической феминологии как «женщины в истории» – это «женская история», то есть «история глазами женщин, написанная с позиций женского опыта», говорит о месте гендерной методологии в истории и о статусе женского опыта как особого источника знаний⁶³. Обращаясь к феминистской парадигме в новейшей антропологии и этнологии, Н.Л. Пушкарева прослеживает путь самых известных и авторитетных женщин, послуживших зарождению и становлению американской культурной антропологии, говорит об общих особенностях в направленности подходов и исследовательском векторе ученых феминистского толка, как то: открытая ангажированность и причастность женскому движению, стремление преодолеть андроцентризм в науке, признание вариативности и концептуализация женских социальных опытов⁶⁴.

⁶² Shuman A. Op. cit. P. 162.

⁶³ Пушкарева Н.Л. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования / Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб, 2001. Ч. I. С. 277-311.

⁶⁴ Пушкарева Н.Л. Феминистский проект в новейшей этнологии и антропологии (1980-2000) // Этнографическое обозрение. 2004. № 3. С. 82-97; Ее же. Методы и методология современной этнографической науки: вклад феминистской антропологии // Етнічна історія народів Європи. Вып. 26. Київ, 2008. С. 29–38; Пушкарева Н.Л., Новикова Н.В.

Вклад в разработку гендерной проблематики в антропологии, женских исследований и методов феминистской этнографии внесли и работы таких отечественных исследовательниц, как Е.Ю. Мещеркина, Е.И. Гапова, М.В. Рабжаева, А.В. Белова и многие другие⁶⁵.

В целом в отечественной гуманитарной науке заметен интерес к идеям американской культурной антропологии, многие из которых были подхвачены и развиты учеными во всем мире. Среди специальных общих трудов своей полнотой выделяются монографии Ю.П. Аверкиевой⁶⁶, большинство же работ уделяет внимание американскому вкладу в культурную антропологию наряду с немецкими, французскими, английскими учеными. Большое количество статей посвящено отдельным американским авторам, их теориям, научным биографиям, в частности Ф. Боасу как основоположнику американской школы и его ученикам-последователям⁶⁷.

Становление феминистской антропологии // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 38–42.

⁶⁵ См.: Мещеркина Е.Ю. Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения // Введение в гендерные исследования. Ч. I. С. 197–237; Гапова Е. И. Гендерная проблематика в антропологии // Введение в гендерные исследования. Ч. I. С. 370–389; Рабжаева М. В. Гендерная антропология: концептуальная и институциональная характеристика // Социология и социальная антропология. 2002. № 2. Т. 5. С. 34–58; Белова А.В. Гендерная антропология: предмет и перспективы исследования (на примере анализа повседневности российских дворянок) // Доклад А.В. Беловой на заседании Ученого совета ИЭА РАН 30 сентября 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://iea-ras.ru/index.php?go=News&in=view&id=412> (дата обращения: 26.04.2016).

⁶⁶ Аверкиева Ю.П. Современная американская этнография // Советская этнография. 1932. № 2. С. 97–102; Ее же. Франц Боас (1858–1942) // КСИЭ. М., 1946. Вып. I. С. 101–111; Ее же. Основные течения в современной буржуазной этнографии США // Вопросы истории. 1962. № 7. С. 98–110; Ее же. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979.

⁶⁷ См.: Воронкова Л.В. Культурологическая мысль XX века: вопросы методологии // Наука о культуре: итоги и перспективы: науч.-информ. сб. М., 1997. № 3. С. 2–7; Карнишина Н.Г. Культурная антропология А.Л. Крёбера // Там же. С. 35–50; Кузнецов И.В. История «Истории антропологии» Франца Боаса // Этнографическое обозрение. 2002. № 6. С. 96–108; Подзюбан Е.В. Американская историческая школа и культурная концепция Ф. Боаса: историографический обзор // Вестник КемГУКИ. 2014. № 29/2. С. 33–43; Ее же. Методологические положения Франца Боаса и его школы // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 2 (45). С. 328–331; Ее же. Основатель культурной антропологии в США // Проблемы формирования правового социального государства в современной России. Материалы XIV всероссийской национальной научно-практической конференции. Новосибирск, 2018. С. 55–59 и др.

Таким образом, существенный вклад в развитие темы внес комплекс работ, посвященных культурной и гендерной антропологии, научным достижениям и вкладу женщин-антропологов в интеллектуальную жизнь общества, месту и роли женщины в антропологическом знании. Однако в рамках специального изучения вопрос о вкладе американских женщин-ученых в культурную антропологию не поднимался, не проводилось специальных исследований предметного поля, областей и направлений, которые были затронуты и актуализированы в работах женщин-антропологов и этнологов. Такие аспекты, как телесность и осмысление себя и своего тела, репродуктивные практики, гендерное насилие, реализация экзистенциальных потребностей женщин в андроцентричной культуре, равно как и сам академический опыт женщин-антропологов, не становились предметом специального систематического исследования, что побуждает обратиться к вкладу женщин-антропологов как целостному научному опыту, проследить академический путь женщины как ученого, оценить соотношение женского и исследовательского потенциала.

Цель диссертации – оценить вклад американских женщин-антропологов в современную культурную антропологию, женские и гендерные исследования США.

Для достижения поставленной цели диссертации необходимо решить следующие исследовательские **задачи**:

- 1) отразить процесс становления женских исследований в культурной антропологии США;
- 2) проследить предысторию женских исследований в культурной антропологии США (до 1970-х гг.);
- 3) охарактеризовать основные этапы в развитии женских исследований в культурной антропологии США и методологический потенциал феминистской теории в американской культурной антропологии;
- 4) выделить направления проблематизации женской повседневности в трудах американских женщин антропологов;

5) проанализировать проблемное поле исследований женщин-ученых, изучающих антропологию Северной Америки;

6) рассмотреть теоретические аспекты телесности как проблемной области в изучении американской культурной антропологии на примере: а) форм интерпретации репродуктивных практик в исследовании Э. Мартин, б) специфики транскультурной метафоризации гендерного насилия в концепции Л.С. МакЧесни;

7) исследовать проблемное поле исследований женщин-ученых, изучающих антропологию Австралии и Западной Азии;

8) выявить особенности социальной репрезентации как предмета изучения женщин-антрополога США на примере: а) форм соотношения мужского и женского повседневного опыта в изучении бытовых практик женщин Северной Австралии Дж. К. Гудэйл, б) аспектов повседневности бедуинки в исследовании Л. Абу-Луход.

Источниковая база исследования. Материалами исследования стали историографические источники, представленные научными трудами женщин-антропологов и этнографов.

Исследовательские труды женщин-антропологов выступают ключевым для данного диссертационного исследования видом письменного источника, так как позволяют увидеть непосредственные результаты работы ученой, осмысленные и оформленные ею в выработанной концепции, помогают выявить методологию, принятую за основу анализа, подходы к изучению «других» культур.

Среди научных трудов можно выделить авторские монографии и статьи в академических журналах, эссе, заметки, главы в коллективных сборниках, вступительные статьи, комментарии, сборники, вышедшие под их редакцией, которые в свою очередь группируются по научной проблематике:

- теоретические аспекты в осмыслении женщины как объекта и субъекта антропологического исследования⁶⁸;
- женщина в развивающемся обществе, женщина как носительница туземной, аборигенной культуры⁶⁹;
- телесные практики в повседневной жизни женщины⁷⁰;
- гендерное насилие, переосмысление себя в контексте сексуального опыта⁷¹;

⁶⁸ Moore H.L. *Feminism and Anthropology*. Minneapolis, 1988; Idem. *A Passion for Difference: Essays in Anthropology and Gender* Publisher. Bloomington, 1994; Abu-Lughod L. Can There Be a Feminist Ethnography? *Women and Performance // Women & Performance: A journal of feminist theory*. 1990. V. 5. P. 7-27; Dorothy L. Hodgson. The Power of Feminist Anthropology // *Voices*. 2010. V. 10, № 1 (Fall). P. 3; Haldane H. J. What Are We Missing? Expanding the Feminist Approach to Gender-Based Violence // *Voices*. 2012. V. 12, № 1 (Fall). P. 28-31; Finn G.L. Women, Community and Contestation // *Ibid*. P. 4-5; Ardren T. Women's Production: Annette Weiner and the Study of Gender in the Prehispanic New World // *Ibid*. P. 23-27.

⁶⁹ Landes R. *The Ojibwa woman*. N.Y., 1938; Idem. *The City of Women*. N.Y., 1994; Goodale J.C. *Tiwi Wives: Study of the Women of Melville Island, North Australia*. Washington, 1974; Underhill R. *Papago Woman. An Intimate Portrait of American Indian Culture*. Illinois, 1985; Abu-Lughod L. *Veiled Sentiments: Honor and Poetry in a Bedouin Society*. Berkeley, 1986; Idem. *Writing Women's Worlds: Bedouin Stories*. Berkeley, 1993; Idem. *A Community of Secrets: The Separate World of Bedouin Women // Signs*. 1985. V. 10, № 4 (Summer). P. 637-657; Idem. *The Romance of Resistance: Tracing Transformations of Power Through Bedouin Women // American Ethnologist*. 1990. V. 17, № 1 (Feb.). P. 41-55; Idem. *Do Muslim Women Need Saving?* Cambridge, 2013; Behar R. *Translated Woman: Crossing the Border with Esperanza's Story*. Boston: Beacon Press, 1993; *Remaking Women: Feminism and Modernity in the Middle East*, ed. by L. Abu-Lughod. Princeton, 1998; King D.E. *The Doubly Bound World of Kurdish Women // Voices*. 2003. V. 6, № 1 (November). P. 1, 8-10.

⁷⁰ Martin E. *The Woman in the Body: A Cultural Analysis of Reproduction*. Boston, 1987; Mascia-Lees F.E., Sharpe P. *Marked and the Un(re)marked: Tattoo and Gender in Theory and Narrative // Tattoo, Torture, Mutilation and Adornment: The Denaturalization of the Body in Culture in Text*. N.Y., 1992. P. 145-169; Ginsburg F.D., Rapp R. *Conceiving the New World Order: The Global Politics of Reproduction*. Berkeley, 1995; Urla J., Swedlund A.C. *The Anthropology of Barbie: Unsettling Ideals of the Feminine Body in Popular Culture // Deviant Bodies: Critical Perspectives on Difference in Science and Popular Culture*. Bloomington, 1995. P. 277-313; Layne L.L. *Motherhood Lost: A Feminist Account of Pregnancy Loss in America*. N.Y., 2003.

⁷¹ Sanday P. Rape-prone versus rape-free campus cultures // *Violence Against Women: An Interdisciplinary and International Journal*. 1996. № 2. P. 191-208; Adelman M. No way out: divorce-related domestic violence in Israel // *Violence Against Women: An Interdisciplinary and International Journal*. 2000. № 1. P. 1223-1254; Hudgins A. *NGO Policy, Sex Workers and Structural Violence: Looking Beyond the Brothel Village // Voices*. 2005. V. 7. № 1 (Spring). P. 9-12; Lazarus-Black M. *Everyday harm: Domestic violence, court rites, and cultures of reconciliation*. Illinois, 2007; Merry S.E. *Gender violence: A cultural perspective*. Malden, 2009; Zraly M. *Danger Denied: Everyday Life and Everyday Violence among Rwandan Genocide-Rape Survivors // Voices*. 2010. V. 10. № 1 (Fall). P. 18-23; Singleton J.L. *Multiple Meanings*

- социальный контекст женской самореализации и рефлексии⁷²;
- современная академическая культура женщин-антропологов⁷³.

Источником историографического исследования послужили также мемуары, оставленные женщинами-этнографами⁷⁴, интервью, которые ученые давали академическим журналам, телеканалам, авторским программам, международным образовательным и интеллектуальным площадкам⁷⁵. Данные источники составляют особый интерес, так как

of Rape and the Law in Post-Apartheid South Africa // Ibid. P. 10-17; Haney Ch. Child Sexual Abuse and the Reproduction of Femininity in the United States // Ibid. P. 27-30; McChesney Lea S. The Body Breaks: Narrating Child Sexual Abuse through Transcultural Metaphors of Bodily Dis-ease // Ibid. P. 31-37; Lamphere L. Child Sexual Abuse and the Cultural Construction of the Female Body // Ibid. P. 38-40; Adelman M. Ambivalent Justice: Sexual Violence and the State in South Africa and Rwanda // Ibid. P. 24-26.

⁷² Wehrer M. Racial Diversity and Antiracist Practices in Women's Organizations: Any Link? // Voices. 2003. V. 6. № 1 (November). P. 10-12; Clark G. Permanent Transition in Africa // Voices. 2005. V. 7. № 1 (Spring). P. 6-9; Silver L. The Politics of Regulation: Adolescent Mothers and the Social Context of Resiliency // Voices. 2008. V. 8, № 1 (Spring). P. 1, 8-11; Roaf M. Good Citizens vs. Good Workers: Low-Income Girls and Clashing Subjectivities in a Charter School // Ibid. P. 5-7; Rodriguez Ch. Beyond Today and Pass Tomorrow: Self-Efficacy Among African-American Adolescent Mothers // Ibid. P. 18-22; Blackwood E. "Lesbianism is a woman's issue": Lesbian Activist Organising in Indonesia // Ibid. P. 28-30; Tandon I. The Women-Nature Correlation: Mapping the Legacy of Ecofeminism // Voices. 2012. V. 12. № 1 (Fall). P. 15-22.

⁷³ Anglin M. Feminism in Practice // Voices. 2003. V. 6, № 1 (November). P. 3; George G. Feminist Questions, Grassroots Movements // Voices. 2005. V. 7. № 1 (Spring). P. 1, 13-14; Friedlander E. The International Women's Anthropology Conference (IWAC) // Voices. 2008. V. 8. № 1 (Spring). P. 17; Davis Dana-Ain. Pracademics: Doing Feminist Anthropology with Girls and Young Women // Ibid. P. 6, 14; Hodgson D.L. The Power of Feminist Anthropology // Voices. 2010. V. 10, № 1 (Fall). P. 3; Eber Ch.E. "Tell them what kind of anthropologist you are!" // Voices. 2011. V. 11, № 1 (Fall). P. 8-10; Wies J.R. Feminist Anthropology for the Publics: Tidemarks, Legacies, and Futures // Voices. 2012. V. 12, № 1 (Fall). P. 32-34.

⁷⁴ Behar R. The Vulnerable Observer: Anthropology that Breaks Your Heart. Boston, 1996; Underhill R. An Anthropologist's Arrival: A Memoir. Chicago, 2014.

⁷⁵ Scholars Talk Writing: Ruth Behar // The Chronicle of Higher Education. [Electronic resource]. URL: <https://www.chronicle.com/article/Scholars-Talk-Writing-Ruth/239847?cid=cp26> (accessed: 07.03.2018); Kirschner Suzanne R. From Flexible Bodies to Fluid Minds: An Interview with Emily Martin // Ethos. 1999. Vol. 27, № 3. P. 247-282; Abu-Lughod Lila on Attitudes Toward Muslim Women in the West // The Asia Society. [Electronic resource]. URL: <https://asiasociety.org/lila-abu-lughod-attitudes-toward-muslim-women-west> (accessed: 04.05.2016); AE Interviews Lila Abu-Lughod (Columbia University): Ten questions about anthropology, feminism, Middle East politics, and publics // American Ethnologist. 2016. № 22 (November). [Electronic resource]. URL: <https://americanethnologist.org/features/interviews/lila-abu-lughod-interview> (accessed: 11.08.2017); An interview with Marcia Inhorn. By Eugene Raikhel // Somatosphere. [Electronic resource]. URL: <http://somatosphere.net/2010/03/interview-with-marcia-inhorn.html> (accessed: 24.07.2016).

объединяют в себе значение научного труда и источника личного происхождения, позволяют проникнуть в исследовательскую лабораторию ученой, увидеть ее непосредственный взгляд на собственный профессиональный опыт, процесс осмысления себя, а также других участников внутри и за рамками этого опыта.

Так, мемуары Р.М. Андерхилл «An Anthropologist's Arrival: A Memoir» знакомят с откровенным взглядом женщины-антрополога на свою жизнь как на путешествие, кульминацией которого явился приход в антропологию. Данный источник помогает полнее раскрыть образ исследовательницы, воспитанной в русле викторианских ограничений и вынужденной бороться за освобождение от условностей времени, также увидеть профессиональную трансформацию, которую претерпевает автор за время работы в сфере социального обеспечения, будучи писательницей, «разочаровавшимся» бюрократом, профессором в Университете Денвера и, наконец, антропологом.

Мемуары Р. Бехар, этнографа, эссеиста и поэта, «The Vulnerable Observer: Anthropology that Breaks Your Heart» отражают более личный подход к антропологии в ее гуманистической направленности. Автор говорит о моменте, когда граница между антропологом как наблюдателем и его объектом стирается и сами наблюдатели не просто обнаруживают себя, но и становятся уязвимыми для своих «подопечных». Текст представляет собой уникальное переплетение этнографии и мемуаров, поэтических эссе, воспоминаний о детстве и рассказов о полевых работах в Испании, на Кубе и в США.

Важной ресурсной базой для отбора источникового материала послужили персональные сайты⁷⁶, позволяющие говорить об организации

⁷⁶ Povinelli Elizabeth. Personal website. [Electronic resource]. URL: <http://elizabethpovinelli.com/> (accessed: 07.03.2016); Inhorn Marcia C. Personal website. [Electronic resource]. URL: <https://marciainhorn.com/> (accessed: 15.06.2016); Behar Ruth Author. Personal website. [Electronic resource]. URL: <http://www.ruthbehar.com/> (accessed:

рабочего и коммуникативного пространства исследовательницы, формате выстраиваемых ею отношений между внутренним, когнитивным миром и миром внешним, научным, о степени взаимосвязанности и/или тождественности личной и академической жизни; также страницы в социальных сетях, блоги⁷⁷, которые отличаются особой репрезентативностью, конструируя неакадемическое, неформальное пространство женщины-антрополога, имидж исследовательницы, который создается неограниченным числом участников разного возраста, пола, национальности, культуры, включенных вместе с ней в интернет-диалог; материалы электронной энциклопедии «Britannica», где обстоятельно представлены научные и творческие биографии целого ряда женщин-ученых; сайты отделений антропологии Колумбийского, Йельского, Стенфордского и других американских университетов; интернет-архивы: Online Archive of California, National Anthropological Archives (The National Museum of Natural History, Smithsonian Institution), Ruth Landes Memorial Research Fund, Library of Congress (Guide for the Study of Women's History and Culture in the United States, National American Woman Suffrage Association Collection), Women's Intellectual Contributions to the Study of Mind and Society» (Webster University); цифровые библиотеки журналов «Women Anthropologists», «American Anthropologist», «American Ethnologist», «Annals of Anthropological Practice», «Anthropology & Education Quarterly», «Central Issues in Anthropology», «Cultural Anthropology», «Ethos», «General Anthropology Bulletin of the General Anthropology Division», «Visual Anthropology Review», «Voices», «Women's Studies International Forum», «Women & Performance: a journal of feminist theory»; биографические словари и работы биографического характера:

11.12.2018); Louise Lamphere. Personal website. [Electronic resource]. URL: <https://louiselamphere.wordpress.com/> (accessed: 7.02.2018).

⁷⁷ Ruth Behar@ruthbehar. [Electronic resource]. URL: <https://twitter.com/ruthbehar?lang=en> (accessed: 12.01.2018); Elizabethpovinelli.com. [Electronic resource]. URL: <http://elizabethpovinelli.com/blog/> (accessed: 11.03.2016); Ruth Behar Author. [Electronic resource]. URL: <http://www.ruthbehar.com/blog/> (accessed: 09.01.2018).

«American Women in Science»⁷⁸, «Women anthropologists: a biographical dictionary»⁷⁹, «American women in civic work»⁸⁰, «Cultural Anthropology: A Guide to Reference and Information Sources»⁸¹; медиа-архивы: «Smithsonian's National Portrait Gallery», «Women Make Movies» и др.

Академические страницы и рубрики, программы научных конференций на официальных сайтах антропологических отделений университетов США⁸² предоставляют информацию о научно-методической работе женщин-антропологов, их исследовательских и преподавательских интересах, «Curriculum Vitae» как ключевых аспектах ее профессиональной

⁷⁸ American Women in Science: A Biographical Dictionary. N.Y., 1998.

⁷⁹ Women anthropologists: a biographical dictionary. Greenwood, 1988.

⁸⁰ Bennett H.Ch. American women in civic work. N.Y., 1915.

⁸¹ Cultural Anthropology: A Guide to Reference and Information Sources. Jacoby J., Kibbee J.Z. L., 2007.

⁸² Martin Emily. Professor Emeritus of Anthropology // N. Y. University. Arts and Science. [Electronic resource]. URL: <https://as.nyu.edu/content/nyu-as/as/faculty/emily-martin.html> (accessed: 30.04.2017); Abu-Lughod Lila. Joseph L. Bittenwieser Professor of Social Science // Columbia University. Department of Anthropology. [Electronic resource]. URL: <http://anthropology.columbia.edu/people/profile/347> (accessed: 14.03.2017); Fran Mascia Lees. Professor // Rutgers University. Department of Anthropology. [Electronic resource]. URL: <https://anthro.rutgers.edu/faculty/96-fran-mascia-lees> (accessed: 02.06.2017); Behar Ruth. Victor Haim Perera Collegiate Professor of Anthropology // University of Michigan. College of Literature, Science, and the Arts. [Electronic resource]. URL: <https://sites.lsa.umich.edu/ruth-behar/> (accessed: 08.03.2017); Urla Jackie. Professor and Department Chair // University of Massachusetts. Department of Anthropology. [Electronic resource]. URL: <https://www.umass.edu/anthro/people/jackie-urla> (accessed: 11.08.2017); Povinelli Elizabeth A. Franz Boas Professor of Anthropology // Columbia University. Department of Anthropology. [Electronic resource]. URL: <http://anthropology.columbia.edu/people/profile/354> (accessed: 18.09.2017); Marakowitz Ellen L. Senior Lecturer, and Director of MA in Anthropology // Columbia University. Department of Anthropology. [Electronic resource]. URL: <http://anthropology.columbia.edu/people/profile/370> (accessed: 13.06.2017); Inhorn Marcia. William K. Lanman Jr. Professor of Anthropology and International Affairs // Yale University. Department of Anthropology. [Electronic resource]. URL: <https://anthropology.yale.edu/people/marcia-inhorn> (accessed: 17.10.2017); Ebron Paulla A. Associate Professor // Stanford University. Department of Anthropology. [Electronic resource]. URL: <https://anthropology.stanford.edu/people/paulla-ebon> (accessed: 11.13.2016); Lamphere Louise. Distinguished Professor of Anthropology Emerita // University of New Mexico. Department of Anthropology. [Electronic resource]. URL: <https://anthropology.unm.edu/people/faculty/profile/louise-lamphere.html> (accessed: 27.13.2016); Judy Ledgerwood. Professor // Northern Illinois University. Department of Anthropology. [Electronic resource]. URL: <https://niu.edu/anthropology/about/faculty-directory/ledgerwood.shtml> (accessed: 14.02.2018); Molnar Andrea. Professor // Northern Illinois University. Department of Anthropology. [Electronic resource]. URL: <https://niu.edu/anthropology/about/faculty-directory/molnar.shtml> (accessed: 14.02.2018).

биографии, о готовящихся научных мероприятиях, монографиях и других публикациях, текущих и планируемых для реализации проектах, также размещают подробные контактные данные, что подчеркивает открытый характер и доступность современных ученых для общения с широким кругом коллег и других заинтересованных лиц. Сайт Ассоциации феминистской антропологии (the Association for Feminist Anthropology) показателен в контексте актуальных научных мероприятий, конференций, наградений, проектов, «живой» дискуссионной площадки, освещаемых женщинами-антропологами⁸³.

На момент исследования автором диссертации выявлено 13 университетов США (в том числе 8 частных), где есть автономные факультеты или же кафедры антропологии (или социологии и антропологии) в структуре отделений «Arts and Sciences», 2 из которых включают подразделения культурной/социокультурной антропологии. Всего научный аппарат штатных сотрудников, специализирующихся по культурной (или социокультурной) антропологии насчитывает 181 человека, из них 80 мужчин и 101 женщина. В должности заведующих кафедрой антропологии выступает 6 женщин, профессора – 40, доцента – 61, в том числе 48 исследовательниц, чьи научные интересы сосредоточены в области женской повседневности, направления «женщина в культуре», гендерной/феминистской теории, queer-антропологии, репродуктивного здоровья, сексуальности, публичной женской культуры и т.п.

При кафедрах или самостоятельно функционируют 13 научных институтов (в том числе научные центры, факультеты, советы или программы), не заявленные как антропологические, но специализирующиеся на женской истории, женских исследованиях, проблемах расы и пола, социальных различий и прав, сотрудники которых, сертифицированные в области «Gender and Women's Studies», имеют научную степень как по

⁸³ Association for Feminist Anthropology. [Electronic resource]. URL: <http://afa.americananthro.org/> (accessed: 13.04.2017).

антропологии, так и по другим специальностям. Всего в данное направление вовлечено порядка 331 человека, из преподавательского состава со степенью 53 мужчины и 116 женщин, среди них 55 женщин – в должности профессора, 50 – доцента.

Также среди исследовательниц есть научные сотрудники, защитившие диссертации по антропологии, но не имеющие преподавательской должности на кафедре (postdoctoral researcher) или работающие на ставке старшего преподавателя.

Методология и методы исследования. В исследовании применяются следующие методологические подходы: гендерный, культурно-антропологический, женской истории, социальной истории.

В основе гендерного подхода лежит учет многовариантного влияния фактора пола в контексте антропологического исследования, проводимого женщиной-ученой. Данный подход помогает выявить особенности проявления социальной активности женщины-ученой, соотнести ее поведение и научную биографию с привычными социальными ролями женщин современной ей эпохи. Применение данного подхода обнаруживает изменение общественной роли, статуса и значимости женщины в восприятии общества и, в частности, исследователя-мужчины. Гендерный подход дает возможность вскрыть отличия в распределении гендерных ролей в традиционном и постиндустриальном обществе, обозначить новые границы внутренней свободы женщины-ученой в браке, реализации в профессиональном пространстве, научном творчестве.

Культурно-антропологический подход помогает изучить женщину как исследовательницу иной, отличной, неоцененной культуры «женского» в контексте ее взаимодействия с социальным и природным окружением изучаемой культурной области, проследить закономерности и механизмы рождения, воплощения и развития ее методологической мысли, профессиональных навыков и открытий, а также то, как женщины-антропологи анализируют культуру и природу «другого».

Подход женской истории предполагает взгляд на историю глазами женщин, с позиций осмысления ими своего и общественного социального опыта, обращение к проблемам культурного, религиозного, экономического и политического порядка с позиций проблематизации пола, создает «заданность» на женское восприятие мира, человека, культуры.

Подход социальной истории отражает роль научной деятельности женщин-антропологов в контексте социальных процессов современной им эпохи, влияние их личности, активной женской позиции, убеждений и установок на общество, на ход исторических преобразований, формирование нового отношения к социальным вызовам и предубеждениям.

В диссертации используются общенаучные методы индукции и дедукции, анализа и синтеза и исторические методы научного исследования: сравнительно-исторический, культурологический, интерпретативный.

Сравнительно-исторический метод позволяет провести сравнение принципиальных аспектов, относящихся к разным уровням женской повседневности. Культурологический метод связан с изучением культурных факторов и явлений, смыслов и категорий, образующих смысловое поле структур повседневности и определяющих проблемный контекст ее изучения. Интерпретативный метод предполагает осмысление событий, образов, ассоциаций, восприятий, опытов и практик в историко-культурном контексте, процесс выявления их значимости и ценности, формальных моделей и семантического наполнения с позиции отношения к ним женщины-антрополога.

Научная новизна исследования связана с тем, что в данной диссертации впервые специально изучается вклад американских женщин-антропологов и этнографов, научное творчество и методологические подходы женщин – представительниц американской культурной антропологии. Впервые вводятся в научный оборот историографические англоязычные источники, имеющие принципиальное значение для изучения вклада женщин-антропологов.

Научная и практическая значимость диссертации связана с возможностью использования ее результатов в преподавании ряда дисциплин в системе высшего образования: этнология и социальная антропология, культурная антропология, всеобщая история, история науки, историография, женские и гендерные исследования. Отдельные положения могут быть использованы в обобщающих трудах, посвященных истории американской культурной антропологии, женщин в науке, академических сообществ.

Положения, выносимые на защиту. 1. В ходе научного исследования выявлено, что, несмотря на наличие примеров профессионализации опыта женщин-антропологов в XIX в., только во второй половине XX в. их деятельность легитимизируется, а женский опыт становится предметом систематического изучения. В частности, новые аспекты женского дискурса вводит обращение к современным профессиональным женским антропологическим сообществам, академическая жизнь которых характеризуется привлечением внимания к проблемам пола и реальной поддержкой женщинами женщин.

2. Изученные работы женщин-антропологов апробируют включение в научный оборот таких исследовательских методов, как героизация своих информантов, централизация женского опыта для понимания культурной специфики изучаемого общества, устраненность и минимизация авторского присутствия в создаваемом текстовом пространстве путем создания «многоголосия», этнографической полифонии, рефлексивность этнографического письма как инструмент осознания необходимости и востребованности собственного исследования для социума.

3. Обращение женщин-антропологов к проблемам и ежедневным вызовам в жизни женщины позволяет говорить о таком концепте, как автогерой антропологии, что подразумевает под собой научный взгляд женщины на женщину, уникальную репрезентацию профессиональной саморефлексии. В целом объединяющим импульсом женского антропологического текста можно обозначить тяготение к отождествлению

своего и изучаемого жизненного опыта, попытку встроиться в иной культурный контекст и стать его частью, эмпатически вжиться в чужое эмоциональное пространство.

4. Анализ научного состава сотрудников при кафедрах или отделениях антропологии в университетах США намечает положительную тенденцию, заданную в 70-е гг. XX в., когда институционализация женского академического опыта увеличивает позиции официальных должностей для женщин в сфере образования. Так, на момент исследования в 13 университетах США, имеющих кафедры антропологии, из общего числа культурных антропологов (181 чел.) женщины составляют более половины (101 чел.), в том же соотношении распределяется и пост заведующих кафедрой (6 женщин / 7 мужчин). Обилие же научно-исследовательских центров и академических проектов по изучению женской и гендерной истории говорит о междисциплинарном интересе к данной проблеме.

5. В ходе диссертационного исследования выявлено, что женщины-антропологи впервые поставили и проанализировали целый комплекс таких проблем, как: телесность (корреляция образов «я» / «мое тело»), репродуктивное здоровье, гендерное насилие и переосмысление себя в контексте сексуального опыта, социальная репрезентация и рефлексия женщины как носительницы автохтонной культуры; а также неотъемлемость связанности данных проблем с вопросами антропологии языка и повседневной коммуникации, национальной и психосоциальной идентичности, женских прав.

Апробация исследования. Основные результаты и выводы диссертации апробированы в 9 печатных статьях⁸⁴, из них 3 в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ⁸⁵.

⁸⁴ Быша Л.С. Мир мусульманки как «другая» культура (на примере повседневности бедуинской женщины в исследовании Л. Абу-Лугход) // Актуальные проблемы православной теологии: Международный сб. научных трудов. Тверь, 2015. Вып. 4. С. 115–124; Ее же. Формы репрезентации афроамериканских матерей-подростков в антропологическом прочтении Ш. Родригес // Материнство и отцовство сквозь призму

Также основные положения диссертации прошли апробацию в участии и выступлениях на 11 научных конференциях: 15 мая 2014 г. на XI Международной научно-практической конференции «Детская литература и воспитание» в ТвГУ с докладом «Детство как культурный феномен в работах американского антрополога М. Мид»; 28 апреля 2016 г. на Научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых исторического факультета ТвГУ с докладом «Керамика Хопи как культурный код в исследовании Л.С. Мак Чесни»; 25 мая 2016 г. на Международной научной конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» в ТвГУ с докладом «Мир курдских женщин глазами западного антрополога Дианы Кинг»; 14 октября 2016 г. на IX

времени и культур: Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицюк. Смоленск. М., ИЭА РАН, 2016. Т. 1. С. 130–132. Ее же. Соотношение мужского и женского повседневного опыта на примере изучения бытовых практик женщин Северной Австралии в исследовании Дж. К. Гудэйл // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем. Материалы Десятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 7–10 сентября 2017 г., Архангельск: В 3-х томах / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Т.И. Трошина. М., ИЭА РАН, 2017. Т. 1. С. 195–198; Ее же. «ГУЛАГ в мемуарах» К. Крюгер как источник по истории женской повседневности // Гражданские конфликты и гражданские войны в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Восьмой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2018» / [отв. ред. А. К. Сорокин]. М., 2018. С. 60–62; Ее же. «Native woman» как автогерой в этнографическом исследовании Р. Ландс: вызовы гендерной идентичности // Динамика этнокультурных процессов. Актуализация и музеефикация этнического: в поисках себя. Материалы IV научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, 13–15 апреля 2018, Санкт-Петербург; Ее же. Повседневное конструирование рабочего и семейного пространства «работающей матери» (в исследовании Л. Ламфер) // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков. Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород. В 2-х томах / Отв. редакторы: Н.Л. Пушкарева, Н.А. Гронская, Н.К. Радина. М., ИЭА РАН, 2018. Т. 1. С. 36–37.

⁸⁵ Быша Л.С. Керамика Хопи как культурный код в исследовании Л.С. Мак Чесни // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Тверь, 2016. № 2. С. 93–101; Ее же. Изучение женской повседневности в американской историографии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Тверь, 2018. № 1. С. 82–95; Ее же. Культурно-антропологический анализ репродуктивных практик в исследовании Э. Мартин // Культура и текст. Барнаул: АлтГПУ, 2018. № 3 (34). С. 196–206.

Международная научная конференция РАИЖИ и ИЭА РАН «Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур» в г. Смоленске с докладом «Формы репрезентации афроамериканских матерей-подростков в антропологическом прочтении Ш. Родригес»; 30 мая 2016 г. на VI Междисциплинарной научно-практической конференции с международным участием (II Всероссийская конференция студентов и молодых учёных с международным участием) «Сохрани мне жизнь: Социокультурные и биомедицинские проблемы возраста жизни человека» в г. Смоленске с докладом «Культурно-антропологический анализ репродуктивных практик в исследовании Э. Мартин»; 8 сентября 2017 г. на X Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН «Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем» в г. Архангельске с докладом «Соотношение мужского и женского повседневного опыта на примере изучения бытовых практик женщин Северной Австралии в исследовании Дж. К. Гудэйл»; 14 апреля 2018 г. на IV Научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Динамика этнокультурных процессов. Актуализация и музеефикация этнического: в поисках себя» в г. Санкт-Петербурге (Институт истории СПбГУ) с докладом «Native woman» как автогерой в этнографическом исследовании Р. Ландс: вызовы гендерной идентичности»; 4 апреля 2018 г. на Международной конференции молодых ученых и специалистов «КЛИО» (Российский государственный архив социально-политической истории) в г. Москве с докладом «ГУЛАГ в мемуарах» К. Крюгер как источник по истории женской повседневности»; 26 апреля 2018 г. на Всероссийской научной конференции молодых ученых «Путь в науку» в ТвГУ с докладом «Проблематизация женской повседневности в трудах современных женщин-антропологов США»; 5 октября 2018 г. на XI Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН «Новгород Нижний – сосед Москве ближний»: горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV-XXI веков» в г. Нижнем Новгороде с докладом

«Повседневное конструирование рабочего и семейного пространства «работающей матери» (в исследовании Л. Ламфер)»; 13 декабря 2018 г. на Конференции молодых ученых «Социокультурное многообразие в современном мире» (ИЭА РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая) в г. Москве с докладом «Женский опыт в системе культа (на материале изучения религии *candomblé* в работах американского антрополога Р. Ландс)».

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка источников и литературы. Первая глава «Женские исследования в культурной антропологии США» вводит в экскурс истории появления первых женщин-ученых среди антропологов и зарождения ими нового научного направления. Первый параграф «Предыстория женских исследований в культурной антропологии США (до 1970-х гг.)» освещает научный опыт и теоретические достижения первых женщин-антропологов и этнологов, работы которых заложили фундамент женского подхода к антропологии. Второй параграф «Основные этапы развития женских исследований в культурной антропологии США. Методологические подходы и направления в исследованиях женщин-антропологов» отражает периодизацию в истории зарождения и развития феминисткой мысли в антропологии, основные теоретические и методологические постулаты женщин-исследовательниц на пути от «антропологии женщин» к появлению «феминистской» антропологии. Третий параграф «Проблематизация женской повседневности в трудах женщин антропологов» рассказывает о направлениях, разработанных феминистскими учеными в рамках изучения структур повседневности. Вторая глава «Проблемное поле исследований женщин-ученых, изучающих антропологию Северной Америки» дает представление о вкладе американских женщин-ученых в разработку одного из ключевых научных направлений в антропологии повседневности – темы телесности. Первый параграф «Телесность как аспект изучения в американской культурной антропологии» намечает основные направления женских исследований,

посвященных телу как локусу и носителю социокультурного опыта. Второй параграф «Репродуктивные практики в исследовании Э. Мартин» раскрывает особенности восприятия женщинами себя и своего тела, а также формы противления медицинским предубеждениям в отношении женской физиологии. Третий параграф «Транскультурные метафоры гендерного насилия в концепции Л.С. МакЧесни» предлагает интерпретативные техники репрезентации пережитого телесного опыта в культурно обусловленном контексте. Третья глава «Проблемное поле исследований женщин-ученых, изучающих антропологию Австралии и Западной Азии» знакомит с опытом обращения к «другим» культурам как культурам «женского». Первый параграф «Пространство социальной репрезентации как предмет изучения женщин-антропологов» отражает тематическую направленность работ американских ученых, посвященных обращению к способам выстраивания социокультурной идентичности женщины, опознания и конструирования своего бытия в мире. Второй параграф «Соотношение мужского и женского повседневного опыта в изучении бытовых практик (на примере описания быта женщин Северной Австралии Дж. К. Гудэйл)» знакомит с вариативной иерархией гендерного статуса в племенной культуре австралийского коренного населения. Третий параграф «Анализ повседневных практик бедуинок как паттерн описания женского кочевого быта в исследовании Л. Абу-Луход» представляет имманентные формы организации культурного пространства женщины в «мужском», «традиционном» мире. Заключение содержит общие выводы по результатам исследования.

ГЛАВА I. ЖЕНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ США

§1. Предыстория женских исследований в культурной антропологии США (до 1970 г.)

В начале XIX в. женщины, еще не воспринимаемые научным сообществом как самостоятельные этнографы, а лишь в качестве сопровождения своих мужей, миссионеров или путешественников, попадали в мужской профессиональный круг и параллельно проводили свои собственные исследования и изыскания. Результатом их присутствия явилось обращение к таким аспектам в изучении бытовой культуры народов, которые до этого считались темой закрытой, в том числе для мужчин. Последние как исследователи при сборе информации обращались преимущественно к этническим представителям с более значимым социальным статусом (старейшины, вожди, религиозные руководители, «мистические» авторитеты). Связано это было с предубеждением о повышенной роли и функциях мужчин в обществе, женщины же оставались при этом на периферии, интерес к ним был вторичен, проявлялся окказионально и опосредованно, а то, что они говорили, трактовалось опять же с позиций мужского опыта, ценностных ориентиров и установок⁸⁶. То, что мужчинами воспринималось как нечто, не представляющее значения и не заслуживающее внимания, женщины возвели в объект этнографического изучения, а именно все, касающееся традиций, ритуальной жизни, женской физиологии вплоть до менструаций, процессов зачатия, вынашивания и кормления, воспитания ребенка и конкретно воспитания девочки, домашней, бытовой повседневности и т.д.⁸⁷.

⁸⁶ Pine F. Gender // Barnard A., Spencer J. (eds.) Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology. N.Y., 1996. P. 253-262.

⁸⁷ Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. Спб., 2008.

Американские женщины-этнографы, такие как Ф. Райт, Х. Мартино⁸⁸, которые публиковали свои работы еще в 1820-1830-х гг., первые сменили этнографический ракурс, обратив его от изучения якобы примитивных народов к изучению самих изучающих – образованных американских женщин, представительниц классовой элиты. Именно на фоне их образа жизни культура коренных народов воспринималась далекой от цивилизации, проигрывая таким образом в конкретном контексте сопоставления с европейскими ценностями.

В 1830-е гг. в своих исследованиях семейной жизни женщин США Х. Мартино заложила первые этнологические подходы, которые можно назвать феминистскими. Она заявила о псевдодемократичности принципов, которых обычно придерживаются мужчины, когда, говоря о женщине, либеральная направленность их убеждений подкрепляется отстаиванием своих собственных интересов. В этом она видела помимо прочего их отсталость от европейских взглядов на вопросы взаимоотношения полов⁸⁹.

Э. Плат Смит, А. Каннингем Флетчер, М. Кокс Стивенсон, Ф. Денсмор – многие из этих женщин были антропологами-самоучками, но их открытия и научное наследие стерлись в условиях профессионализации дисциплины на рубеже XX в.⁹⁰. Многие из ранних женщин-антропологов были женами профессиональных антропологов-мужчин, некоторые из которых способствовали исследованиям мужей в качестве переводчиков и транскрипционистов. Так, М. Вольф написала свою классическую этнографию «The House of Lim» опираясь на опыт, который обрела после совместной с мужем полевой работы на севере Тайваня⁹¹.

⁸⁸ Wright F. View of Society and Manners in America, in a Series of Letters from That Country to a Friend in England, during the Years 1818, 1819, 1820. N.Y., 1821; Martineau H. Society in America. N.Y., 1837.

⁸⁹ Reinartz S., Davidman L. (eds.) Feminist Methods in Social Research. N.Y. Oxford, 1992. P. 48-49.

⁹⁰ Gacs Ute D., Kahn A., McIntyre J., Weinberg R. Women anthropologists: selected biographies. Champagne, 1989.

⁹¹ Rofel L. The outsider within: Margery Wolf and feminist anthropology // American Anthropologist. American Anthropological Association. 2003 (September). P. 596–604.

Э. Плат Смит (1836–1886), геолог и этнолог Управления американской этнологии института Смита⁹², была названа «первой женщиной полевым этнографом»⁹³ и в 1877 г. избрана первой женщиной-членом Нью-Йоркской академии наук⁹⁴, также членом Американской ассоциации содействия развитию науки и Нью-Йоркского исторического общества. Э. Смит являлась активисткой Нью-Йоркского женского клуба Соросис и впоследствии основала научно-интеллектуальный салон «Эстетическое общество» в Джерси-Сити (1876)⁹⁵.

Опубликовав ряд работ о народе ирокезов⁹⁶, Э. Смит стала признанным экспертом по шести племенам коренных американцев в Нью-Йорке и Канаде, специализируясь, в частности, на их языках и собрав более 15 000 слов диалекта ирокезов⁹⁷.

Стремление «изучить жизнь других женщин, чтобы лучше понять свою»⁹⁸ сформировало новый и ставший впоследствии основополагающим феминистский принцип в американской этнологии, который обосновывался задачей погрузить себя внутрь исследуемого этнического общества.

Данный подход был впервые успешно реализован в работах Алисы Флетчер, которая изучала женщин американских индейцев («сиу»)⁹⁹. Первоначально ее деятельность была направлена на реструктуризацию индейской жизни, предоставление коренным жителям земель и права на получение образования. В 1873 г. А. Флетчер возглавила Женскую

⁹² Elliott C.A. // *Biographical Dictionary of American Science: The Seventeenth Through the Nineteenth Centuries*. L., 1979. P. 238.

⁹³ Kirstin Olsen. *Chronology of Women's History*. Westport, 1994. P. 153.

⁹⁴ Fairchild H. Le Roy. *A History of the N. Y. Academy of Sciences, Formerly the Lyceum of Natural History*. N.Y., 1887. P. 133.

⁹⁵ Grundy J. Owen. When Oscar Wilde and Matthew Arnold Came to Talk in Hudson County // *Jersey Journal*. December, 1969.

⁹⁶ Smith E.A. *Myths of the Iroquois*. Washington, 1883.

⁹⁷ Erminnie Adele Platt Smith // *Encyclopædia Britannica*. [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/biography/Erminnie-Adele-Platt-Smith> (accessed: 09.11.2017).

⁹⁸ Rapp R. *Towards the Anthropology of Women* // Reiter R. (ed.) *Towards the Anthropology of Women*. N.Y., 1975. P. 15.

⁹⁹ Mark J. Alice Fletcher // Mark J. (ed.) *Four Anthropologists: An American Science in its Early Years*. N.Y., 1980. P. 241.

национальную индийскую ассоциацию. С 1878 г. она стала проводить полевые работы среди американских индейцев во Флориде и Массачусетсе, в 1879 г. она член Археологического Американского института, с 1882 – ассистент Музея археологии и этнологии Пибоди в Гарвардском университете¹⁰⁰. В 1908 г. Флетчер основала Школу американской археологии (позднее Школу американских исследований) в Санта-Фе, Нью-Мексико. В 1903 г. А. Флетчер была избрана президентом антропологического общества Вашингтона, в 1905 – первой женщиной-президентом Американского фольклорного общества, также занимала пост вице-президента Американской ассоциации содействия развитию науки¹⁰¹.

А. Флетчер была первой женщиной-антропологом, которая жила непосредственно с изучаемым племенным сообществом. Она написала 46 монографий по этнологии, основной из которых стала «The Omaha Tribe» (1911). Главное значение работы А. Флетчер заключалось в применении археологической строгости к полевой этнографической работе. В своих наблюдениях она попыталась выйти за пределы описательного подхода и обратиться к категоризации конкретных аспектов индейской культуры. Однако, как и многие антропологи конца XIX в., она полагала, что культуры могут быть помещены в континуум «дикости» и «цивилизации», и чем ближе индейцы к «белой» культуре, тем более цивилизованными становятся. Она считала, что племенная культура «stranded between two modes of life»¹⁰² («застряла между двумя способами жизни»), и единственный способ избежать истребления – это адаптация к «цивилизованным» манерам американцев.

¹⁰⁰ Alice Cunningham Fletcher. Ethnologist, Anthropologist And Social Scientist // History of American Women. [Electronic resource]. URL: <http://www.womenhistoryblog.com/2015/05/alice-cunningham-fletcher.html> (accessed: 21.11.2017).

¹⁰¹ Alice Cunningham Fletcher // Encyclopædia Britannica. [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/biography/Alice-Cunningham-Fletcher> (accessed: 21.11.2017).

¹⁰² Alice Cunningham Fletcher // National Museum of Natural History. Department of Anthropology. [Electronic resource]. URL: <http://anthropology.si.edu/naa/exhibits/fletcher/foreword.htm> (accessed: 21.11.2017).

Работа «The Omaha Tribe», самое объемное исследование о племени коренных американцев, основана на 29-летнем изучении. А. Флетчер использовался только оригинальный материал, собранный у коренных жителей, при этом автор стремилась сделать Омаха его непосредственным интерпретатором¹⁰³. А. Флетчер была пионером в изучении музыки североамериканских индейцев и в 1900 г. опубликовала работу «Indian Story and Song From North America», которая привлекла внимание к этнографической значимости индейской музыки.

То, что апробировала А. Флетчер в конце XIX в., – совместное длительное проживание бок о бок с членами племени, сопутствующее тому неформальное общение, близкие отношения, участие в их обрядовой жизни, интервью, – специалисты назовут позже методом включенного наблюдения, подразумевая под ним необходимость для ученого-антрополога обладания двойной компетентностью: встраиваясь в образ жизни культуры, которую изучаешь, стремясь стать ее полноценным членом, получить доступ к сокровенной информации, важно не раствориться в этой новой для тебя среде, не потеряться «в поле» и не утратить ощущение некоей исследовательской ушлости, профессиональной прагматичности, иными словами – не забыть, что ты ученый и какова конечная цель всего того, что ты думаешь, говоришь, делаешь и чувствуешь¹⁰⁴.

Вдохновленные данным подходом, женщины-этнографы стали более активно включать в свою работу метод интервью, перемежая его с материалами других источников, верифицируя таким способом существующие научные предположения и обоснования. Ведь ученые традиционного направления предпочитали проводить границу между экспериментальными, узкопрактическими данными и данными, полученными вследствие обработки исторических источников.

¹⁰³ Alice Fletcher // New perspectives on the West. [Electronic resource]. URL: http://www.pbs.org/weta/thewest/people/d_h/fletcher.htm (accessed: 22.11.2017).

¹⁰⁴ Mark J. A Stranger in Her Native Land: Alice Fletcher and the American Indians. Lincoln (NE), 1988. P. 39, 41.

М. Кокс Стивенсон (1849–1915), американский этнолог, будучи супругой геолога Дж. Стивенсона, в 1880-х гг. сформировала первую семейную группу в антропологии¹⁰⁵ («the first husband-wife team in anthropology»). В 1885 г. М. Стивенсон стала первым президентом Женского антропологического общества Америки¹⁰⁶. С 1889 г. она была зачислена в штат Управления Американской этнологии института Смита, где проработала более четверти века и была единственной женщиной, занимавшей там постоянную должность¹⁰⁷.

В 1904–1910 гг. она исследовала племена Пуэбло штата Нью-Мексико, в частности роли, обязанности и ритуалы женщин-зуни. Ее работа «The Zuni and the Zunians» (1881) была первой научной этнографией о культурных и социальных аспектах жизни Пуэбло. Работа «Religious Life of the Zuñi Child»¹⁰⁸ (1888), вышедшая в ежегодном выпуске Управления Американской Этнологии, открыла совершенно новую область антропологии в изучении детей, где автор рассматривает практическую и внутреннюю стороны детской жизни, привычки, обычаи, игры, а также религиозные предписания и ритуалы, связанные с детством. В 1888 г. появилась ее важная статья «Zuñi Religions». Основопологающей работой М. Стивенсон стал труд «The Zuñi Indians: Their Mythology, Esoteric Fraternities, and Ceremonies»¹⁰⁹ (1904), подробно описывающий такие аспекты культуры зуни, как повседневная жизнь, искусство, обычаи, мифология, эзотерические и календарные церемонии, медицинские практики. Работы М. Стивенсон

¹⁰⁵ McBride J. Matilda Coxe Evans Stevenson // Women's Intellectual Contributions to the Study of Mind and Society. [Electronic resource]. URL:

<http://faculty.webster.edu/woolfm/matildastevenson.html> (accessed: 22.11.2017).

¹⁰⁶ Matilda Coxe Stevenson. American ethnologist // Encyclopaedia Britannica. [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/biography/Matilda-Coxe-Stevenson> (accessed: 23.11.2017).

¹⁰⁷ Parezo N. J. Matilda Coxe Evans Stevenson. Women Anthropologists: a Biographical Dictionary. N.Y., 1988. P. 339-343.

¹⁰⁸ Stevenson M.C. The religious life of the Zuni child. Washington, 1888.

¹⁰⁹ Stevenson M.C. The Zuni Indians: their mythology, esoteric fraternities, and ceremonies. Washington, 1904.

способствовали лучшему пониманию культур Пуэбло и помогли подорвать расовые стереотипы¹¹⁰.

Открытое в 1885 г. в Вашингтоне под руководством М. Стивенсон Женское антропологическое общество Америки (Women's Anthropological Society of America, WASA) предоставило женщинам новое поле для систематических исследований и возможность содействовать развитию науки антропологии. На вопрос о целесообразности создания другой профессиональной организации в области антропологии его участницы ответили, что не желают «to perpetuate a distinction of sex in science, but simply gain the professional credentials fitting us to enter the race for intellectual attainment without handicap»¹¹¹ («увековечивать различие пола в науке, но лишь получить профессиональные полномочия, чтобы вступить в ряды интеллектуальных достижений»). К 1889 г. WASA насчитывала 45 участниц, проводила регулярные встречи, на которых представлялись и обсуждались этнографические документы, в том числе работы М. Стивенсон о космогонии зуни, методах воспитания детей Омахи и Виннебаго А. Флетчер и др. Несмотря на то, что ассоциация женщин-антропологов имела довольно короткую историю, тем не менее она стала важным поворотом в истории американской профессиональной антропологии. Это был первый шаг к созданию авторитетной роли женщин как «гендерных посредников» («gender brokers») в фундаментальной научной парадигме.

Создание WASA бросало вызов многим знаменитым антропологам, как, например, Э. Тэйлору, по мнению которого женщина могла стать антропологом только «по браку», а не благодаря своим профессиональным навыкам, и работа женщин-антропологов должна рассматриваться исключительно как дополнение к работе антрополога-мужчины в качестве ключа к «таинственной» сексуальной жизни примитивных женщин

¹¹⁰ Darlis A. Miller. Matilda Coxe Stevenson: Pioneering Anthropologist. Norman, 2007.

¹¹¹ Lorini A. Alice Fletcher and the Search for Women's Public Recognition in Professionalizing American Anthropology // *Cromohs*. 2003. V. 8. P. 1-25.

(«mysterious sexual lives of primitive women»), недоступной мужчине-антропологу¹¹². Благодаря созданию WASA женщины-антропологи противостояли социальной вере в женскую эмоциональность и инстинктивность и сделали акцент на таких рациональных компонентах женской психики, как ясность, логичность, точность и самоорганизация¹¹³.

Во многом представительницы WASA воспринимали себя как носительниц ценностей англосаксонской, т. е. «настоящей» женственности. Веря в эволюционную этнологию, ассоциирующую первобытность с младенчеством, они предполагали, что внесут наибольший вклад как «матери»: «if ethnographers studied "primitive tribes," and these were like children at "earliest unfoldings of thought, language, and belief," who could collect so valuable materials better than "mothers"?» («если бы этнографы изучали первобытные племена, похожие на детей на самых ранних стадиях мысли, языка и убеждений, кто смог бы собрать столь ценный материал лучше, чем «матери»?») ¹¹⁴.

Метод сопряжения личного опыта и эмпирического материала нашел отражение в работах антрополога Елси Парсонс¹¹⁵, активной феминистки и яркого американского ученого начала XX в., вышедшей из школы Ф. Боаса¹¹⁶. Обратившись к проблемам женского повседневного опыта, ритуализации физиологических процессов женского организма, связанных с созреванием, взрослением и старением, она впервые наметила линию на актуализацию своего субъективного, персонального переживания в контексте этнологического анализа.

¹¹² Darlis A. Miller. Op. cit.

¹¹³ Lurie N.O. Women in Early American Anthropology // *Pioneers of American Anthropology: The Uses of Biography*. Seattle, 1966. P. 29-82.

¹¹⁴ Lurie N.O. Op. cit. P. 37

¹¹⁵ Parsons E.C. *The Family: An Ethnographical and Historical Outline*. N.Y., 1906; Idem. *The Old Fashioned Woman: Primitive Fancies About the Sex*. N.Y., 1913; Idem. *Social Rule: A Study of the Will to Power*. N. Y., 1916.

¹¹⁶ Lamphere L. Feminist Anthropology: the legacy of Elsie Clews Parsons // *American Ethnologist*. 1989. Feb. V. 16(3). P. 518-533.

Увлеченная стремлением найти обоснование половой социальной иерархии, задающей мужские командные роли и исполнительно-пассивные женские, Е. Парсонс выступила с предположением о боязни тотальных культурообразующих перемен, необходимости столкновения с чем-то непривычным, иным, подстраивания под новые шаблоны¹¹⁷. Однако феминистский накал ее работ требовал мобилизации человеческого потенциала, формирования качественно новых моделей и образцов, генерирования в ответ универсальным апелляционным критериев.

Необходимо отметить, что первые этнографические труды создавались женщинами-учеными в то время, когда феминистское движение еще не вошло в свою интеллектуальную силу, но терялось в масштабе мировой дестабилизации. Только во второй половине XX в. с его новым витком феминизма женские исследования обретут должную опору и социальное обоснование. В этом смысле труды Е. Парсонс явились в то время популяризацией и трансляцией феминизма через этнографическую призму¹¹⁸.

Р.М. Андерхилл (1883–1984) – американский антрополог, которая специализировалась на изучении юго-западных индейских племен, способствуя развенчанию многих мифов об их культуре¹¹⁹. Доктор антропологии при Колумбийском университете и почетный профессор Управления по делам индейцев в университете Денвера¹²⁰, Р.М. Андерхилл

¹¹⁷ Parson E. Fear and Conventionality. N.Y., 1914. P. 119.

¹¹⁸ Deacon D. Elsie Clews Parsons. Inventing Modern Life. Chicago, 1997. P. 354.

¹¹⁹ Underhill R. Ethnobiology of the Papago Indians. Albuquerque, 1935; Idem. Autobiography of a Papago Woman. Eastford, 1936; Idem. Social Organization of the Papago Indians. N.Y., 1937; Idem. Singing for Power. Tucson, 1938; Idem. First Penthouse Dwellers of America. Santa Fe, 1938; Idem. A Papago Calendar Record. N.Y., 1938; Idem. The Papago Indians of Arizona and their Relatives the Pima. Whitefish, 1941; Idem. Papago Child Training // Marriage and Family Living. 1944. № 4. V. 4. P. 80-81; Idem. Pueblo Crafts. Los Angeles, 1946; Idem. Papago Indian Religion. N.Y., 1946; Idem. Workaday Life in the Pueblos. Santa Fe, 1946; Idem. Indians of the Pacific Northwest. Ann Arbor, 1946; Idem. Ceremonial Patterns in the Greater Southwest. N.Y., 1948; Idem. Red Man's Religion. Chicago, 1965; Idem. The Papago and Pima Indians of Arizona. Palmer Lake, 1979.

¹²⁰ Biography of Ruth Murray Underhill // Denver Museum of Nature and Science. Rocky Mountain Online Archive. [Electronic resource]. URL: <https://rmoa.unm.edu/docviewer.php?docId=codmnhia.underhill.xml> (accessed: 29.11.2017); Keene Ann T. Underhill Ruth Murray // American National Biography Online. [Electronic

провела несколько лет среди племен Тохоно О'одхэм, что дало ей возможность для более внимательного изучения женщин этой культуры¹²¹. Работа Р.М. Андерхилл «Autobiography of a Papago Woman» (1936) иллюстрирует роль феминистской идеологии в трансформации антропологии как дисциплины в первой пол. XX в. и содержит первую опубликованную автобиографию женщины как представительницы племенной культуры. История М. Чона, женщины Папаго, представляет собой последовательность интимных эпизодов и кризисов ее традиционной и нетрадиционной жизни, включая деторождение, брак, семейную и резервационную жизнь, творчество и практическую медицину. «Papago Woman» представляет и особый взгляд на отношения между англо-американской женщиной и женщиной юго-западного О'Одхама. Р.М. Андерхилл и ее автор-информант видят преемственность в своем личном опыте: обе биографии содержат факт ухода от мужа, стремление к поиску знаний, активной женской роли в церемониальной или интеллектуальной жизни как вызовы традиционным гендерным ролям собственной культуры. В этом смысле текст выступает как межкультурный диалог, в котором подчеркиваются различные концепции универсалий женского опыта.

Сегодняшние феминистски ориентированные ученые убеждены, что прорывные для полевой этнографии идеи и теории принадлежат именно дебютанткам в области научного подхода к изучению других этносов и культур.

Сосредоточить ракурс исследования на изучении сугубо женского пространства в рамках городской культуры предложили еще в 20-х гг. XX в. Роберт и Хелен Линд в своей работе «Middletown»¹²². Она стала первым

resource]. URL: <http://www.anb.org/view/10.1093/anb/9780198606697.001.0001/anb-9780198606697-e-1401146> (accessed: 29.11.2017).

¹²¹ Ruth Murray Underhill // *Their Own Frontier: Women Intellectuals Re-visioning the American West*. Lincoln, 2008. P. 335-373.

¹²² Lynd R.S., Lynd H.M. *Middletown. A Study of American Culture*. N.Y., 1929; см. также о Х.Линд и ее вкладе в феминистскую этнологию: Reinharz S., Davidman L. (eds.) *Feminist Methods in Social Research*/ N.Y. Oxford, 1992. P. 288.

классическим исследованием, в котором изучалась повседневная жизнь типичного небольшого американского города (в действительности Манси, штат Индиана) с использованием подхода социальной антропологии. Социолог и педагог Х. Линд вместе с мужем изучала убеждения и обычаи жителей небольшого промышленного городка, чтобы выявить ключевые культурные нормы и дать уникальный портрет американской жизни в 1920-х годах. Позже, во время Великой депрессии 1930-х годов, они посвящают свое исследование изменениям в обществе, опубликованное как «Мидлтаун в переходный период: исследование культурных конфликтов» (1937). Однако гендерная составляющая данного исследования, так успешно изложенная Х. Линд, оказалась не вполне учтенной, а заметность в академических кругах книга получила благодаря описательному культурно-антропологическому подходу, представившему небольшой городской центр как единое целое, состоящее из «переплетенных тенденций поведения».

Рут Фултон Бенедикт (1887–1948) – одна из ведущих представителей культурного направления в антропологии, американский антрополог и фольклорист, воспитанный под руководством и влиянием Ф. Боаса, первая женщина, признанная в качестве видного лидера среди ученых¹²³.

Классическая в области культурной антропологии работа Р. Бенедикт «Patterns of Culture»¹²⁴ (1934), основанная на полевых исследованиях группы индейских народов пуэбло, выявляет три типа культурных темпераментов, которые определяют механизмы человеческого поведения в той или иной культуре, также показывает, что любая культура не сводится к сумме ее черт, но все они связаны единой «культурной темой» – «этосом» культуры. Работа Р. Бенедикт «Хризантема и меч»¹²⁵ (1946), посвященная изучению общества и культуры Японии, является примером дистанционного

¹²³ Ruth Benedict. American anthropologist and author // Encyclopaedia Britannica. [Electronic resource]. URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/60482/Ruth-Benedict> (accessed: 03.04.2015).

¹²⁴ Benedict R. Patterns of Culture. N.Y., 1960.

¹²⁵ Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры. СПб., 2007.

метода изучения культуры, т. е. изучения культуры через ее литературу, газеты, фильмы и т. д. Безусловным теоретическим достижением Р. Бенедикт явилось введение двух категорий культуры: культуры вины и культуры стыда.

Первой из антропологов, кто отважился оспорить биологическую обусловленность социального проявления мужских и женских ролей, была Маргарет Мид, автор 25 книг, «Выдающаяся Женщина года в области науки» (1949), «символ этнографии» и «Матерь Мира»¹²⁶. При всем этом профессиональная когорта мужчин-ученых не разделяла ее авторитета в течение длительного срока. Она начала свой путь в науку в 1920-е, где в это время сталкивались научные интересы представителей биологического и культурного детерминизма (последний сформировал основы школы Ф. Боаса). Но М. Мид осталась в стороне от этих идей, заострив свой ракурс на корреляции явлений «индивидуального» и «культурного». Многолетнее изучение различных «примитивных» народов убедило М. Мид в социокультурной обусловленности вариативности взаимоотношений полов в противовес представлениям о заданности природой структуры и иерархии ролей для мужчин и женщин.

Именно этому аспекту посвятила М. Мид свои книги «Пол и темперамент в трех примитивных обществах» (1935), «Мужчина и женщина: изучение полов в изменяющемся мире» (1949), опередившие научные достижения ее современников¹²⁷. В своих работах она опровергла социальность и инстинктивность всех проявлений родительства как у отцов, так и у матерей, их ролей в семье, гендерной идентификации у детей и показала роль социальной стереотипизации мужественности и женственности (феминности и маскулинности) как установок и критериев формирования темперамента.

¹²⁶ Кон И.С. Маргарет Мид и этнография детства // Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 398-399.

¹²⁷ Mead M. Sex and Temperament in Three Primitive Societies. N.Y., 1950. P. IV.

Несмотря на критику, высказанную в адрес М. Мид со стороны усомнившихся в правдивости опубликованных ею материалов и нашедших следы подтасованности ряда фактов, ее труды во многом повлияли на современных ей женщин-ученых, при этом исследовательница категорически выступала против феминистического ярлыка, надеваемого на ее работы как теоретическую и практическую базу женских исследований¹²⁸.

Подход М. Мид к антропологии стремился бросить вызов социальным конструкциям расы и пола викторианской эпохи, она успешно выступала с критикой господства патриархальной системы Соединенных Штатов. Революционность ее убеждений, опровержение биологических аргументов в пользу гендерной иерархии легли в основу западной либеральной феминистской мысли и вдохновили будущие поколения феминистских антропологов¹²⁹.

Этнографические исследования подросткового возраста в Самоа обнаружили для М. Мид успешность добрачного сексуального опыта юношей и девушек с более старшим партнером и побудили ее говорить о большей сексуальной свободе, непринятой в западном мире. Эмоциональная зрелость и позитивный опыт молодых самоанских девушек, изученный М. Мид, позволили ей выступать за более раннее сексуальное воспитание. Мид считала, что фрустрация, протест, необдуманность действий, неспособность критически мыслить, которые она отмечала среди американской молодежи, особенно у девочек, не в последнюю очередь связаны с двойным гендерным стандартом, дающим больше свободы мужчинам, чем женщинам. Мид называли «сексуально-положительной феминисткой» (“sex-positive feminist”), выступающей за сексуальную свободу женщин за пределами традиционных отношений. Ученица Ф. Боаса, М. Мид была последователем культурного релятивизма, тем самым уклоняясь от морального суждения о нравах людей,

¹²⁸ Mead M. Sex and Temperament. N.Y., 1935. P. VIII.

¹²⁹ Schofield J. In Defense of Margaret Mead: A Post-Colonial Feminist Perspective// State University of N. Y. at Oswego. [Electronic resource]. URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/371443/Margaret-Mead> (accessed: 07.11.2017).

которых изучала. В рамках ее понимания культурных различий не было единственно верного, универсального подхода к вопросам любви, сексуальности и телесности.

Один из аспектов исследований М. Мид обозначил проблему противопоставления «цивилизованных» и «примитивных» женщин. Л. Ньюман говорит о том, что «it was Mead who consolidated the idea for western feminists that the primitive could be used to critique western patriarchy, even as primitive societies themselves were devalued for an even more extreme gender oppression»¹³⁰ («именно М. Мид укрепила идею западных феминисток о возможности использования первобытного строя для критики западного патриархата, даже если сами примитивные общества были обесценены более крайним гендерным гнетом»). М. Мид стремилась понять различные способы социализации молодых женщин в других частях мира с целью критического анализа гендерных конструктов в США.

Работы М. Мид были предвестником многих современных теорий относительно гендерных конструктов, гендера как социализированной культурно-мотивированной категории, в целом феминистского подхода к науке антропологии. Американских женщин ее идеи побудили заявить о своей сексуальной независимости и подвергнуть сомнению подчиненное положение в семье.

Пионерами-теоретиками в области полевых исследований были т. н. этнические женщины-антропологи. Так, американский антрополог, еврейка по происхождению, Г. Паудемакер (1900-1970), современница М. Мид и ученица британского антрополога Б. Малиновского, получила известность за этнографические исследования афроамериканцев в пригородах Америки и Голливуде¹³¹.

¹³⁰ Newman M.L. Coming of Age, but Not in Samoa: Reflections on Margaret Mead's Legacy for Western Liberal Feminism // American Quarterly. 1996. V. 48. №. 2 (Jun.). P. 262.

¹³¹ Gacs U., Khan A., McIntyre J., Weinburg R. Anthropologists: Selected Biographies. Washington, 1989.

Проведя полевые работы в Папуа-Новой Гвинее¹³², Г. Паудемакер под влиянием Э. Сепира предпринимает в 1932-1934 гг. этнографические исследования для изучения афроамериканских сообществ на территории Индианоля, штата Миссисипи. Ее работа «After Freedom: A Cultural Study In the Deep South»¹³³ была одним из первых антропологических исследований современной американской культуры в контексте межрасовых отношений в США, которое вобрало в себя изображение религиозного, культурного и классового разнообразия в афро-американском сообществе. Это исследование стало источником новаторской теории Г. Паудемакер, сосредоточенной на особенностях культурных установок и психологической адаптации среди представителей черной и белой рас¹³⁴.

Первым и единственным антропологическим исследованием, посвященным киноиндустрии, стала работа Г. Паудемакер «Hollywood, the Dream Factory» (1950), где она выступила с критикой кино-руководства за «тоталитаризм», пронизывающий голливудскую культуру с ее «концепцией человека как пассивного существа» («concept of man as a passive creature to be manipulated»¹³⁵). Вопросу влияния кинематографа на африканскую культуру, представленного в антропологической перспективе, также посвящена работа Г. Паудемакер «Copper Town: Changing Africa»¹³⁶ (1962). Кинематограф был представлен в Африке колониальными правительствами в сер. XX в. Для автора было важно обозначить проблему восприятия африканцами западных фильмов, западных культурных концептов и связанный с этим конфликт культурных ценностей и различий.

¹³² Powdermaker H. Life in Lesu: The Study of a Melanesian Society in New Ireland. L., 1933.

¹³³ Powdermaker H. After Freedom: A Cultural Study In the Deep South. N.Y., 1939.

¹³⁴ Johnson B.C. Hortense Powdermaker // Jewish Women: A Comprehensive Historical Encyclopedia. [Electronic resource]. URL: <https://jwa.org/encyclopedia/article/powdermaker-hortense> (accessed: 08.11.2017).

¹³⁵ Powdermaker, H. Hollywood, the Dream Factory: An Anthropologist Studies the Movie Makers. L., 1951.

¹³⁶ Powdermaker, H. Copper Town: Changing Africa. N. Y.: Harper & Row Publishers Incorporated, 1962.

Основываясь на концепте «модели» К. Леви-Стросса, женщины-этнологи развернули данную теорию применительно к вопросу гендерно-иерархических структур, выбрав отношения полов за основу построения «модели угнетения».

Определяющим для разработки гендерного вектора в антропологии было принятие факта мужской доминанты в изучении других народов, признание того, что исследование социальных построений в структуре иных культур через исследование их социальных доминант в лице представителей мужского пола как ключевых, является неполноценным, недостоверным и неисчерпывающим. Профессиональная интенция женщин-ученых сосредоточилась на защите ценности и неотъемлемости в научном исследовании феминистки обусловленных позиций, преодолении андроцентричных клише и образцов.

§2. Основные этапы развития женских исследований в культурной антропологии США. Методологические подходы и направления в исследованиях женщин-антропологов

Вторая волна феминизма 1970-х гг. оживила женский исследовательский потенциал, научную мысль, восприятие, способность к теоретизации, вызвала к ответу непреходяще болезненные вопросы, дала женщинам-антропологам толчок к постановке и реализации профессиональных целей, задач и перспектив. С этого времени появляется и входит в научный обиход само понятие «феминистская антропология» («женская антропология», «антропология женщин»).

Появляющиеся подчеркнута женские тексты, предлагающие в качестве ключевого героя антропологического исследования представительницу женского пола¹³⁷, казались их современникам

¹³⁷ Goodale J. *Tiwi Wives. A Study of Women in Melville Island, North Australia*. Seattle, 1970; Strathern M. *Women in Between*. Yale, 1981.

революционными¹³⁸: в отличие от своих коллег-мужчин, предпочитающих не учитывать женские когнитивные особенности в описании картины мира изучаемой культуры, заведомо преподнося ее как универсальную¹³⁹, женщины-этнологи не стремились к глобальным обобщениям, желая показать именно различия в мировосприятии и культурной рецепции полов, их ценность для анализа, применяя свои выводы и теории относительно всего исследуемого социума, включая и женщин, и мужчин, концентрируясь более детально на характеристиках возрастных категорий мужского и женского населения, их статусе, положении, потребностях, проблемах и т.д.¹⁴⁰.

Женщины-ученые 1970-х видели своей целью сосредоточиться на изучении аспектов повседневности африканок, американок и азиаток, чтобы понять, что есть женщина и какова ее роль в иной культурной среде, какое место ей отводят в обычаях и обрядах этого этноса, чего от нее ожидают и чего хочет она сама¹⁴¹.

Обосновывать свою систему базовых понятий, терминов, взглядов, подходов феминистские антропологи стали в начале 1980-х гг. В своем стремлении увидеть корни рецессивности и пассивности женщин в обществах их идеи тяготели к неомарксистскому направлению¹⁴², желание обозначить причинную обусловленность социокультурных явлений и процессов, а также представление отношений между полами в виде самостоятельной структуры с упорядоченными связями, цепью иерархических взаимодействий, объединяло их задачи с идеями последователей неофрейдизма и структуралистами.

¹³⁸ Caplan P. Engendering Knowledge. The politics of ethnography // *Anthropology Today*. Dec. 1988. Vol. 4 (6). P. 14.

¹³⁹ Ardener S. The Social Anthropology of Women and Feminist Anthropology // *Anthropology Today*. 1985. V. 5.

¹⁴⁰ Pine F. Gender // Barnard A., Spencer J. (eds.) *Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology*. N.Y., 1996. P. 253.

¹⁴¹ Bell D. *Daughters of Dreaming*. Minneapolis (MN), 1983. P. 33.

¹⁴² MacKinnon C. Feminism, Marxism, method, and the state: Towards feminist jurisprudence // Harding S. (ed.) *Feminism and methodology*, Bloomington, 1987; Jaggar AM. *Feminist Politics and Human Nature*. Totowa (NJ), 1988; Mies M. The dynamic of sexual division of labor and integration of rural women into the world market // Beneria L. (ed.) *Women and development*. N.Y., 1982. P. 2-3.

Ведущие авторы первых феминистски настроенных публикаций не переставали говорить о своей приверженности кампании по борьбе за права женщин, достижение равных оснований, преимуществ, ресурсов к самореализации¹⁴³. Первым текстом женщин-антропологов, который заявил о себе с позиций активисток-правозащитниц, стал сборник «Toward an Anthropology of Women» (1975) под редакцией Р. Рейтер¹⁴⁴.

Несмотря на объективную потребность обращения к женской повседневности в других культурных областях, к проблеме гендерного неравенства в обществах, и желание сделать этот сюжет заглавным и определяющим в своем исследовании, женщины-этнологи и культурные антропологи подспудно имели намерение понять и разрешить проблемы не только своего личного, внутреннего пространства, но и пространства общественного, государственного, культурно-исторического.

Принято считать, что инициаторами направления феминистской антропологии стали авторы, чьи работы составили концептуально важный сборник под названием «Women, Culture and Society» – «книга книг» антропологов-женщин, вышедшая в том же 1975 году под редакцией М. Розальдо и Л. Ламфер.

Одной из ключевых работ данной феминистской антологии явилась статья Ш. Ортнер (р. 1941) «Is Female to Male as Nature is to Culture?» о корреляции женского/мужского как соответственно природного/культурного¹⁴⁵. Ее текст, став своего рода феминистской апологетикой, положил старт аргументированным положениям, доказывающим правомерность явления женской научной парадигмы в изучении человека и его культуры. В то время как предшественницы Ш. Ортнер были нацелены в основном на поиск обоснований универсальности

¹⁴³ Farge A. Praxis und Wirkung der Frauengeschichtsschreibung // Corbin E., Farge A., Perrot M. (eds.) Ist eine weibliche Geschichtsschreibung möglich? Frankfurt am Main, 1979. S. 29; Schiebinger L. Has Feminism Changed Science? L.-Cambridge (Mass.), 1999. P. 134-136.

¹⁴⁴ Reiter R. Introduction // Reiter R. (ed.) Toward an Anthropology of Women. NY, 1975. P. 11.

¹⁴⁵ Ortner S.B. Is Female to Male as Nature is to Culture? // Lamphere L., Rosaldo M.Z. (eds.) Women, Culture and Society. Stanford, 1974. P. 67-88.

мужского опыта и превосходства в культурном пространстве этноса, ее задачей было извлечь начальные координаты происхождения этого доминирования.

Автор выявила, что узловым фактором в данном вопросе есть представление о женщине как изначально созданным для покорения и подчинения существом, что непреодолимо сближает ее с природой и, следовательно, заключает ее в категории низшего, примитивного, неполноценного. Соответственно мужчина предстает в этой системе миропорядка как существо культурное, а значит олицетворяющее цельность, развитие, значимость, власть, авторитет.

Отправным в данной теории, по мнению автора, был посыл о репродуктивной данности женщины, ее функциональном предназначении деторождения, того, что не дано мужчинам, благодаря чему они непрестанны и безостановочны в своей культуuroобразующей функции, творческой, созидающей работе внутри социума.

При всем многообразии этнических культур Ш. Ортнер выделяла три общих показателя, объясняющих тождественность женского и природного естества. Так, само назначение и проявления женского организма выступают менее культуровмещающими, занимая в основном область естественных процессов освоения и преобразования окружающего пространства, нежели рационального использования, контроля и построения сверхзадач. Кроме того, это социальные установки, которые поддерживают обозначенную женщине данность. И, наконец, это общественные роли, вытекающие из подобных установок, рисуя определенный психофизиологический и психоэмоциональный женский тип, характеризующийся недостатком культурной доминанты.

В этой связи на каждом этапе развития общества (как в прошлом, так не теряя актуальности и сегодня), женщина представала в ипостаси природного, производяще-рождающего элемента, мужчина же заполнял

внесемейную, надбытовую сферу, мир макроистории, выступая в роли творца, реформатора и преобразователя.

Последовательницы Ш. Ортнер быстро подхватили и развили ее идеи о природно-культурной корреляции в контексте колониальной истории, в соответствии с чем примитивные общества, с точки зрения колонизаторов, призваны подойти в своем развитии к ступени цивилизованности развитых стран, по аналогии с тем, как женщина подчиняется мужчине, а природа овладевается культурой.

По этой причине сюжет отождествления женщины и природы вырос в нарратив о беспощадной эксплуатации ее воспроизводящих ресурсов, а процесс аккультурации «дикарей» и «варваров» преобразовался в рассказ о жестоком природопользовании, расходе ценных запасов этих народов в материальном или человеческом, энергетическом эквиваленте. В этом прочитывается уподобление мужского стремления ограничить деятельность женщины хозяйственными рамками быта и домашнего труда, попутно объясняя его попечением о физическом и моральном благополучии женщины, отстранением ее от решения проблем и задач повышенной сложности, тому, что завоеватели называли цивилизационным проектом, дипломатически-просветительской задачей.

Работа Ш. Ортнер, безусловно, заявила о себе шире задач феминистского подхода в антропологии. Включив в свое содержание превентивный аспект, подразумевающий нецелесообразность применения западных установок на культурные схемы иных народов, она побудила опровергнуть идеи ряда своих предшественников-этнологов. Кроме того, можно считать, что ее и подобные идеи, развитые другими женщинами-антропологами, во многом послужили основанием для появления теории экофеминизма, отстаивающего борьбу с природной эксплуатацией и угнетением женщин¹⁴⁶.

¹⁴⁶ Карпенко Е. Гендерная проблематика в экологии // Жеребкина И.А. (ред.) Введение в гендерные исследования. Т. I. СПб., 2001. С. 498-500.

Впоследствии Ш. Ортнер продолжала работать в заданном ключе ее дебютной статьи. Так, сборник «Значения пола: Социальное конструирование пола и гендера» выступил ретроспекцией складывания штампов, предубеждений и предвзятостей в отношениях между полами и истории их культурной символики, Ш. Ортнер остановилась здесь на дефинициях сексуальности в обществах-иерархиях¹⁴⁷. Впоследствии она предложила подборку идейных установок от интерпретативного и символического подхода в антропологии до постмодерна, где она обнаружила ряд обоснований для «женского» проекта в этнографии, ими стали марксизм, структурализм, функционализм, эо-культурологические подходы, теории постмодернизма как тождества всех подходов и приемов анализа¹⁴⁸. Синтезирующее значение приобрела и ее книга «Making Gender: The Politics and Erotics of Culture»¹⁴⁹, где была подчеркнута гуманистическая ориентация современных женских исследований в антропологии, говорящая о позитивном влиянии ученого на объект (источник) исследования.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. были разрушены основные антропологические мифы, заключающиеся, во-первых, в том, что женщины не авторитетны в плане источника информации, и во-вторых, что мужчины – исполняют ведущие роли с первобытной эпохи¹⁵⁰. Женщины-антропологи, настроенные революционным образом, настаивали на том, что понятия «пол» и «гендер» четко разграничены, и биологическая составляющая практически не имеет весомого значения, нежели влияние социальной и культурной сред¹⁵¹. Некоторые антропологи считают, что данная поляризация была данью

¹⁴⁷ Orthner Sh., Witehead H. (eds.) *Sexual Meanings: The Cultural Construction of Gender and Sexuality*. Boston, 1981.

¹⁴⁸ Orthner Sh. *Theory of Anthropology Since the Sixties* // *Comparative Studies in Society and History*. 1984. N 126(1). P.126-66.

¹⁴⁹ Orthner Sh. *Making Gender: The Politics and Erotics of Culture*. Boston, 1996

¹⁵⁰ Conkey M.W., Williams S.H. *Original Narratives: The political economy of gender in archaeology* // Leonardo M. (eds.) *Gender at the Crossroads of Knowledge: Feminist Anthropology in the Postmodern Era*. Los Angeles, 1991. P. 102-139; Reid M. *Economics of Household Production*. N.Y., 1934.

¹⁵¹ E.g. Shapiro J. *Anthropology and the Study of Gender* // Langland E., Gove W. (eds.) *A feminist perspective in the academy*. Chicago-L., 1981. P. 110-115.

всеобщей моде на социологию и стремление к схематизации и моделированию¹⁵². Соответственно, биологическое различие полов не опровергалось, однако акцентировалось, что в основе неравенства мужчин и женщин лежит не только и не столько биология¹⁵³.

Ученые говорили, что биологический критерий различий обосновывается доминирующей в социуме группой, то есть мужчинами.

Ряд женщин-ученых в поисках ответов на это погружались в сферу отношений внутри социологии и экономики, где, как они видели, лежал корень гендерного разделения. Социальная концепция эволюционизма устраивала их в качестве теоретического обоснования. При этом писалось, что в эпоху охоты и собирательства женский вклад (собирательство) был не только равен, но даже более существенен мужского (охоты), и статусы женщин и мужчин на том этапе были примерно равны. Так, С. Слокум в работе «Woman the gatherer: male bias in anthropology» утверждала, что ученые пренебрегают ролью женщин в эволюции человека, сосредотачиваясь на мужчинах как охотниках, в то время как, по ее мнению, не охота была основной экономической стратегией на протяжении большей части человеческой эволюции, а женское собирательство¹⁵⁴.

Подобно этому Э. Ликок показала, что женская неполноценность не данность, а неизбежный продукт экономического развития. До 1960-х годов антропологи считали, что женщины по сути своей подчинены мужчинам в любом обществе. Низкий статус женщин объяснялся наличием гендерных различий. В работе «Interpreting the Origins of Gender Inequality: Conceptual and Historical Problems» Э. Ликок утверждала, что подчинение женщин обусловлено переходом экономической системы от общинного строя к

¹⁵² Bradiotti R., Butler J. Feminism by any other name // Differences. 1994. V. 6(2-3). P. 38; Visweswaran K. Histories of feminist ethnography // Annual Review of Anthropology. 1997. V. 26. P. 591- 621.

¹⁵³ Quinn N. Anthropological Studies on Women's Status // Annual Review of Anthropology. 1977. V. 6. P. 181-225.

¹⁵⁴ Slocum S. Woman the gatherer: male bias in anthropology // Toward an Anthropology of Women. Rayna R. Reiter (ed.). N.Y., 1975.

капиталистическому, в соответствии с чем в эгалитарных обществах женщины имеют большую независимость. Однако вследствие развития классовой системы капитализм разделяет население по принципу осуществления контроля над ресурсами и трудовым процессом. Эта система разрушает неиерархические гендерные отношения, предоставляя мужчинам доминирование и оставляя за женщинами сферу неоплачиваемой домашней работы. Так, лишённые автономного контроля над личным трудовым пространством, женщины выполняют лишь функцию воспроизводства рабочей силы¹⁵⁵. Несмотря на то, что традиционные общества имели разные гендерные роли, это разделение не означало неравные гендерные статусы. По мнению Э. Ликок, антропологи путали гендерное разделение труда с неполноценностью женщин в социальной классовой системе.

Свою мысль Э. Ликок развила в историческом этнографическом исследовании общества Монтаньи в Канаде, показав влияние изменения экономической системы на статус женщин. Торговые контакты Монтаньи с европейцами, миссионерами-иезуитами послужили не только развитию капиталистической экономической системы, но и введению католических семейных ценностей, основанных на патриархате, моногамии, женской сексуальной верности и запрете развода¹⁵⁶.

С исчезновением аграрности мужчины из области производства поместили женщин в отдаленно приватную, неформальную сферу, как полагали Р. Рейтер, Ф. Фридль и др.¹⁵⁷ Ряд ученых искал обоснование в психоанализе и признавал факторами неравенства универсальные этапы социального развития девочек и мальчиков, первые из которых личностно и естественным образом ориентировались на мать, а вторым приходилось

¹⁵⁵ Leacock E. Interpreting the origins of gender inequality: conceptual and historical problems // *Dialectical anthropology*. 1983. № 7. P. 263-284.

¹⁵⁶ Moore J.D. *Visions of Culture: An Introduction to Anthropological Theories and Theorists*. Walnut Creek, 1997.

¹⁵⁷ Friedl E. *Women and Men: An Anthropologist's View*. N.Y., 1975. P. 108; Ardner Sh. *The Social Anthropology of Women and Feminist Anthropology* // *Anthropology Today*. 1985. V. 1(5). October. P. 24.

искать подражательные образцы в отношениях с отцом, друзьями, наставниками и тем самым программировать себя на приоритеты конкуренции и соревновательной борьбы, о чем говорила в своих работах активная приверженница радикального феминизма Н. Чодоров¹⁵⁸. В любом случае социальные и культурные антропологи того периода единогласно принимали гендерную теорию неравноправия и активно выступали за поиск ее первопричин.

Эссе Гейл Рубин под названием «Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола», опубликованное в 1975 г., также скоро стало одним из концептуальных текстов, выступивших с критикой традиционного подхода в науке¹⁵⁹. Взяв за основу теорию К. Леви-Стросса о коммуникативной функции социального обмена дарами, она утверждала, что «родство служило упорядочению общественных отношений, способом организации экономической, политической, обрядовой, а также сексуальной деятельности человека»¹⁶⁰. Г. Рубин продолжила идею К. Леви-Стросса, говоря о том, что брак – вид товарообмена, в котором женщина играла роль «ценного приношения». В ответ на практику инцеста она убедилась в том, что «инцест ставит целью превратить биологические явления секса в социальные акты», а его запрет – «делит мир на категории разрешенных и запрещенных сексуальных партнеров». Она полагает, что смысл инцеста заключен даже не в ограничении интимно-родственных отношений, а в неукоснительном императиве не заключать кровнородственных связей, как гласило «наивысшее правило дарения»¹⁶¹. С учетом положения К. Леви-Стросса о том, что данные запреты есть «начало культуры», перестройка первобытности, Г. Рубин стояла на том, что и исторический проигрыш женщин случился вместе с

¹⁵⁸ Chodorow N. The reproducing of mothering: psychoanalysis and the sociology of gender. Berkley, 1978.

¹⁵⁹ Rubin G. The Traffic in Women: Notes on the Political Anthropology of Sex // Reiter R.R. (ed.) Toward an Anthropology of Women. N.Y.-L., 1975. P. 157-210.

¹⁶⁰ Рубин Г. Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола // Гапова Е., Усманова А. (ред.) Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 99.

¹⁶¹ Там же с. 104.

появлением культуры. В этом случае преобразование общества по законам гендерной иерархии потребует больших затрат, чем классовая борьба, так как масштаб охватит и всю сферу культурных значений. Конечно, теория марксизма дала о себе знать в логике Г. Рубин как самое мощное объяснение женского угнетения¹⁶².

По мысли Г. Рубин, гендер имел идеологическое право вмешиваться в «биологическое» и «социальное» и фиксировать процессы «владения» и «распоряжения» женщинами. Для воплощения этих процессов общество создало приемы, среди которых и метод «принудительной гетеросексуальности»: «Подавление гомосексуальной составляющей сексуальности и вытекающая из него дискриминация гомосексуалистов – продукты той самой системы, которая создает угнетение женщин»¹⁶³. Г. Рубин подчеркивала, что половое влечение социально и исторически обусловлено, потому изменчиво¹⁶⁴. Такая «политическая» интерпретация сближала ее теорию с идеями М. Фуко, увидевшего в половом влечении исторический и социальный конструкт.

Также ключевыми для антропологии были работы Джоан Хубер, в особенности ее теория гендерной стратификации¹⁶⁵, эксплицирующая связь пола и социального неравенства¹⁶⁶. Если сторонники марксизма и идей Вебера не смогли объяснить факта угнетения женщин и в

¹⁶² Rubin G. The Traffic... P. 160

¹⁶³ Там же. С. 110

¹⁶⁴ Рубин Г. Размышляя о сексе: заметки о радикальной теории сексуальных политик // Жеребкина И. (ред.) Введение в гендерные исследования. Хрестоматия. Т. II. СПб., 2001. С. 476.

¹⁶⁵ Хубер Дж. Теория гендерной стратификации // Гапова Е.И., Усманова А. (ред.) Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 77-98.

¹⁶⁶ Huber J. Sex Stratification: children, housework and jobs. N.Y., 1983; idem. A Theory of Gender Stratification // Richardson L., Taylor V. (eds.) Feminist Frontiers II: Rethinking Sex, Gender, and Society. N.Y., 1989; Idem. Micro-Macro Linkages in Gender Stratification // Huber J. (ed.) Micro-Macro Linkages in Sociology. Beverly Hills (Ca), 1991. P. 11-28; idem. Comparative Gender Stratification // Saltzman Chafez J. (ed.). Handbook of Sociology of Gender. N.Y., 1999.

«некапиталистических странах»¹⁶⁷, и внутри домохозяйств¹⁶⁸, Дж. Хубер как раз смоделировала гендерную иерархию общества на основе показателей женского домашнего труда. Она говорила об исключённой из внимания сферы домашней деятельности женщин, которая не приносит надбавок и не пополняет государственную казну, если только это не касается случаев приобретения подобных услуг вместе с браком, на рынке товаров и услуг, когда они расцениваются как оплачиваемый труд. Кроме того, Дж. Хубер сконцентрировалась и на «расценках» на репродуктивность, возможность родить и выкормить детей, не имеющих покупательной способности для мужчин¹⁶⁹.

Для выявления связи между иерархией полов и патриархатным строем, Дж. Хубер остановилась на факторах, составляющих содержание женской домашней работы, каковыми явились экологические, технологические (связанные с приготовлением пищи) и демографические (завязанные на циклах рождаемости). Тот, кто производил товары, в любом социуме были более авторитетны, нежели те, кто их покупал и потреблял, в этой связи причина, закрепившая за мужчинами производителей, а за женщинами потребителей, и соответственно установившая приоритет у производителей товаров перед «производителями людей», лежала в том, что способности женщины не ограничивались лишь функцией воспроизводства новых членов общины, а включали множество других доступных для нее задач. Женщина в этих условиях стала обремененной вдвойне, а общество, в свою очередь, разделилось на страты, где рычаги управления получили следящие за распределением благ вне семьи и раздающие вознаграждение, при этом из понятия «производительного

¹⁶⁷ Huber J. Sex Stratification Theory // Huber J., Spitze G. Sex Stratification... P. 4; Sokoloff N. Between Money and Love: The Dialectics of Women's Home and Market Work. N.Y., 1980. P. 114, 196.

¹⁶⁸ Гапова Е. Гендерная проблематика в антропологии... С. 375.

¹⁶⁹ Huber J., Spitze G. Sex stratification... P.

труда» исключили домашнюю сферу и все связанное с рождением и воспитанием детей.

Параллельно с автором еще одной «истории гендерной стратификации» Р. Бламберг¹⁷⁰, Дж. Хубер изучила пять типов культур (связанные с охотой и собирательством, мотыжным земледелием, кочевничеством, промышленным земледелием и индустриальным обществом)¹⁷¹, при этом развела мужские и женские роли при производстве пищи, связав это разделение с формами брачно-семейных отношений (свободный брак, полигамия, моногамия), рассмотрела характер изменения демографических показателей (смертность, рождаемость, разводы). По ее мнению, положение женщин прямо пропорционально их вовлеченности в процесс приготовления пищи и снабжения ею окружающих, равно как и репродуктивная роль лишала их авторитетных, ведущих позиций. Так как поиск еды или время военных набегов были связаны с территорией за пределами дома, изолирование женщин от тяжелых орудий являлось не биологически обусловленным, а социально¹⁷². С появлением новых видов оружия и технологий труда биологические различия между мужчинами и женщинами отходят на второй план, а на первый выходит теперь вопрос оплаты женского труда, причем сама постановка вопроса намного весомее рассуждений о размере этого заработка¹⁷³.

Теория Дж. Хубер показывала, что использование женского домашнего труда обеспечивало существование систем, основанных на патриархате, и все, связанное с авторитетом и правом управления, зиждилось на способности формировать общественную культуру, выходящую за пределы всего частного и повседневного. Ее идеи нашли

¹⁷⁰ Blumberg R.L. A General Theory of Gender Stratification // Sociological Theory. 1984. N 2. P. 23-101.

¹⁷¹ Lenski G., Lenski J. Human Societies. N.Y., 1978.

¹⁷² Huber J. Sex Stratification Theory... P. 43.

¹⁷³ Ibid. P. 50.

отклик в «женской истории» как разводящие две ключевые области – светского, официального и домашнего, закрытого – того, что окажется в центре внимания женщин-историков 1990-х гг., заговоривших о приоритете соединения этих сфер¹⁷⁴. Исследовательница показала, что все, долгое время, принимаемое за результат прогресса, отзывалось женским вытеснением из приоритетных социальных позиций, в связи с чем суть прогресса теряла характер абсолютного развития, обретая значение еще одной условности¹⁷⁵.

К концу 1980-х – 2000 гг. опыт феминистских ученых сформировал собственное фундаментальное, теоретически основательное направление в научной среде. Уже заявившая о себе М. Розальдо выступала с тезисом о том, что современной гуманитарной науке необходим не фактологический и знаниевый прирост в классических направлениях исследований, а постановка качественно новых вопросов¹⁷⁶. В этой связи ряд ученых сходится в том, что именно такой подход заметно продвинул гендерологов и их методологию в этнологических дисциплинах¹⁷⁷.

Помимо внутренней методологии, феминистская теория с начала 1980-х гг. начала заниматься «различиями», разделяющими не только мужчин и женщин, но и самих женщин. Избегая обращения к глобальности понятия «женщина», подразумевающего обмен опытом женщин из разных национальных, культурных и классовых слоев, феминистские теоретики стали привлекать внимание к самой изменчивости женского опыта в его зависимости от экономической и культурной среды. Дебора Л. Род в работе «Theoretical Perspectives on Sexual Difference (1990) отмечала важность сосредоточения внимания на том, как различия между женщинами опосредуют гендерные отношения и вписываются в многообразие классов,

¹⁷⁴ Boxer G.M., Quatert J.H. (eds.) Connecting Spheres: European Women in a Globalizing World, 1500- to the Present. N.Y., 2000.

¹⁷⁵ Э. Фридль.: Friedl E. Women and Men: An Anthropologist's View. N.Y., 1975. P. 182.

¹⁷⁶ Rosaldo M. The Use and Abuse of Anthropology // Ortner Sh., Whitehead H. (eds.) Sexual Meanings. Cambridge, 1981.

¹⁷⁷ Caplan P. Engendering Knowledge. The politics of ethnography... P. 15.

рас, этнической принадлежности, возраста и сексуальной ориентации¹⁷⁸. Вслед за Г. Рубин и ее критикой системы пола антропология женщин трансформировалась в антропологию гендера, в соответствии с которой женщины представляли универсальное сообщество или категорию, каковая «сама собой разумеется»¹⁷⁹.

Споры вокруг тематики и формата постановки новых вопросов, стиля и образа мысли для женщины-антрополога и этнолога в формулировании научной проблемы и ее решения, ключа, в котором она выдерживает свой анализ, позволяют наметить характерные особенности в работах периода 1980–2000-х¹⁸⁰.

Первое – установка на критику, нежели на описание, и идеологическая направленность анализа, что сближает феминистические работы с трудами марксистского толка¹⁸¹. Женщины-ученые настаивают на том, что надо идти дальше, чем просто сделать женщину услышанной и увиденной, необходимо присутствовать в жизни женских движений, открытая и публичная заявка на ангажированность¹⁸², а также переформатирование «антропологии женщин» в «антропологию для женщин»¹⁸³.

¹⁷⁸ Rhode D.L. Theoretical Perspectives on Sexual Difference. New Haven, 1990.

¹⁷⁹ Lugones M. C., Spelman E. Have we got a theory for you! Feminist theory, cultural imperialism and the demand for 'the woman's voice' // Women's Studies International Forum. 1983. V. 6. Is. 6. P. 573–581.

¹⁸⁰ E.g. Visweswaran K. Feminist Reflections on Deconstructive Ethnography. Feminist ethnography as Failure // Visweswaran K. Fictions of Feminist Ethnography. Minneapolis, L., 1994.

¹⁸¹ Boschma J.H., Franks M. Feminist Anthropology [file://localhost/A:/Feminist Anthropology.htm]; Cyrus H. Historische Akkuratessse und soziologische Phantasie. Eine Metodologie feministischer Forschung. Königstein, 1997. S. 258; Мур Г. Феминизм и антропология // Гендерные исследования. 2000. № 5; Рабжаева М. Гендерная антропология: институциональные и эпистемологические характеристики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 2.

¹⁸² Rogers S. Women's Place: A Critical Review of Anthropological Theory // Comparative Studies in Society and History. 1978. V. 20. N 1. P. 123; Griffin S. The Way of All Ideology // Keohane N. (ed.) Feminist Theory. Chicago, 1982. P. 280; Gorelick Sh. Contradictions of Feminist Methodology // Gender and Society. 1991. V. 5. N 4 (December). P. 463. Nagl-Docekal H. Feministische Geschichtswissenschaft – ein unverzichtbares Projekt // Homme. 1990. Bd. 1. Jg. 1. S. 7-18.

¹⁸³ Smith D. A Sociology for Women // Sherman J.A., Torton E. (eds.) The Prism of Sex. Essays of sociology of knowledge. Madison, 1979. P. 215; Cook J.A., Fonow M.M. Knowledge and

Вторая особенность заключается в борьбе с мужским диктатом, определяющим направление движения научной мысли, так как женщины-ученые убеждены, что в господство в создании гипотезы диктуется сугубо мужскими интересами¹⁸⁴. Из предложенных ими рецептов намечается стремление разделить типы мужского и женского повествований, а также само изображение культурных и бытовых особенностей в жизни мужчин и женщин при описании того или иного народа или этнической общины¹⁸⁵. Исходный и ключевой посыл – изучать женщин с их собственных жизненных позиций и понять, что в данной культуре «женщины представляют не для мужчин, а для самих себя»¹⁸⁶, то есть не только не относительно картины мира мужчины-исследователя с его набором ценностей и приоритетов, и исследователя-женщины с соответственно иным набором критериев, но относительно самих женщин как объектов изучения. Данная установка параллельно требовала и возвести в аксиому представление о том, что существующие гендерные роли лишены природного обоснования, что, в свою очередь, налагало на женщину-этнолога необходимость непрерывно отстаивать точку зрения о социальной природе любой биологической данности¹⁸⁷.

Конец XX в. характеризовался повышенным вниманием к проблемам биологического пола, к тому, как его проявления преподносятся в каждую эпоху, какие приписываются ему смыслы и как они обыгрываются в культуре. Вместо разграничения биологического и социального пола, первый также

women's interests: issues of epistemology and methodology in feminist sociological research // *Sociological Inquiry*. 1986. V. 56. P. 12 (2-29).

¹⁸⁴ Rosser S.V. *Female friendly science*. N.Y.-Oxford, 1990. P. 29; Rapp R. *Anthropology: Feminist Methodologies...* P. 79.

¹⁸⁵ Milton K. *Male Bias in Anthropology* // *South East Asia Review*. 1981. N 5. P. 34-38; Gergen M.M. *Toward the feminist metatheory and methodology in the social sciences* // Gergen M.M. (ed). *Feminist thought and the structure of knowledge*. N.Y., 1988. P. 87-104

¹⁸⁶ Coser L.A. *Georg Simmel's Neglected Contributions to the Sociology of Women* // *Signs. Journal of Women in Culture and Society*. 1977. V. 2(4). P. 872-873.

¹⁸⁷ Rosaldo M. *Use and Abuse of Anthropology...* P. 399; Scheffer H. "Facts of Nature"? // Di Leonardo M. *Gender at the Crossroads of Knowledge: Feminist Anthropology in the Postmodern Era*. Berkley, 1991 P. 361.

приписали к феномену социального¹⁸⁸, особенно учитывая то обстоятельство, что на свою природу пола можно влиять и даже изменить ее на противоположную.

Проблематика вариативности в выборе сексуальности и обладания своей физиологией обнаружила живой интерес среди женщин-антропологов и способствовала появлению ряда теорий, основанных на изменениях психосоматического уровня, формах идентификации, самоопознания себя, своего тела и конструирования образа себя в культуре и социуме. Кроме того, это повлекло за собой и поворот к «антропология мужчин», представители которой были озадачены поиском «мужских» проявлений в каждой культуре, подобно поискам в тех же культурах «женского», характерного для их феминистически ориентированных коллег. Споры относительно социальной и биологической природы культуры и человека разгорались прямо пропорционально фиксации случаев операбельной перемены пола, что оживило движение, обращенное к субкультуре сексуальных меньшинств, и установило правозащитную ориентацию возникающих на этой почве теорий о феномене «queer»¹⁸⁹ и развенчании неизменности скрытой, глубинной реальности и «истинной» природы пола¹⁹⁰.

Медицинские исследования по-новому открывали суть человеческой физиологии, а именно взаимозависимость физиологической и социальной роли человека внутри отношений с другим полом, которые признавались синкретичными, нерасчленяемыми проявлениями природы мужчин и женщин. Более того, ученые доказали, что социальная среда воздействует на эндокринную систему, в частности на выработку гормонов и, соответственно, на половые признаки, что доказывало факт воздействия социокультурной

¹⁸⁸ Butler J. *Gender Trouble*. N.Y., 1990. P. 7; Sedgwick E. *The Epistemology of Closet*. Berkley, 1990. P. 29; Martin B. *Sexualities without genders and other queer utopias* // *Diacritics*. 1994. V. 24 (2-3). P. 104-121, esp. 110.

¹⁸⁹ Vieweswaran S. *Feminist Ethnography...* P. 611.

¹⁹⁰ Alkoff L. *Cultural feminism versus poststructuralism: the identity crisis in feminist theory* // *Signs*. 1988. V. 13 (3). P. 405-436; Nicholson L. *Feminism|Postmodernism*. N.Y., 1990 etc.

среды на формирование разницы в физиологической природе, однако в обратном смысле данная теория не имела аргументов¹⁹¹.

Универсальная полярность в оценке явлений культуры, с которой как с характерно мускулиной боролись феминистские антропологи, нередко проявлялась в их же исследованиях. Любая культура сама по себе была лишена столь четких границ между мужским и женским, хорошим и плохим, природным и социальным. Выступая против такого поверхностного и примитивизированного анализа, вышли теоретики феминизма «третьей волны» конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Заявивший о себе в начале 1980-х «черный феминизм» также упрекнул своих старших коллег за унификацию убеждений, желаний, прав и ценностей белых женщин и в целом женщин в мире, в частности представительниц этнических групп. Его активистки, отстаивая «постколониальные» позиции в своих исследованиях, говорили от лица тех, за кого, как правило, говорили до этого западные женщины, принадлежащие к привилегированной социальной и интеллектуальной среде¹⁹².

В научно-гуманитарном плане феминистские ученые добавили к классовой категории анализа такие ключевые позиции, как раса и гендер. В этом смысле, по их мнению, угнетение по признакам пола, расы и класса пересекается и взаимно модифицируется.

Британский социальный антрополог Г. Мур (р. 1957) говорила о том, что женщина не игнорировалась в антропологических исследованиях лишь на уровне проблематики брака и родства, с чем связан определенный набор мужских предрассудков применительно к полевым исследованиям (мужчины более открыты для опросов, контролируют и более значимую информацию, вовлечены в более важные сферы культуры, в то время как женщина – лишь

¹⁹¹ Lamphere L., Ragone H., Zavella P (eds.) *Situated Lives: Gender and Culture in Everyday Life*. N.Y., 1997. P. IX.

¹⁹² E.g.: Visweswaran K. *Histories of Feminist Ethnography* // *Annual Review of Anthropology*. 1997. V. 26. P. 591-621; Abu-Lughod L. *Can there be a feminist ethnography?* // *Women Performance*. 1990. V. 5(1). P. 7-27.

подчиненный мужчине элемент, «что-то неинтересное и даже неуместное»). В этом смысле феминистская антропология призвана деконструировать систему предубеждений мужчин, фокусируя внимание на самих женщинах, анализе того, как и что они утверждают, ощущают и как себя позиционируют. Апеллируя к Э. Арденеру, Г. Мур затрагивает проблему рассмотрения женщин как представительниц «молчащих» групп, вынужденных высказываться в дискурсах доминирующей (мужской) идеологии. Даже при изучении этнографами сфер женской активности их восприятие мира не может быть полноценно осознанно и выражено в терминах мужской модели. Вслед за Дж. Шапиро Г. Мур указывает на привилегированный статус женщины-этнографа в отношении исследований женщин, а также разводит такие понятия, как антропология женщин и феминистская антропология, понимая под последней не просто изучение женщинами женщин, но включение концепта «гендер» в структуру человеческих обществ, их истории, идеологических, экономических и политических систем¹⁹³.

Философ и феминистский теоретик Р. Брайдотти (р. 1954), директор-основатель и профессор Центра гуманитарных наук университета Утрехта (Нидерланды), в работе «Женские исследования и политики различия» говорит о качестве феминистского текста как о жанре с особыми текстуальными и методологическими требованиями, которые раскрываются через определенные стили выражения, восприятия, интерпретации и рождают «новые, альтернативные способы конструирования женского субъекта»¹⁹⁴.

Дж. Скотт (р. 1941), американский историк, специалист по гендерной истории заслуженный профессор Школы социальных наук в Институте перспективных исследований в Принстоне, в статье «Гендер: полезная

¹⁹³ Moore H.L. *Feminism and Anthropology*. Minneapolis, 1988; Idem. *A Passion for Difference: Essays in Anthropology and Gender*. Bloomington, 1994.

¹⁹⁴ Брайдотти Р. Женские исследования и политики различия // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия. Харьков, СПб., 2001. С. 13–23.

категория исторического анализа» акцентирует внимание на том, что вписывание женщин в историю (под чем мы склонны понимать женщину и как субъекта изучения) расширяет систему важных и традиционных исторических понятий для понимания личного, субъективного опыта¹⁹⁵.

Проблему выбора и применения этнографических методов для феминистских исследований поднимает писатель, социолог, профессор социокультурного анализа и социологии университета Нью-Йорка Дж. Стейси (р. 1943) в статье «Can there be a feminist ethnography?». Полевая работа, по ее мнению, представляет собой вмешательство в систему взаимоотношений, где исследователь более свободен, чем его объект. Автор призывает к диалогу между феминизмом и этнографией, а также разделению произвольных границ в традиционных академических дисциплинах, выступая за интеграционный подход к знаниям, который обосновывает теоретический контекст в сфере повседневной жизни женщин¹⁹⁶.

Антрополог М. Стратерн характеризовала антагонистическую связь между феминизмом и антропологией как самодостаточную, поскольку «each so nearly achieves what the other aims for as an ideal relation with the world» («каждый из них практически достигает того, к чему стремится другой ради идеальных отношений с миром»)¹⁹⁷. Феминизм постоянно делает вызов андроцентристской ортодоксии, из которой возникает антропология.

Феминистская антропология, по словам Р. Рапп, подвержена двойной маргинализации. Феминистская традиция, с одной стороны, связана с опытом женщин, которые игнорируются андроцентрическим подходом. С другой, затрагивает опыт и концепции, области знаний, считающиеся периферийными для Западного мира.

¹⁹⁵ Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия. Харьков, СПб., 2001. С. 405–437.

¹⁹⁶ Stacey J. Can there be a feminist ethnography? // Women's Studies International Forum. 1988. V. 11. № 1. P. 21–27.

¹⁹⁷ Strathern M. An awkward relationship: The case of feminism and anthropology // Signs: Journal of Women in Culture and Society. 1987 (Winter). P. 276–292.

Часть этой маргинализации, считает Г. Мур, является непреходящей. Настаивая на том, чтобы придерживаться исключительно женской точки зрения, феминистская антропология постоянно определяет себя как «не мужскую» и, следовательно, неизбежно отличающуюся от «мужской». Феминистская антропология, по словам Г. Мур, эффективно геттоизирует себя («effectively ghettoizes itself»). По мнению М. Стратерн, феминистская антропология, как традиция, ставящая вызов основному течению, никогда не сможет полностью интегрироваться с ним: она существует для критики, деконструкции, вызова.

Дж. Батлер (р. 1956), американский философ-постструктуралист, гендерный теоретик, чьи работы оказали влияние на гендерную философию, этику и проблемы феминизма, квир-теорию¹⁹⁸. Дж. Батлер развивает свою теорию гендерной перформативности¹⁹⁹, основывая ее на феминистской феноменологической точке зрения. Она предполагает, что и феноменология, и феминизм основывают свои теории на «пережитом опыте» («lived experience»). Сравнивая феноменолога М. Мерло-Понти и феминистского теоретика С. де Бовуар, Дж. Батлер утверждает, что их теории рассматривают тело как историческую идею или ситуацию, и вслед за ними раскрывает это понятие как «distinction between sex, as biological facticity, and gender, as the cultural interpretation or signification of that facticity»²⁰⁰ («различие между полом как биологической данностью и гендером как культурным истолкованием или значением этой данности»). По мысли Батлер, «сценарий» гендерной перформативности передается из поколения в

¹⁹⁸ Judith Butler // The European Graduate School. [Electronic resource]. URL: <http://egs.edu/faculty/judith-butler> (accessed: 17.11.2017); Kearns G. The Butler affair and the geopolitics of identity // Environment and Planning D: Society and Space. 2013. P. 191–207.

¹⁹⁹ Butler J. Performative Acts and Gender Constitution: An Essay in Phenomenology and Feminist Theory // Theatre Journal. 1988. V. 40. №. 4. P. 519 – 531; Idem. Bodies That Matter: On the Discursive Limits of "Sex". N.Y., 1993; Idem. Undoing Gender. N.Y., 2004.

²⁰⁰ Butler J. Undoing Gender...

поколение в форме социальных смыслов, в этой связи гендер не является ни фундаментальным выбором, ни предписанием²⁰¹.

По словам Б. Бэбкок, «woman is anthropology's unspeakable savage»²⁰² (женщина – это немой дикарь антропологии). Как и другие феминистские историки антропологии (Бехар Р. и Д. Гордон²⁰³; Ди Леонардо М.²⁰⁴; Парезо Н.²⁰⁵), Б. Бэбкок призывает к критической феминистской антропологии, которая «rethink theory» (пересмотрит теорию), «problem of 'women' as well as 'woman' in/and 'the science of man'» (проблему женщины и женщины в науке о человеке), «entails the recovery and revaluation of <...> previously marginalized and underestimated work, demands theories and perspectives that are compensatory as well as critical»²⁰⁶ (повлечет за собой восстановление и переоценку ранее маргинализированной и недооцененной работы, потребует теорию и перспективы, которые являются столь же компенсирующими, сколь и критическими).

Критическая феминистская антропология в рамках критической истории антропологии, предложенной Дж. Винсент, призывает к реисторификации дисциплины, понимаемой не как эстетика или «поэтика» (в качестве постмодернистского подхода «этнография как текст»²⁰⁷), но как общий процесс, обусловленный социальными силами, исторический

²⁰¹ Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N.Y., 1990; Idem. Imitation and Gender Insubordination // The Lesbian and Gay Studies Reader. Halperin, N.Y., 1993. P.307-320.

²⁰² Babcock B. Feminisms/Pretexts: Fragments, Questions, and Reflections // Anthropological Quarterly. 1993. V. 66. № 2. P. 61.

²⁰³ Behar R., D. Gordon. Women Writing Culture. Berkeley, 1995.

²⁰⁴ Di Leonardo M. Exotics at Home: Anthropologies, Others, and American Modernity. Chicago, 1998.

²⁰⁵ Parezo N. Hidden Scholars: Women Anthropologists and the Native American Southwest. Albuquerque, 1993.

²⁰⁶ Babcock B. Op. cit. P. 62.

²⁰⁷ Clifford J., Marcus G. Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography. Berkeley, 1986.

феномен, связанный с социальными, политическими и материальными обстоятельствами²⁰⁸.

До середины 1980-х гг. феминистские антропологи были склонны считать женщин однородной группой, где они разделяют подчиненную мужчинам позицию. Однако в конце 80-х гг. они утверждали, что феминистское движение 1970-х и 1980-х гг. возглавлялось женщинами-учеными из белого среднего класса и не учитывало внутренние разногласия его активисток. Женщины-антропологи показали, что социальные позиции и отношения состоятельных женщин поддерживают социальные системы, которые угнетают бедных женщин, особенно афроамериканок.

Так, Э.Л. Столер (р. 1949), рассматривая европейский колониализм в Азии, показала, что европейские женщины способствовали колониализму, усиливая расовые сегрегации. В работе Э. Столер «Making Empire Respectable: The Politics of Race and Sexual Morality in Twentieth-Century Colonial Cultures» (1989) раскрывается механизм, в котором привилегированные женщины могут угнетать бедных слои населения, просто следуя принципам доминирующих социальных систем²⁰⁹. Рассматривая районы современной Индии, Индонезии и Малайзии, Э. Столер говорит о наличии у европейских женщин в колониях двух противоположных ролей в отношении их социального статуса: они испытывали гендерное давление со стороны европейских мужчин и в то же время выступали угнетателями коренных народов.

По мысли Э. Столер, европейские колонизаторы использовали труд местных женщин за низкую заработную плату, что давало им возможность контролировать местную экономическую обстановку. До XX в. колониальные администрации не позволяли европейским женщинам жить в колониях из опасения создания ими класса белых бедных. В начале XX в.

²⁰⁸ Vincent J. Engaging Historicism // Recapturing Anthropology: Working in the Present. Santa Fe, 1991. P. 47.

²⁰⁹ Stoler A.L. Making Empire Respectable: The Politics of Race and Sexual Morality in Twentieth-Century Colonial Cultures // American Ethnologist. 1989. № 4. V. 16. P. 634-660.

возврат европейских женщин в колонии был обусловлен превентивными мерами в отношении создания браков европейских мужчин с женщинами из числа коренного населения. В целях обеспечения эффективного домашнего хозяйства в колониях, европейские женщины с подробными инструкциями обучались уборке, кулинарии, воспитанию детей и отношениям с работодателями и служащими. Они активно выступали против того, чтобы их дети попадали под влияние обычаев и идей местной культуры. Их конечная цель заключалась в обеспечении соблюдения расовых и классовых различий между европейскими колонистами и коренным народом. Для достижения этой цели в колониях ими часто создавались организации, призванные сохранить европейский образ жизни.

О биполярности статуса европейских женщин в интерпретации британского империализма XIX в. говорит и Э. МакКлинток в работе «Imperial Leather: Race, Gender, and Sexuality in the Colonial Contest» (1995), отмечая решающее значение гендерного фактора и присутствия белых женщин в имперских проектах. Автор подчеркивает, что они не были «the hapless onlookers of empire, but were ambiguously complicit both as colonisers and colonized, privileged and restricted, acted upon and acting»²¹⁰ («несчастливыми зрителями империи, но двусмысленно выступали как в качестве колонизаторов, так и колонизируемых, как привилегированных, так и ограниченных в правах, как объектов, так и субъектов действия»).

Новая тенденция в рамках феминистской антропологии, начавшаяся в конце 1980-х гг., привела к созданию многокультурного направления. Некоторые феминистские ученые ставят под сомнение объективность антропологии как науки и утверждают, что антропологи не могут претендовать на исключительное право быть толкователями культуры. В этот период феминистские антропологи изучают новые экспериментальные формы этнографического документирования. Один из способов – включить

²¹⁰ McClintock A. Imperial Leather: Race, Gender, and Sexuality in the Colonial Contest. L., 1995.

различные точки зрения, другой – представить собственные мысли и опыт других исследователей-этнографов. Некоторые феминистские антропологи вдохновляли женщин других рас написать о своих культурах и бросить вызов другим антропологам, не учитывающим их голос культуры. Кроме того, некоторые феминистские антропологи отдавали предпочтение таким нетрадиционным формам антропологического описания, как поэзия и художественная литература. В этом смысле не менее важным являлся вклад, внесенный афроамериканскими женщинами-антропологами на стыке этнографии и творчества.

Ф.Т. Денсмор (1867–1957) – американский антрополог и этнограф, известная исследованиями индейской музыки и культуры²¹¹. Работая в нач. XX в. с племенами из Оклахомы, Аризоны, Вашингтона, Колумбии, Флориды, Панамы, она изучала и транскрибировала их национальную музыку, документировала ее культурные формы для Управления американской этнологии института Смитсона, объясняя происхождение и племенное использование музыкальных форм выражения²¹².

Ф.Т. Денсмор опубликовала более 20 монографий и 200 статей, основной из которых стала работа «The Indians and Their Music» (1926), описывающих музыкальные практики и репертуар различных индейских групп, а также собрала около 2500 аудиозаписей²¹³. По мнению Ф.Т. Денсмор, исследования индейской музыки могут использоваться для борьбы

²¹¹ Archabal N. Marchetti. Frances Densmore: Pioneer in the Study of American Indian Music // Women of Minnesota: Selected Biographical Essays. St. Paul, 1998. P. 94-115; Gilman R.R. The Story of Minnesota's Past. Saint Paul, Minnesota, 1989; Baker's Biographical Dictionary of Musicians. L., 198; Dictionary of American Biography. N.Y., 1980; The New Grove Dictionary of Music and Musicians. N.Y., 1980.

²¹² Kennedy S. Palmetto Country. Florida, 1989.

²¹³ Piehl C., Ratzlaff J. Frances Densmore // Minnesota State University, Mankato. [Electronic resource]. URL: https://web.archive.org/web/20071018153408/http://www.mnsu.edu/emuseum/information/biography/abcde/densmore_frances.html (accessed: 15.12.2017).

со стереотипами и неправильными представлениями о культуре коренных американцев²¹⁴.

3. Нил Херстон (1891–1960) – американский антрополог, фольклорист, а также писательница, внесшая известный вклад в афроамериканскую литературу, признанный как «литературная антропология» («literary anthropology»)²¹⁵. Полевая работа З. Нил Херстон под руководством Ф. Боаса и М. Мид, а именно изучение афроамериканского фольклора в Северной Флориде, явились обширным этнографическим исследованием ритуальной жизни Ямайки и Гаити²¹⁶. Также в контексте защиты прав афроамериканских женщин она изучала вопрос сексуального доминирования белых мужчин, в частности практику использования коренных американок в качестве сексуальных наложниц²¹⁷.

К. Мэри Дунхэм (1909–2006) – лидер в области танцевальной антропологии, или этнохореологии, интерпретации ритуальных и этнических танцев. Ученица таких антропологов, как А.Р. Рэдклифф-Браун, Э. Сапир и Б. Малиновский, К. Дунхэм проводила этнографические исследования танцевальных форм в Карибском бассейне²¹⁸. Исследования африканского танца американским антропологом П.Э. Примус (1919–1994) также сыграли важную роль в качестве реакции на мифы о дикости африканской культуры,

²¹⁴ Densmore Frances // MNopedia. Minnesota Historical Society. [Electronic resource]. URL: <http://www.mnopedia.org/person/densmore-frances-1867-1957> (accessed: 15.12.2017).

²¹⁵ Zora Neale Hurston. American author // Encyclopædia Britannica. [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/biography/Zora-Neale-Hurston> (accessed: 15.12.2017); Zora Neale Hurston // The Official Web Site. [Electronic resource]. URL: <http://zoranealehurston.com> (accessed: 15.12.2017).

²¹⁶ Hurston L.A. Speak, So You Can Speak Again: The Life of Zora Neale Hurston. N. Y.: Doubleday, 2004; Zora Neale Hurston: Recordings, Manuscripts, Photographs, And Ephemera // Archive of Folk Culture. The Library of Congress. [Electronic resource]. URL: <https://www.loc.gov/folklife/guides/Hurston.html> (accessed: 15.12.2017).

²¹⁷ Boyd V. Wrapped in Rainbows: The Life of Zora Neale Hurston. N.Y., 2003.

²¹⁸ Harrison I.E., Harrison F.V. African-American Pioneers in Anthropology. Urbana, 1999; Aschenbenner J. Katherine Dunham: Dancing a Life. Urbana, 2002; Katherine Dunham. American Dancer, Choreographer, and Anthropologist // Encyclopædia Britannica. [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/biography/Katherine-Dunham> (accessed: 15.12.2017).

в стремлении направить западный взгляд на африканский танец как важное и достойное утверждение о другом образе жизни²¹⁹.

Вслед за увеличением числа женщин-представительниц «цветного» феминизма гендерная антропология критиковала подходы феминисток и антропологов первой волны, которые были сосредоточены на буржуазных социальных амбициях. Гендерная антропология сделала шаг от документирования опыта женщин как универсальной категории населения к интерпретации места гендера в более широких структурах смысло-восприятия, взаимодействия и власти. Эти проблемы нашли отражение в работах женщин-антропологов Г. Мур и Э. Альберт. По утверждению Г. Мур, антропология, даже если она осуществляется женщинами, имеет тенденцию «[order] the world into a male idiom <...> because researchers are either men or women trained in a male oriented discipline» («упорядочить мир в мужской парадигме <...>, потому что исследователи, как мужчины, так и женщины, обучены в маскулинно ориентированной дисциплине»)²²⁰.

Теоретическая структура и практические методы антропологии, по мнению Г. Мур, были в наибольшей степени подвержены влиянию сексистской идеологии, так как на протяжении большей части XX в. антропология называлась «study of man» (изучением человека в значении мужчины), вследствие чего без серьезного самоанализа и сознательной попытки противостоять этому предубеждению, антропология не могла осмысленно представлять женский опыт.

По мысли Г. Мур, понятие «женщина» недостаточно универсально, чтобы выступать в качестве аналитической категории в антропологическом исследовании, представление о женщине было специфическим для

²¹⁹ Myers G.E. African American Genius in Modern Dance. Durham N.C., 1993; Pearl Primus. American Anthropologist, Dancer, and Choreographer // Encyclopædia Britannica. [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/biography/Pearl-Primus> (accessed: 15.12.2017); Green Richard C. (Up) Staging the Primitive: Pearl Primus and 'the Negro Problem' in American Dance // DeFrantz Thomas F. Dancing Many Drums: Excavations in African American Dance. Madison, Wisconsin, 2002.

²²⁰ Moore H.L. Feminism and anthropology. Minneapolis, 1988.

определенных культур. И для некоторых феминисток, как пишет М. Розальдо, этот аргумент противоречил основному принципу их понимания отношений между мужчинами и женщинами²²¹.

Именно «черный феминизм» с его вниманием к вопросам расо-классовой и гендерной взаимообусловленности крепко связал научные изыскания и феминистские подходы к исследованию²²². Попытки женщин-ученых привлечь внимание общества к актуальным для них научным проблемам не венчались успехом. В этой связи видные ученые 1990-х гг. решили сменить парадигму исследований, направив их в русло достижения диалога между исследователем и его объектом, а также исследователем и его будущим читателем. Желание повлиять на роль и статус женщины стало общей тенденцией в работах женщин-антропологов 90-х гг.

В это время в центре внимания исследовательниц становится женщина как «другое» и многоаспектность проявлений этого «другого» в ней²²³, связанных с характеристиками возрастных перемен, семейного статуса, образовательного уровня и с учетом расовой принадлежности, классовой, религиозной и т. п.²²⁴. Ранее женский опыт рассматривался в коннотациях боли и мучений²²⁵, в новый период, 1990-е гг., исследовательницы обратились к вариативности этого опыта, обоснованию его не одностороннего проявления²²⁶, убеждая в том, что многие и современные, и более ранние

²²¹ Rosaldo M.Z. The Use and Abuse of Anthropology: Reflections on Feminism and Cross-Cultural Understanding // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 1980 (Spring). P. 389–417.

²²² Rapp R. *Anthropology: Feminist Methodologies...* P. 80

²²³ E.g. Fraser N., Nicholson L. Social Criticism Without Philosophy: And Encounter Between Feminism and Postmodernism // Nicholson L. *Feminism / Postmodernism*. N.Y., L., 1990. P. 19–36.

²²⁴ Strathern M. An awkward relationship: the case of feminism and anthropology // *Signs*. 1987. V. 12(2). P. 289.

²²⁵ Hartsock N. The Feminist Standpoint: developing the ground for a specifically feminist historical materialism // Harding S. (ed.) *Feminism and Methodology*. Bloomington, 1987. P. 157 (157–180).

²²⁶ Keller E.F. *Reflections on gender and science*. New Haven, 1985; Lamphere L., Ragone H., Zavella P (eds.) *Situated Lives: Gender and Culture in Everyday Life*. N.Y., 1997.

культуры были основаны на «гендерной симметрии», не знающей неуважения и неучитывания присутствия и важности женского пола²²⁷.

Постмодернистские теории не могли не оказать своего концептуализирующего воздействия на антропологов феминистского толка, которые, поддаваясь новому течению, стремились осмыслить все сферы проявления женского бытия в их непрерывной связи с пространствами времени, эпохи, общественного устройства, политики, религии, светскости и профанности и иных²²⁸. Это же снова побудило их расдождествовать опыт белых западных женщин и опыт женщин других национальных и культурных территорий²²⁹, опознать и принять многообразие различных схем выстраивания отношений, установления норм поведения и предназначений в социуме²³⁰. При данном подходе очевиден уход от типизации культур, что было характерно для усредняющего мужского взгляда, и принятие того, что каждая этническая группа представляет собой индивидуальный и неповторимый способ проживания, не ограниченный иерархическими представлениями и отношениями соподчиненности культур, выделяющими в них более или менее специфическое, традиционное, стандартное или оригинальное²³¹.

Обращение к вариативности проявлений «другого» обозначило движение феминистской антропологической мысли от изучения природы социальной разноплановости мужчин и женщин к рассмотрению форм,

²²⁷ Flemming L.A. New Visions, New Methods. The Mainstreaming Experience in Retrospect // Aiken S.H. and others (eds.) *Changing Our Minds. Feminist Transformations of Knowledge*. N.Y., 1988. P. 48; Draper P. *Kung Women: Contrasts in sexual egalitarianism in the foraging and sedentary contexts* // Reiter R. (ed.) *Toward an Anthropology of Women*. N.Y., 1975. S. 77-109.

²²⁸ Westkott M. *Feminist Criticism of the Social Sciences* // *Harvard Educational Review*. 1979. V. 49 (November). P. 426; Wheatley E. *How Can We Engender Ethnography with a Feminist Imagination? A Rejoinder to Judith Stacey* // *Women's Studies International Forum*. 1994. N 17 (4). (July-August). P. 403-416.

²²⁹ Moore H. (ed.) *The Future of anthropological knowledge*. N.Y., L., 1996. P. 156-173.

²³⁰ Lamphere L. Foreword // Di Leonardo M. (ed.) *Gender at the Crossroads of Knowledge: Feminist Anthropology in the Postmodern Era*. Berkley, 1991. P. IX.

²³¹ Mascia-Lees F, Sharpe P, Ballerino C.C. *The post-modernist turn in anthropology: cautions from a feminist perspective* // *Signs*. 1989. 15 (1). P. 7

моделирующих их культурно обусловленную непохожесть и отдаленность друг от друга²³².

При изучении «другого», подчеркивают женщины-антропологи, важно все время акцентировать внимание на детализации женского опыта той или иной культуры, на важности данных, полученных от женской части представителей этого культурного сообщества²³³. Соответственно, эта сосредоточенность на сфере женского бытийного, повседневного пространства не отменяет обращения к подобному опыту мужчин. Важно в данном случае для исследовательниц посмотреть на игнорирование и неучитывание мужчинами женской специфики с позиций обделенных вниманием объектов, иначе самих себя; понять, имеют ли здесь место предубеждения и ложность представлений, каковы причины нивелирования «другого» для них опыта и отсутствия интереса к нему; и как данные установки связаны с выстраиванием гендерных иерархий власти с учетом национальных и культурных особенностей²³⁴.

Изучение опыта повседневности требует акцента именно на поиске отличительных свойств в мужских и женских практиках, нежели черт, их объединяющих, так как без установления данного разрыва культурообразующее значение и функции полов останутся не вполне учтенными и исчерпывающе представленными²³⁵. Характерно в этом смысле обращение ряда антропологов к изучению негласно бытующих субкультур, связанных с актерской деятельностью, работой гувернанток или представительниц разного рода сексуальных услуг, проживающих свою определенную повседневную микроисторию, интересную в контексте

²³² Kelle H. Geschlechterunterschiede oder Geschlechterunterscheidung? // Dausien B., Herrmann M., Oechsle M., Schmerl Ch., Stein-Hilbers M. (eds.) Erkenntnisprojekt: Geschlecht. Feministische Perspektiven verwandeln Wissenschaft. Opladen, 1999. S. 311 (304-325).

²³³ Gold P. Women in the Field. Chicago, 1970.

²³⁴ Hartsock N.C.M. Money, sex and power. Toward a feminist historical materialism. N.Y., 1985. P. 232.

²³⁵ Rapp R. Review of the book written by H. Moor «Feminism and Anthropology» (Cambridge, 1988) // Gender and Society. 1991. V. 5(1). March. P. 123-125.

профессиональных обрядов, обыкновений, примет, уставов и т.д.²³⁶ Определяющее значение имеет помещение этих практик в более масштабный культурно-исторический контекст прошлого и настоящего изучаемого народа²³⁷, не забывая при этом соотносить социальные установки и ориентиры информанток со своими личными, как исследователя сторонними и относительными²³⁸.

Исследователи женского вклада в современную антропологию говорят о том, что мужчина как ученый не способен пережить и прочувствовать чужой опыт, он слишком объективен и безэмоционален, что мешает ему создать культурный эпизод во всей полноте²³⁹. Женщина же довольно убедительна и репрезентативна в своем исследовании в силу несопротивления эмпатическим потребностям в отношении объекта изучения, в особенности того, что касается аспектов телесности²⁴⁰.

На этом уровне характерно рождение таких направлений, как «рефлексивная» или «домашняя» антропология²⁴¹, нацеливающая ученых внутрь себя и своего окружения, меняющая местами субъектно-объектные роли и их исполнителей²⁴². Также важно для исследовательницы развитие способности владеть своими переживаниями и ощущениями, рефлексивного

²³⁶ Stacey J. Can There Be a Feminist Ethnography? // Diane Wolf (ed.) *Feminist Dilemmas in Fieldwork*, Introduction and chapters to be selected / *Women's Studies International Forum*. 1988. N 11 (1). P. 271-275; Wheatley E. How Can We Engender Ethnography with a Feminist Imagination? A Rejoinder to Judith Stacey // *Women's Studies International Forum*. 1994. V. 17 (4). (July-August). P. 403-416.

²³⁷ Smith D. *A Sociology for Women* // Sherman J.A., Torton E. (eds.) *The Prism of Sex. Essays of sociology of knowledge*. Madison, 1979. P. 174.

²³⁸ Harding S. Rethinking standpoint epistemology: What is "strong objectivity"? // Alcoff L., Potter E. (eds.) *Feminist Epistemologies*, N.Y., 1993. P. 49; Ellis C., Bochner A.P. (eds.) *Composing Ethnography. Alternative Forms of Qualitative Writing*. N.Y., 1996.

²³⁹ E.g.: Gopsz E. Feminist Theory and the challenge to knowledge // *Women Studies International Forum*. 1987. V. 10 (5). P. 281.

²⁴⁰ E.g.: Ellis C., Bochner A.P. (eds.) *Composing Ethnography. Alternative Forms of Qualitative Writing*. N.Y., 1996; Martin E. *Women in the Body. A Cultural Analysis of Reproduction*. Boston, 1987.

²⁴¹ Ardener S. The Social Anthropology of Women and Feminist Anthropology // *Anthropology Today*. 1985. V.1(5). October. P. 24-26.

²⁴² Nerad M. *Academic Kitchen: A Social History of Gender Stratification at the University of California*. Berkley. N.Y., 1998.

отклика и реагирования в процессе анализа чужого опыта, а не подавление таковых²⁴³. Кроме того, они не ограничивают себя одним научным подходом или теорией, но приветствуют и признают логически обоснованным их сосуществование и соединение не только в рамках одной науки, но и с привлечением методик и разработок других дисциплин²⁴⁴.

Постановка проблемы и сама способность увидеть проблемность в таких сферах, (которые, с мужской точки зрения, кажутся не достойными научного внимания²⁴⁵), как семейный статус дочери, гигиенический быт, болезни, интимные отношения, в особенности в нетрадиционных формах их проявлениях и проч.²⁴⁶, и в целом учет социальных перемен и опознание себя в рамках изучаемой культуры составляют сугубое достижение женщин-антропологов нового веяния²⁴⁷.

Рубеж XX-XXI вв. в культурной «женской» антропологии отмечен разработкой ряда проблемных областей. Помимо выкладок декларативного характера, не утративших своей актуальности, усилилась знаниевая, гносеологическая и методологическая компонента²⁴⁸, а также этический срез научного поиска, рассматриваемый в рамках женских воззрений и суждений.

В границах междисциплинарного подхода внутри социокультурной антропологии выделяются также подразделы, функционирующие в ключе, с одной стороны, этнометодологической ориентации, с другой, теории культурной интеракции²⁴⁹. На этой почве нередко возникало осуждение со стороны «мужского» научного крыла в том, что феминистский подход не

²⁴³ Gordon D.A. Worlds of Consequences: Feminist Ethnography as Social Action // Critique of Anthropology. 1993. V. 13 (4) (December). P. 429-443.

²⁴⁴ Mascia-Lees F, Sharpe P, Ballerino C.C. The post-modernist turn in anthropology: cautions from a feminist perspective // Signs. 1989. 15(1). P. 7; Thompson L. Feminist Methodology for Family Studies // Journal of Marriage and Family. 1992. V. 54. February. P. 3. (3-18).

²⁴⁵ Ehrenreich B., English D. For Her Own Good: 150 years of the experts advice to women. Garden City, 1978. P. 78-82.

²⁴⁶ Visweswaran K. Fictions of Feminist Ethnography. Minnesota, 1994.

²⁴⁷ Kennedy E., Davis M. Oral History and the Study of Sexuality: The Buffalo Lesbian Community, 1940-1960 // Feminist Studies. 1986. V. 12. P. 7-26.

²⁴⁸ Crawford M., Marecek J. Feminist theory, feminist psychology // Psychology of Women Quarterly. 1989. V. 13. P. 479.

²⁴⁹ E.g. Smith D. The everyday world as problematic. A feminist sociology. Boston, 1987.

создал ничего нового в теоретическом плане, но, скорее, скомпилировал и переформулировал взгляды и концепции предшественников²⁵⁰. Об исключительно «женских» методах в антропологии говорить не приходится, но с уверенностью можно заявить о существовании феминистски обусловленного отбора подходов и приемов, репрезентативных для отражения сущности анализируемого объекта изучения.

Ключевое положение, выходящее из феминистских работ, заключается в том, что любой исследовательский модус искусственно создан, следовательно, предрасположен к семантическим подвижкам²⁵¹. Во избежание данной перспективы или для ее минимизации при реконструкции анализируемой природы феномена культурантропологи настаивают на обязательной верификации любых предположений путем разнообразных техник и процедур, не исключая механизма опубликования своих научных итогов в широком и открытом доступе для обнаружения конструктивной критики²⁵².

Помимо этого, обязательным элементом исследования становится соотнесение мужского и женского первоисточников, рассказывающих об одной и той же культурной реалии, что позволяет восстановить гендерный дискурс, актуализировать вопрос выстраивания властных структур и создания социального неравенства полов²⁵³. При внимании к двусторонней природе любого явления или факта, определяемой тем, что их созданию послужили аспекты как мужского, так и женского присутствия, будет правомерным заявлять о точности создаваемого ученым образа²⁵⁴.

²⁵¹ Малышева М.М. Интерактивное интервьюирование и нетрадиционные способы интерпретации данных // Малышева М.М. Качественные методы... С. 121.

²⁵² Belenky, M.F. Clinchy, B.M., Goldberger, N.R., Tarule, J.M. (eds.) *Women's Ways of Knowing. The Development of Self Voice and Mind*. N.Y., 1986. P. 98.

²⁵³ Moore H. *Mensch und Frau sein. Perspektiven einer feministischen Anthropologie*. Gütersloh, 1990. S. 18; Quinn N. *Anthropological Studies on Women's Status* // *Annual Review of Anthropology* 1977. V. 6. P. 181-225.

²⁵⁴ Eichler M. *Nonsexist research methods: A practical guide*. Boston, 1988. P. 22.

Первыми в области гендерного тестирования в рамках замкнутого производства принято считать работы Ш. Куннисон, которая предлагала сотрудникам и сотрудницам конкретного цеха одинаковые вопросы с учетом половозрастных, этнических и иных идентифицирующих характеристик. Полученные ответы в результате дали ей целостное представление о социальной системе на данном производстве, а также о каждом сотруднике как индивиде, носителе ценностей и убеждений, соответствующих полу, возрасту, национальности, семейному положению; как человеку с набором меняющихся статусов и функций, выполняемых одновременно в разных системах и сообществах, в которые он входит. Автор стала рассматривать совместно все разновидности коммуникативных контактов, которые окружают личность сотрудника на работе, дома и вне его, с друзьями, коллегами, соседями и т.д., она же показала пример отказа от сугубо количественного анализа, подсчитывающего мужчин и женщин на фабрике или заводе, и значение обращения к внутренним механизмам, моделирующим социальные связи в замкнутой группе и обнаруживающим пропорциональность выстраивания этих связей в зависимости от пола начальника и его подчиненных²⁵⁵.

Несомненно, методика такого опросника и сравнительная характеристика полученных ответов значительно затягивает анализ и формулирование рабочей гипотезы исследования²⁵⁶, но подобная пролонгация способствует более глубинному и основательному результату. В этом женщины-антропологи более склонны к эмпирике и индукции, нежели теоретизированию с последующей дедуктивной подборкой необходимых для

²⁵⁵ Cunnison S. The Manchester Factory Studies, the Social Context, Bureaucratic Organisation, Sexual Divisions and Their Influence on Patterns of Accommodation Between Workers and Management // Frankenberg R. (ed.) Custom and Conflict in British Society. Manchester, 1982. P. 117-135.

²⁵⁶ Rosser S.V. Female-Friendly Science... P. 38

выдвинутой теории фактов²⁵⁷, модели, более характерной для «мужской» научной традиции.

Женщина в ракурсе феминистских антропологов предстает не сама по себе, в общем, а всегда в контексте конкретной группы или объединения, занимая определенную социальную нишу в бизнесе, семье, университете и т.д., при этом важен поиск не общих черт, а отличительных, и не менее существенно обращение внимания самих женщин к этим колебаниям, изменениям и неоднородности²⁵⁸.

Определяющее значение здесь играют не только частные аспекты женского повседневного быта, связанного с физиологическими сторонами переходных возрастных этапов и состояний²⁵⁹, но и фиксация в женских репликах проецирования их мыслительных, ментальных, психических процессов, духовных потребностей, эмоционального наполнения²⁶⁰. Вместе с этим появляется направление по реконструированию «женских генеалогий», т. е. пересечения межпоколенных дружественных и родственных линий²⁶¹.

Субъектно-объектные отношения в процессе исследования находятся в тесной связи с темой «инсайдинга», включенного наблюдения, соотнесение себя с хронотопом изучаемого общества, ориентация в их времени и пространстве, взгляд на участников сообщества их же глазами, попытка встать на их место, оценивая происходящие явления и события с позиций

²⁵⁷ Lichtenberger-Fenz B. Frauenforschung – Feministische Forschung – Gender Studies // Ingrisch D., Lichtenberger-Fenz B. (eds.) Hinter den Fassaden des Wissens. Frauen, Feminismus und Wissenschaft – eine aktuelle Debate. Wien, 1999. S.217-219; Reinharz S. Experimental analysis. A contribution for feminist research // Bowles G., Duelli-Klein R. (eds.) Theories of women's studies. L., 1983. P. 171 (P. 162-191)

²⁵⁸ Abu-Lughod Lila. Writing Women's Worlds: Bedouin Stories. Berkeley, 1993; Lee Chin Kwan. Gender and the South Sea Miracle: Two Worlds of Factory Women. Berkeley, 1998.

²⁵⁹ McDade L. Interviewing of Theory and Practice: Finding the Threades for Feminist Ethnography. N.Y., 1995.

²⁶⁰ Kleinman S. Fieldworker's Feelings: What We Feel, Who We Are, How We Analyse // Shaffir W., Stebbins R. (eds.) Experiencing Fieldwork: An Inside View of Qualitative Research. Newbury Park, CA: 1994. P. 184-195.

²⁶¹ Stacey J. Brave New Families. N. Y., 1989; Шутова О. Устная и гендерная история в свете антропологизации историографии // Чикалова И.Р. Женщины в истории: возможность быть увиденными. Минск, 2001.

личного опыта, системы ценностей, морально-этических воззрений²⁶², при этом не создавая имплицитный коммуникативный разрыв и не устанавливая внутренние психологические границы²⁶³, и в то же время не подавлять своим «включением» естественный ход событий в жизни объекта, не вмешиваться и не нарушать спонтанности и непредсказуемости происходящего, не влиять на своим присутствием на кажущуюся неподвижность культурного явления и не провоцировать его колебания, не потеряв из виду объективную данность²⁶⁴.

Взяв за основу социологическую теорию понимания М. Вебера, женщины-антропологи развили положения о вхождении в чужую жизнь, эмоциональное и коммуникативное пространство, о чувственном и сопереживающем «внедрении» в мир и микрокосм явления и его участников²⁶⁵. Феминистские антропологи выступили против любого рода запланированности и развития сюжета исследования по сценарию, ушли от боязни за непредсказуемость наблюдаемого, невозможность повлиять на ситуацию, убеждали в важности поддержания коммуникативной отдачи, атмосферы лояльности и конфиденциальности²⁶⁶.

Неотъемлемым элементом исследовательского процесса для женщин-антропологов представляется живая сопричастность рабочим, досуговым, семейным аспектам своих информантов, использование элементов интервьюирования в комплексе с личной вовлеченностью в сферу их бытовых, ежедневных и даже рутинных дел, посещения социальных и

²⁶² Keller E.F. Feminism and science // Signs. Journal of Women in Culture and Society. 1982. V. 7 (3). P. 589-602; Smith D. E. The Everyday Worlds as Problematic: A Feminist Sociology. Boston, 1987; Griffith A.I., Smith D.E. Constructing cultural knowledge: mothering as discourse // Gaskell J., McLaren A. (eds.) Women and Education: A Canadian Perspective. Calgary (Alberta), 1987. P. 87-103.

²⁶³ Acker J., Barry K., Esseveid J. Objectivity and truth: Problems in doing feminist research // Women's Studies International Forum. 1983. V. 6. P. 423-435.

²⁶⁴ Ogilvie M.B. Women in science. Antiquity through the Nineteenth Century. Cambridge, 1986. P. 151; Harding S. Rethinking standpoint epistemology: What is "strong objectivity"? // Alcoff L., Potter E. (eds.) Feminist Epistemologies, N.Y, 1993. P. 49.

²⁶⁵ Weber M. Some categories of interpretative sociology // Sociological Quarterly 1981. V. 22. P. 151-180; Т. Клименкова. Значение методологии: три основных подхода // Малышева М.М. Качественные методы в гендерных исследованиях. М., 1997. С. 7-29.

²⁶⁶ Малышева М.М. Интерактивное интервьюирование... С. 111-112.

культурных учреждений, визитов к родным, знакомым и друзьям, сопровождения в школу детей, покупок, различных поездок, элементов релаксации, развлечений, активного отдыха, интеллектуального хобби, видов саморазвития и т.д., при обязательном сопровождении всех совместных мероприятий оживленными разговорами, дискуссиями, высказыванием мнений о текущем²⁶⁷.

В этом ракурсе важны любые детали, независимо от их значимости, погружение во все интимное, сокровенное, тайное, камерное²⁶⁸, но делать это не с высока исследователя-ученого, а незаметно, дружески, как бы естественно и непринужденно, стремясь приблизиться к ощущению «кажимости» давнего знакомства²⁶⁹, стать человеком, которому можно рассказать все, пожаловаться, от которого можно с уверенностью ожидать сочувствия, понимания и поддержки. Однако достичь такой степени открытости со стороны информантки нелегко по ряду причин, возникающих от разности семейного положения ученой и респондентки, их образовательного и интеллектуального уровня развития, социального статуса, происхождения, национальности, религиозных убеждений, точно так же свое воздействие может оказать внешний облик, черты лица, предметы костюма, особенности речи, тембр голоса, акцент, мимика, жесты, походка и т.д.²⁷⁰ В этом случае женщины-антропологи говорят о фиктивной ментальности, том наборе когнитивных установок, шаблонов и предубеждений, которые исследовательница стремится преодолеть при тесном общении с респондентом.

О подобных ситуациях когнитивного диссонанса и разлома привычной матрицы ценностей и приоритетов говорила Ш. Клейман, рассуждая о трудностях выстраивания диалога этнолога и информанта, который нередко приходится выстрадать, ради которого нужно в чем-то проиграть,

²⁶⁷ Stack C. All Our Kin: Strategies of Survival in a Black Community. N.Y., 1974.

²⁶⁹ Bell C., Roberts H. Social Researching: politics, problems, practice. Los Angeles, 1984. P 7.

²⁷⁰ Vally L. Becoming Clerical Workers. Boston, 1986. P. 233.

поступить с собственными правилами, даже сменить интересы²⁷¹. В случае, когда информантка, например, не признает себя потерпевшей от неравенства в отношении своих законных прав, возможности самореализации там, где существует гендерная дифференциация и ограничения по признаку пола и возраста, а для исследовательницы в данный момент этот универсальный дискредитирующий набор более чем очевиден, это может вызвать ее недоумение, некую фрустрацию или даже упрек относительно пассивности ее информантки в сопротивлении неравноправию, однако ей необходимо, преодолев сложившийся у нее феминистский стереотип, допустить вероятность такого несопротивления, которая объясняется отнюдь не покорностью существующему положению, а естественной данностью, обусловленной закономерными для нее причинами, отказом признавать в этом какое-либо ущемление своих прав или ограничение свободы.

С другой стороны, существует вероятность того, что погружение исследовательницы в «другую» культуру и ее взаимное сближение с участницами исследовательского проекта окажется чревато «раскультурацией», излишним отождествлением себя с «подопечными»²⁷². Принципиально обратная этому позиция не представляется женщинам-этнологам оправдывающей пресловутую объективность, господствующую в мужском мировоззрении, изобилующем тяготением к доминированию, влиянию и постоянной интенцией установить и узаконить иерархию в отношениях, что, соответственно, не способствует установлению «женского» контакта, как впрочем и адекватного контакта с мужчинами²⁷³, и, следовательно, данной тактики желательно избегать.

Любая беседа-опрос всегда предполагает межличностный фактор, поэтому женщина-этнолог, анкетировав информантку, должна не только фиксировать ее действия, но и параллельно комментировать мотивацию того

²⁷¹ Kleinman S. Op. cit. P. 190.

²⁷² Wajcman J. Women in Control: Dilemmas of a Workers Cooperatives. N.Y., 1983.

²⁷³ Hochschild A. The Unexpected Community: Portrait of an Old-age Subculture. Berkeley (CA), 1978. P. 142.

или иного поведения, эксплицировать его осознанность или подсознательный характер, типичность, регулярность, эмоциональное сопровождение, соотнести свое прочтение данной мотивировки с трактовкой самого актора²⁷⁴. Данный подход к ситуативному анализу позволяет ликвидировать «мужское» наполнение в оценочной парадигме, сменить мужские эталоны и стандарты в описываемой картине мира на паттерны «женскости», модели и единицы, описывающие женское самовосприятие, самооценку, представление о себе, создание образа себя, тождество или контраст его внутреннего и внешнего наполнения²⁷⁵.

Для любой исследовательницы рано или поздно встанет закономерный вопрос, что считать все же не стоящей внимания деталью, случайностью, мелким пятном, не добавляющим смысла целостной картине, а что действительно имеет принципиальное значение, что имеет глубокие причины и основания, что является важным критерием именно для моего исследования, а не для чужого, не погружаюсь ли я в те области, которые не следует, или не тем образом, каким требуется. Женщины-антропологи, не теряясь и не путаясь в подобных изысканиях, единогласно убеждены, что мелочей нет ни в чем и нигде, любая случайность не случайна, разовый инцидент продиктован цепью прошлых закономерностей и найдет свое отражение в будущем, а прецедент обязательно обернется «рецидивом». Во всем этом важно лишь дать убедительную аргументацию, правильно и «вкусно» подать свои результаты, вовлечь читателя или оппонента в совместный исследовательский процесс²⁷⁶.

Добавить в свое исследование количественные показатели, «надавить» цифрами, статистикой, тщательно выверенными результатами неоднократно

²⁷⁴ Gluck S.B., Pataj D. (eds.) *Women's Words: Feminist Practice of Oral History*. Routledge, 1991; Sangster J. *Telling Our Stories: Feminist Debates and the Use of Oral History* // Perks R., Thompson A. (eds.) *The Oral History*. Routledge, 1998. P. 88-89; Riesman C.K. When gender is not enough: Women interviewing women // *Gender and Society*. 1987. V. 1. P. 206 (172-207).

²⁷⁵ Зиммель Г. Женская культура // Зиммель Г. *Избранное*. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996. С. 234-265.

²⁷⁶ Ardner S. *The Representations of Women in Academic Models ...* P. 12.

проведенных и многоплановых интервью – все это повысит авторитетность работы исследовательницы, вольно или невольно стремящейся предотвратить недоверчивость и упреки со стороны цензоров, приверженцев объективизма, однако обилие цифровых величин, коэффициентов, графиков, схем и таблиц в феминистском исследовании будет неизбежно уступать информации повествовательной, бытописательной, излагающей и комментирующей.

Уже замечено, что «мужской» научный текст манкирует женские реплики, нивелирует в силу их якобы алогичности, хаотичности построения, бесструктурности и обесмысливания любого упорядоченного описания. Создание коммуникативной ситуации, построенной на одновременном участии женщин и мужчин, почти стабильно характеризуется мужской доминантной, подавляющей голоса женщин, вынужденных сбавлять темп речи и купировать свои высказывания, оставляя недоговоренность и недосказанность из того, что желало быть озвученным, при этом необязательно, что женщины представлены заметным меньшинством, но и в случаях, если их количество пропорционально участникам-мужчинам или даже преобладает²⁷⁷. В этом смысле «женское» исследование справедливо нацелено на все то, что составляет дискурс молчания, оставшееся невербализированным, нерассказанным, произнесенным, но становится сообщенным, услышанным, прочитанным и учтенным²⁷⁸.

Целеполагание такого рода обостряет ценность гендерных источников личного происхождения, дающих представление об историях эволюции из девушек в женщин, из мальчиков в мужчин, метафизике инициации, онтогенезе взросления. Подобные антропологические установки пересекаются с социологической теорией личности, которая поднимает проблему частной истории, микроистории случая, сосредоточена на бытии

²⁷⁷ Bernard J. The Sex Game. N.Y., 1972. P. 175.

²⁷⁸ Michler E.G. The analysis of interview narratives // Sarbin T.R. (ed.) Narrative Psychology: The stories Nature of Human Conduct. N.Y., Bloomington, 1986. P. 233-255; DeVault M.J. Novel reading: the social organization of social interpretation // American Journal of Sociology. 1990. V. 95. P. 887-921.

субъекта или предмета²⁷⁹. В данном контексте автоисследование, изучение себя и своего опыта, помещенного в конкретную историко-культурную среду, рефлексия проживаемого опыта на стыке переходных периодов и сломов, превращается в автономное проблемное поле в рамках феминистской антропологии²⁸⁰.

Метод «включенного наблюдения», ориентированный на естественность поведения объекта и исключающий создание искусственности, атмосферы эксперимента, нарочитости ситуации, провоцирование объекта на определенную реакцию, вызванную исследователем каким-либо вопросом или действием²⁸¹, очень близок феминистской методологии и почти признан в качестве сугубо «женского» метода в этнографии, однако не без оговорок по этому поводу²⁸². Внимание ко всем формам невербального общения, обоснованное развитием методологической базы анализа визуальных источников²⁸³, обратило антропологов к выявлению речевых особенностей информантов, тембр, дефективность, импульсивность, эмоциональная окрашенность, активное жестовое сопровождение, в частности весьма присущее женской речи²⁸⁴, также многоречивость, плеоназм, частые отвлечения на другие темы, экспансивность, образность, метафоричность²⁸⁵. Кроме того, важна коммуникативная среда как таковая, участники беседы, формат, окружение, место и время, собственное настроение, зависимость от окружающих факторов, внешних раздражителей, физиологических процессов,

²⁷⁹ Behar R. *Translated Woman*. Boston, 1993.

²⁸⁰ E.g.: Rich A. *Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution*. N.Y., 1976.

²⁸¹ Баллаева Е. Нереактивное исследование и доступные данные // Малышева М. (ред.) *Качественные методы...* С. 49-56.

²⁸² Романов П.В. *Этнография в гендерных исследованиях* // Ярская-Смирнова Е.Р. (ред.) *Социальное неравенство и образование: проблема, исследования, действия*. Саратов, 2001. С. 262.

²⁸³ Cole S. Phillips L. (eds.) *Ethnographic Feminisms*. Ottawa, 1995.

²⁸⁴ Humm M. *The Dictionary of Feminist Theory*: Harvester, 1989. P. 65.

²⁸⁵ Schjerve R.R. *Frauen als Triebfaktor des Sprachenwechsels in der sprachlichen Minderhaesituation* // Bachinger K., Bennewitz I. and others (eds.) *Feministische Wissenschaft. Methoden und Perspektiven. Beiträge zur 2. Salzburger Frauenringvorlesung*. Stuttgart, 1990. S. 205-219.

переживаемых на момент речи. Вызвать доверительный разговор со стороны женщины на предмет ее имманентного опыта много вероятнее и результативнее, если ее непосредственная собеседница и окружающие – тоже женского пола²⁸⁶, нежели представители обоих полов.

Ученые феминистской ориентации отмечают важность личностного облика самого исследователя, его моральную устойчивость, ценностные приоритеты, расположенность к решению проблем, с которыми он встретится в процессе исследования, а не дистанцирование, уход и отстранение, в частности умение повлиять на уровень самоопределения и адекватного восприятия себя у объекта изучения, «лечение» симптомов жертвы, способность вызывать положительную реакцию, позитивный настрой на будущее²⁸⁷. В этом смысле принцип «изучая, обучать» должен стать неотъемлемой установкой любого исследования, и вместе с тем умение распознать и правильно донести до своего объекта возможные пути самоанализа и проектирования своего жизненного пространства в благоприятном ключе, поделиться своим мнением, дать совет, помочь в постановке цели, артикуляции для себя внутренних задач и ориентиров, сопротивлении загнанности и покорности существующим реалиям бытового и более глубинного ущемления прав, стремление популяризовать природу данного явления и методы выражения протеста, самозащиты, повышения психологической сопротивляемости и вербализации протеста.

Относительно описанной стратегии неизбежен вопрос об актуальности повышения самооценки и правильно гендерно направленных рефлексивных способностей для самого объекта. Скорее, более очевидно развитие сюжета по линии высказывания объектом насущных проблем и ожидание ответного

²⁸⁶ Spender D. *Man Made Language*. N.Y., 1985. P. 211.

²⁸⁷ Devault M.L. Talking and Listening from Women's Standpoint: Feminist Strategies for Interviewing and Analysis // *Social Problems*. 1990. Vol. 37. No.1. February. P. 96-116; Abu-Lughod L. Can There Be a Feminist Ethnography? // *Women and Performance: A Journal of Feminist Theory*. 1990. N 5 (1). P. 7-27; Reinharz S. Experimental analysis. A contribution for feminist research // Bowles G., Duelli-Klein R. (eds.) *Theories of women's studies*. L., 1983. P. 171.

рецепта и алгоритма действия по их устранению от пришедшего их исследовать ученого²⁸⁸. Каковы бы ни были трафареты и шаблоны, имеющиеся в арсенале у женщины-ученой, ее цель – диагностировать, демаскировать существующую проблему и совместно экспонировать способы ее менее болезненного извлечения как неосознанной патологии²⁸⁹.

Интенция любого антрополога, феминистски ориентированного, всегда направлена на защиту женских интересов, ее статуса и положения в обществе, преодоление конфликтных моментов и избежание тем, которые каким-то образом могут впоследствии задеть «женский» вопрос в негативном ключе и не должным образом сказаться на его интерпретации общественным мнением. Научные и личностные аспекты проявления себя, та или иная заинтересованность всегда на виду, на поверхности «женских» исследований²⁹⁰. Они не боятся огня критики, смело отождествляя свои повседневные и научно-профессиональные «заповеди», заявляя о неразделимости для них личного и всего того, к чему они призваны, служа науке и значит человеку (женщине)²⁹¹.

Приемы, которые женщины-этнологи и антропологи применяют в своих исследованиях, в частности лингвистические, сводятся к преодолению сексизма, уход от сугубо хронологичного и повествовательного тона описания, прибегая к формату диалога, построения вопросно-ответных конструкций²⁹². Не должно быть готовых оценок и рекомендаций, не позволяющих потенциальному читателю подытожить прочитанное

²⁸⁸ Stacey J. Sexism by a Subtler Name? Postindustrial Conditions and Postfeminist Consciousness in the Silicon Valley // *Socialist Review*. 1987. N 17. P. 1-28.

²⁸⁹ Stanley S., Wise S. "Back into the personal", or Our attempt to construct the feminist research // Bowles G., Klein R.D. (eds.) *Theories of women's studies*. L., 1983. P. 194-195.

²⁹⁰ Rosser S.V. *Female-Friendly Science...* P. 41; Bleier R. *Feminist approaches to science*. Elmsford (N.Y.), 1986.

²⁹¹ Gornick V. *Women in science: portraits from a world in transition*. N.Y., 1983. P. 153-154; Klein R.D. How to do what we want to do: thoughts about feminist methodology // Bowles G., Klein R.D. (eds.) *Op.cit.* P. 341.

²⁹² Gordon D.A. *Worlds of Consequences: Feminist Ethnography as Social Action* // *Critique of Anthropology*. 1993. V. 13 (4 - December). P. 429-443.

самостоятельно²⁹³, однако и не оставлять недосказанностей, недоведенных до логически убедительного конца суждения и фрагменты, выработать свой стиль письма и делать его рельефным, эффективным, запоминающимся, экспрессивно убедительным²⁹⁴.

Важным при этом остается опасность не подавить своим эмоциональным присутствием в тексте прямую, живую речь своего объекта-собеседника. Готовых методик в данном случае пока не выработано, и в большей степени это остается «между» исследовательницей и ее текстом. Так или иначе общепризнанным считается характерная для женского исследования ненавязчивость, отсутствие избыточного центризма и продвижения «в умы» своих идей при сохранении в то же время достаточной степени убедительности, теоретическое балансирование фактов и аргументации, уход от позиции всезнающего автора, удерживая при этом остроту, злободневность и критичность подаваемого материала, ненастойчиво, но смело и органично вписывая себя в критерии и требования постоянно меняющейся научной жизни²⁹⁵. Воспитание своего отношения к исследовательской работе проходит в этом ключе не только на основе потребности в обеспечении себя работой, необходимой для реализации своего человеческого достоинства и потенциала, создания комфортных для интеллектуальной деятельности условий, но и способности быть полезным, умения внести важный и нужный вклад и создавать новые способы продуктивного содействия и поддержки²⁹⁶.

²⁹³ Mies M. Towards a methodology for feminist research // Bowles G., Duelli-Klein R. (eds.). *Op. cit.* P. 122-126.

²⁹⁴ Kasper A. Consciousness re-evaluated: Interpretive theory and feminist scholarship // *Sociological Inquiry*. 1986. V. 56. P. 30-49.

²⁹⁵ Lewis J. Woman Lost and Found: The Impact of Feminism on History // Spender D. (ed.). *Men's Studies Modified: The Impact of Feminism on the Academic Disciplines*. N.Y., 1981. P. 55-72

²⁹⁶ Jensen G.F. Mainstreaming and the Sociology of Deviance // Aiken S.H. and others (eds.) *Changing Our Minds. Feminist Transformations of Knowledge*. N.Y., 1988. P. 90-91; Bernard J. *The Female World*. N.Y., 1981.

§3. Проблематизация женской повседневности в трудах женщин-антропологов

Феминистская методология как средство создания теории, как правило, включает в себя стремление преодолеть предвзятость в исследованиях, обнаружить социальные изменения, проявления человеческого разнообразия и признание позиции исследователя. Одним из способов выйти за пределы «мужской социальной вселенной» («the male social universe», Д. Смит) явилось обращение феминистских антропологов к проблеме женской повседневности.

Изучение структур повседневности как направления в исторической науке предпринималось в работах многих зарубежных и отечественных авторов²⁹⁷, в частности к такому аспекту повседневности, как телесность, обращались С. Бордо, Д. Михель, А. Клейнман, Р. Вайц и др.²⁹⁸ В данном

²⁹⁷ Бродель Ф. Структуры повседневности: Возможное и невозможное // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV - XVIII вв. в 3-х т. М., 1986; Оболенская С.В. «История повседневности» в современной историографии ФРГ // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990. С. 182-198; Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999; Элиас Н. Понятие повседневного // Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. СПб., 2001; Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы научной конференции 19-21 февраля 2001 г. Сост.: Богданов К.А., Панченко А.А. СПб., 2001; Пушкарева Н.Л. Частная жизнь и проблема повседневности // Демоскоп weekly. 2002. № 57/58. С.4-5; Ее же. Частная жизнь и повседневность глазами историка // Шмидт С.О. (ред.) Города европейской России конца XV – первой половины XIX в. Ч.1. Тверь, 2002. С.49-63; Ее же. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3-19; Ее же. «История частной жизни» и «история повседневности»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. 2004. М., 2005; Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности: Сборник научных работ / Отв. ред. М.М. Кром. СПб., 2003. С. 7-14.

²⁹⁸ Strathern M. Reproducing the Future: Essays on Anthropology, Kinship and the New Reproductive Technologies. N.Y., 1992; Bordo S. Unbearable Weight: Feminism, Western Culture and the Body. Berkeley, 1993; Kleinman A., Kleinman J. Suffering and Its Social Transformation // Writing at the Margins: Discourse Between Anthropology and Medicine. A. Kleinman, ed. Berkeley, 1995. P. 95-119; Bourdieu P. Pascalian Meditations. Cambridge, 1997; Weitz R. Politics of Women's Bodies. N.Y., 1998; Михель Д. Тело в западной культуре. Саратов, 2000; Stone P.K. Feminism in Biological Anthropology // Voices. 2005. V. 7, № 1

вопросе актуален и сборник «Situated Lives: Gender and Culture in Everyday Life»²⁹⁹, вышедший в 1997 г., который объединяет важные феминистские исследования, освещающие повседневный опыт женщин и мужчин. Ориентируясь на гендерную проблематику, авторы ряда эссе соотносят гендерные аспекты с историческими и культурно-материальными аспектами, в рамках которых вопросы пола, раса, класса, сексуальности пересекаются и формируют повседневное взаимодействие. Из западных ученых на базе российского пространства данная проблематика затронута С. Франческой в работе «Lesbian identities and everyday space in contemporary urban Russia»³⁰⁰.

Метод исследования «структур повседневности» был одним из ключевых уже в методологии Р. Бенедикт³⁰¹. Исследователя привлекали типичные обстоятельства и типичные реакции, стандарты мысли и поведения, то, что в «Моделях культуры» она называет «автоматическим» поведением. «We cannot discover by introspection or by observation of any one society what behaviour is 'instinctive', that is, organically determined. To class any behavior as instinctive, much more is necessary than that it should be proved to be automatic. The conditioned response is as automatic as the organically determined, and culturally conditioned responses make up the greater part of our huge equipment of automatic behavior»³⁰² («Мы не можем обнаружить путем интроспекции или путем наблюдения любого общества, какое поведение является «инстинктивным», т. е. естественным. Для того чтобы классифицировать любое поведение как инстинктивное, более существенно, чтобы оно было доказано как автоматическое. Условная реакция, как и культурно обусловленный рефлекс, составляют значительную часть нашего арсенала автоматического поведения»). В этом случае Бенедикт интересуется

(Spring). P. 7, 14-15; Crooks D.L., Moreno-Black G. Slowly Rising Waters: Women in Human Biology // *Voices*. 2012. V. 12, № 1 (Fall). P. 9-14.

²⁹⁹ Situated Lives: Gender and Culture in Everyday Life. Lamphere L., Ragone H., Zavella P. ed. L., 1997.

³⁰⁰ Francesca S. Lesbian identities and everyday space in contemporary urban Russia. A thesis ... of Doctor of Philosophy. Glasgow, 2008.

³⁰¹ Говорунов А. В. Указ. соч. С. 20.

³⁰² Benedict R. Patterns of Culture... P. 29.

разного рода бытовые детали, как то: обстановка на рабочем месте, принятые обыкновения, связанные со сном, едой, принятием ванны, похода в кино или театр, похороны и т. д., а также неформальные ситуации, житейские истории.

Как пишет С. Коул, «feminist life writing seeks to reveal the significance of the «everyday», the embeddedness of women's lives in relationships of intimacy and power and in contexts of time and place³⁰³ (феминистская история о жизни стремится выявить значение «повседневности», вовлеченность женщин в отношения интимности и власти в контексте времени и места).

Рут Ландс (1908–1991), американский культурный и социальный антрополог, ученица Р. Бенедикт, ставшая известной за исследования бразильских культов (candomblé), а также женщин индейского народа Оджибва, стала одной из первых женщин-антропологов, кто обратился к аспектам женской повседневности. В 1932–1936 гг. Р. Ландс, доктор антропологии Колумбийского университета, проводила полевые работы среди народов Оджибва и Потаватоми районов Онтарио, штатов Миннесота, Дакота и Канзас. Заметки и наблюдения Р. Ландс стали основой таких знаковых текстов, как «Ojibwa Sociology» (1937), «Ojibwa Woman» (1938), «Ojibwa Religion and the Midewiwin» (1968), «The Mystic Lake Sioux» (1968). Р. Ландс анализирует формы родства, религиозные и культурные убеждения, практики, общественные организации, а также гендерные роли женщин как фактор их экономической и социальной автономии³⁰⁴.

В 1938-1939 гг. Р. Ландс в Баия (Бразилия) изучала религиозный синкретизм и самосознание среди афро-бразильских практикующих культа кандомбле. Она выявила, что женско-центрированный культ был источником власти для некоторых бесправных афроамериканцев и творческим выходом

³⁰³ Cole S. Op. cit. P. 8; Cf.: Cameron E., Dickin J. Great Dames. Toronto, 1997. P. 9; Bateson M.C. Composing a Life. N.Y., 1989.

³⁰⁴ Ruth Schlossberg Landes // Jewish Women: A Comprehensive Historical Encyclopedia. [Electronic resource]. URL: <https://jwa.org/encyclopedia/article/landes-ruth-schlossberg> (accessed: 03.12.2017).

для того, что она называла «пассивным гомосексуализмом». Эти выводы легли в основу ее работы «City of Women»³⁰⁵ (1947).

В то время как работа Б. Малиновского «The Sexual Life of Savages» стала фундаментальной в антропологии, этнографическая ориентация Р. Ландс на сексуальность считалась не наукой, но «symptomatic of ‘disorderly conduct’»³⁰⁶ (симптоматикой «беспорядочного поведения»), а акцент на женском опыте – «idiosyncratic» (идиосинкразическим). Однако Р. Ландс помещает этот опыт в систему культа как социального института и культурной практики, контекст противоречий между традицией и современностью, этап, на котором люди из различных социальных групп живут в условиях быстрых изменений, в силу чего драматизируют как свои знания о прошлом, свое лишенное гражданских прав настоящее, так и надежды на будущее.

Описывая женский опыт в системе культа, Р. Ландс анализирует религиозные практики и гендерные роли женщин как фактор их экономической и социальной автономии, она представляет женщин в качестве ключевых исполнителей и служителей культа, которые через свои духовные практики метафорически инсценируют представления о культуре и истории их предков, и трансформации этих идей и практик у настоящего поколения

Сам культ кандомбле зародился в Бразилии, в крупных центрах работорговли, между XVI-XIX вв. (1549 и 1888). Развивался поработочными африканскими жрецами, которые привезли с собой свой язык и культурные традиции.

Р. Ландс проводила свои этнографические исследования в 1938-1939 годах в Сальвадоре (штат Баия, Бразилия), в непосредственной близости с некоторыми из ведущих представителей афро-бразильских культов. Это

³⁰⁵ Landes R. The City of Women. N.Y., 1994.

³⁰⁶ Smith-Rosenberg C. The Body Politic // Coming to Terms: Feminism, Theory and Politics. L., 1989.

позволило ей приблизиться к участникам культа как к реальным людям и описать их повседневный мир, личностное, интимное пространство, перейти за пределы описания ритуальных элементов, чтобы представить «плоть, кровь и дух» тех, кто их воплощает.

Работа Ландс, написанная на основе полевой работы в Баия и вышедшая в 1947 году под названием «The City of Women», интересна сегодня не только тем, что рассматривает гендерные аспекты в системе религиозных практик, но и поднимает вопросы отношений между исследователем и объектом исследования.

Ландс представляет кандомбле как сложный, организованный, структурированный набор убеждений и практик. Центральная составляющая религиозной практики, т. н. «обладание богами», была областью женщины: мужчины лишь финансово поддерживали их храмы, но не управляли ими. Именно участием женщин в *candomblé* и уделила особое внимание Р. Ландс.

Рут Ландс помещает афро-бразильских женщин в центр культурной и религиозной жизни Баия, тем самым одной из первых ученых она проводит систематический анализ такого феномена, как т. н. «черный матриархат», и одной из первых централизует концепцию гендера в исследованиях Латинской Америки. Ее тезис был довольно смелым по сравнению с учеными-современниками, признающими второстепенность пола, потому «Город женщин» Ландс до сих пор считают актуальным как первый феминистский текст о кандомбле.

Он убеждает нас в том, что женское влияние и значительность, не распространенные для Бразилии, находят проявление лишь в системе культа, в мире кандомбле. Для мужчины стать значительным в этой системе столь же трудно, как и родить ребенка, так как это противостоит его природе. Именно женщины, жрицы храма, становятся тем посредником, через которого боги спускаются с неба на землю, чтобы стать видимыми и осязаемыми для своих служителей, именно через женское тело боги разговаривают с людьми посредством танца и разного рода экспрессий и

транса. Женщина выступает как путь к богу, или жена бога, дающего советы или же предъявляющего свои требования.

В этом смысле ни один мужчина не допустит «проникновения» бога в себя, так как это ассоциируется с потерей собственной мужественности. Его разум должен хранить трезвость, быть защищенным от деструктивных, аффективных состояний, вызванных экстатическим «вторжением» бога.

В отличие от многих религиозных практик, именно женщины в кандомбле священны для богов, в то время как мужчины, «осквернены» связями с другими женщинами, в целом своей горячей кровью, оскорбительной для богов, которым уготовлены женщины как в физическом, так и в духовном плане.

При этом надо отметить, что Ландс сознательно дистанцируется от заведомо положительных оценок относительно женщин-жриц в своих описаниях, создавая первое впечатление «изнутри», чтобы мы, как и она, и вместе с ней узнали что-то о кандомбле из первых уст, то есть от жителей Баия.

Ландс не рассматривала кандомбле и в целом афро-бразильские религии как музейные экспонаты, как пережитки, обреченные на исчезновение. Эти религии изображались ею через свои личные встречи со священниками, жрицами, и этот диалог раскрывался таким образом, что изучаемые предметы помещались в контекст современной истории – личной истории Р. Ландс, ее внутренне-женской, эмоциональной, и внешне-публичной, «научной» повседневности.

В том, что она, как и немногие другие антропологи, определила «африканскую культурную матрицу» как «оригинальную», а связанные с Африкой религиозные институты в Северной и Южной Америке как «пережитки», проявился ее особый вклад в этнографическую традицию афробразильских религиозных исследований.

Такой своего рода «антипримордиалистский» подход побудил ее заявить о том, что она не считает афроамериканцев «детьми или людьми с

племенным нравом». Этот характерный для Ландс способ описания мы находим в ее встрече с донной Менининья, одной из самых уважаемых жриц кандомбле в Баия в то время, которой она говорит о том, что хочет научиться секретам кандомбле, потому что хочет понять их убеждения: «Я хочу больше узнать о Боге и о людях, потому что они мои братья»³⁰⁷.

По словам Ландс, полевой работник заботится о покое не больше, чем готовый к борьбе спортсмен, и не стоит сбрасывать со счетов соблазнительность другой культуры, поскольку ее соблазн кроется в чем-то, что есть в тебе самом, в твоей самости, но «одетой» иначе.

В этой связи можно говорить о том, что Р. Ландс помещает в систему культа и себя, не только как исследователя, ученого, но и как женщину, свой женский опыт, необходимость реализовать свои экзистенциальные потребности. Она пишет: «Я знала, что не смогу изучать Баия так же, как художественную галерею, так же как я могла бы изучать индейские племена в наших резервациях, где можно нанять людей, чтобы они месяцами сидели в кресле и рассказывали о себе <...>. Мне нужно было убедить бахийцев взять меня в свою жизнь. Мне нужно было пробиться в их поток и стать его частью. Чтобы изучать людей, мне нужно жить с ними, любить их, и я должна стараться изо всех сил сделать их похожими на меня».

Исследование Ландс обращает нас к рефлексивному, диалогичному и основанному на личном опыте стилю этнографического письма, который во многом отличал ее от других исследований того периода. Для Ландс «полевая работа <...> не может отделить чувственность жизни от ее абстракций, а личность исследователя – от его опыта. Культура, которую транслирует этнограф, – это то, что он испытывает, фильтруя через научные наблюдения».

По оценке Дж. Магео, анализ Р. Ландс женской ритуальной активности в рамках культа кандомбле предвосхищает исследования к. XX в., описывающие спиритическую сферу как «moral historical work» (историко-

³⁰⁷ Landes R. The City of Women. P. 82-83.

этическую деятельность) женщин³⁰⁸, обращение Р. Ландс к мистицизму и эмоциональности кандомбле позволяет говорить о рефлексивном письме в этнографии, о положении автора в создаваемом им текстовом пространстве, о стремлении уменьшить «свое» присутствие как «иное», создавая «многоголосие этнографии» («multivocal ethnographies»).

Работа Р. Ландс «The Ojibwa Woman» – также одно из ключевых антропологических исследований социального поведения мужчин и женщин. Результатом семимесячной работы Р. Ландс среди жителей североамериканских индейцев, в частности, явилось этнологическое собрание большой коллекции жизненных историй туземных женщин («native woman»).

Материал Р. Ландс показывает, что установленные социальные нормы даже в простой кочевой культуре не ориентированы на всё население и все сферы деятельности племени. Среди Оджибва только мужчины и их деятельность подпадают под традиционные правила, в то время как женская половина тяготеет к спонтанному и беспорядочному поведению, что, в свою очередь, расширяет их спектр личностного и карьерного развития. При этом кто-то превосходит мужчин в амбициозности и предприимчивости, другие же «застывают» в некомпетентности.

Сценарий мужской линии развития мало отклоняется от традиционных стандартов маскулинного поведения и гендерных ролей. Однако для женщин такие «рецепты» не прописаны. Мужчина может взять свою дочь в качестве компаньона по охоте, если она единственный, любимый или самый одаренный ребенок в семье, а вдова в силу материальных трудностей может оказаться вынужденной заняться мужской работой. В этом плане в женском поведении намечается большая вариативность, в частности качественные перемены роли и статуса могут происходить в течение разных периодов жизни одной женщины.

³⁰⁸ Mageo J. Marie. Spirit Girls and Marines: Possession and Ethnopsychiatry as Historical Discourse in Samoa // American Ethnologist. 1996. V. 23. № 1. P. 61–82.

Важно отметить, что внешний событийный фон передаваемых Р. Ландс жизненных историй формально транслирует привычные и ожидаемые поведенческие формы мужчин и женщин, но психоэмоциональная сторона переживаемого опыта подчас обретает конечный смысл в комментарии Р. Ландс, который снимает стереотипность первичного восприятия того или иного фрагмента. Например, после родов, во время связанных с появлением ребенка ритуальных празднеств муж Маленькой Совы (Little Owl), героини одной из историй, всегда отсутствовал по ночам и возвращался лишь днем. Он никогда не говорил ей, а она никогда не спрашивала, где он проводит ночи. В контексте предыдущего повествования о невозможности женского участия в данных мероприятиях по причине женской менструации, фактического исключения молодой женщины из среды и ограничения ее пространства контактом с младенцем, мы считываем ее поведение как рецессивное, традиционно пассивное. Далее идет комментарий Р. Ландс: «This silence is a conventional expression of pride. Little Owl resented being ignored socially and sexually by her husband but would not confess to her humiliation by questioning her husband»³⁰⁹ (Это молчание – обычное выражение гордости. Маленькая Сова возмущается тем, что муж игнорирует ее в социальном и сексуальном плане, но допросить мужа означало бы для нее признаться в собственном унижении). Перефокусировка, заданная Р. Ландс, помещает поведение героини в иной контекст, обозначая молчание как вызов, а не как отсутствие сопротивления.

Ситуация, в которой оказывается Маленькая Сова, а именно уход мужа и его вторичная женитьба, описывается Р. Ландс не как эмоциональное переживание, но как состояние нереализованного женского права. «She was ashamed (because she had been abandoned, and without notice or consultation)»³¹⁰ (Ей было стыдно (потому что она была брошена без предупреждения или какого-либо предваряющего разговора). Как можно заметить, героиню

³⁰⁹ Landes R. The Ojibwa woman. N.Y., 1938. P. 228.

³¹⁰ Landes R. The Ojibwa woman. P. 229.

беспокоит не сам факт оставленности, но нивелирование ее права знать об этом. В этом смысле акцент из морально-этической сферы смещается в социальную, а решение уйти из семьи мужа, вернувшись к родителям, в противоречие мнению и амбициям свекрови, подчеркивает внутреннюю свободу действий и владение ситуацией, связано с чувством реализованного права голоса и самостоятельного выбора.

Отметим, что предметом внимания женщин-антропологов становятся не только племенные культуры, они обращаются к гендерным аспектам и повседневным вызовам в жизни современной женщины, помещенной в ту же социокультурную среду, что и ее исследовательница.

Так, Л. Ламфер (р. 1940) – американский антрополог, профессор антропологии Университета Нью-Мексико, сравнивает опыт мексиканских и английских матерей, занятых на фабриках в Альбукерке (США, штат Нью-Мексико). Трудовая сфера женщины представляется автором как неотъемлемая часть ее повседневной жизни, синкретически привязанная к браку и семейным отношениям. Женщина предстает в этом контексте в нескольких трудовых ролях: а) наемный работник (часто на ранних этапах брака); б) второстепенный кормилец в семье, где муж зарабатывает больше, чем жена (обычно в поздних браках); в) экономическая опора (если у ее мужа неустойчивая трудовая история); г) единственная поддержка детей после развода или ухода мужа из семьи. Каждая категория представляет собой разную взаимосвязь занятости женщин с общей семейной экономикой³¹¹.

Объединение семейного и трудового статуса в одну гендерную роль становится для женщины поиском иного пространства для реализации: «The hardest part of a working mother's life is trying to extend yourself over everything. You want to give 100 percent at work, you want to give 100 percent at home, you want to give 100 percent to your kids, and you can't do that always». D. Garcia,

³¹¹ Lamphere L., Zavella P. Sunbelt Working Mothers: Reconciling Family and Factory. Ithaca, 1993. P. 59.

age 28, skills trainer³¹² («Самое трудное в жизни работающей матери – выйти за рамки себя. Вы хотите отдаваться на 100 процентов работе, на 100 процентов дому, на 100 процентов своим детям, но вы не можете пребывать в таком ритме постоянно». Д. Гарсия, 28 лет, инструктор). «Работающая мать» становится социально обусловленным конструктом повседневности, не столько объединяющим в себе две разноплановые социальные категории и миссии, сколько создающим из них целостную, внутренне не разрывную жизненную модель, согласно которой женское пространство не ограничено внешне обозначенными рамками (семьи, профессии и т.д.), но может существовать вне этих рамок, генерируя иные, независимые от них смыслы. Иными словами, статус работающей матери привязан скорее к когнитивной сфере восприятия женщины и является проекцией ее внутренних приоритетов, убеждений и стремлений, независимо от того, является ли она матерью и включена ли в трудовой процесс.

Трудовая сфера предстает как самоценность, а наличие работы замыкает некий жизненный микроцикл женщины, тогда как ее отсутствие вырывает ее из устойчивого ценностно ориентированного контекста: «When I get a job, I hang onto it. I'd rather hold a job than go look for a job. Even if it does frustrate me and get on my nerves». M. Pike, age 22, stitcher³¹³ («Если я получаю работу, то держусь за нее. Я бы предпочла устроиться на работу, чем искать ее. Даже если это меня расстраивает и нервирует». М. Пайк, 22 года, строчильщица). Существование вне рабочего плана обнажает в этом смысле более негативные коннотации, нежели ощущение себя частью такового, даже не отвечающего внутренним потребностям эффективной и успешной самореализации.

Приведенные Л. Ламфер примеры одних из самых активно работающих матерей (М. Пайк и Д. Гарсия) говорят о характерной для многих попытке примирить противоречия, присущие двойной жизни в

³¹² Lamphere L. Sunbelt Working Mothers... P. 9.

³¹³ Lamphere L. Op. cit. P. 9.

подобных условиях. Данные противоречия можно обозначить как борьбу за статус, который потерян или еще не обретен. Например, в ситуации освоения новой работы М. Пайк, с одной стороны, заинтересована в получении должности, с другой, переживает утрату своего материнского статуса с появлением няни.

Как пишет Л. Ламфер, «the ways that working mothers mediate the contradictions they find both in the workplace and in combining work and family evolve through the "practice" of everyday life: they constitute a set of tactics, strategies, negotiations that differ among families and within and between different ethnic populations»³¹⁴ (средства, опосредованные противоречиями, которые работающие матери находят как на рабочем месте, так и в совмещении работы и семьи, эволюционируют через «практику» повседневной жизни: представляют собой набор тактик, стратегий, контактов, которые различаются между семьями, различными этническими группами и внутри них»). При этом данный набор будет обусловлен самой системой организации рабочего пространства, его иерархичностью или совместностью, уровнем участия в команде, стилем управления, формой доходов супруга и, кроме того, соответствовать национальным стереотипам.

Повседневное конструирование рабочего и семейного пространства женщины («the everyday construction of work and family») таким образом встраивается в ряд идентичностей, маркирующих класс, этническую принадлежность и пол, создавая условные типы, как, например, «working-class-Hispana-single mother» (одинокая мать-испанка рабочего класса) или «middle-class-single-Anglo-professional woman» (одинокая англичанка среднего профессионального класса). Данные маркеры могут меняться как в течение всего жизненного цикла женщины, так и в рамках определенной сконструированной категории, такой как «рабочий класс» или «Hispana».

Ш. Родригес выявляет формы репрезентации афроамериканских матерей-подростков в контексте проблемы негативного представления афро-

³¹⁴ Lamphere L. Op. cit. P. 11.

американской молодежи в средствах массовой информации, молодежно ориентированными организациями, сохраняющегося на протяжении XXI в. Как утверждает А. Хендриксон, афроамериканские матери-подростки несут ответственность за бедность, возрастающий процент исключений из школы, жестокое и пренебрежительное обращение с детьми, зависимость от социального обеспечения и преступность³¹⁵. Несмотря на стойкость этих отрицательных представлений, исследователи, стремящиеся понять жизнь афроамериканских молодых матерей, считают, что существуют как скрытые, так и явные формы сопротивления негативным стереотипам, так же как и стратегии для самоопределения³¹⁶.

В своей работе «Beyond Today and Pass Tomorrow: Self-Efficacy Among African-American Adolescent Mothers»³¹⁷ Ш. Родригес исследует жизнь матерей-подростков в двух малообеспеченных общинах. Автор рассматривает формы проявления самоэффективности («self-efficacy»), которые возникают в ходе интервью с молодыми женщинами. Ш. Родригес выступает не только в качестве независимого исследователя, но и заинтересованного участника, погруженного в жизнь изучаемой социальной категории: она выступает за критическую потребность в организации молодежных программ в малообеспеченных общинах, а также вносит некоторые программные предложения, касающиеся матерей-подростков. Кроме того, она указывает на важность феминистского антропологического ракурса при исследовании молодежно ориентированных программ.

³¹⁵ Hendrixson A. Superpredator Meets Teenage Mom: Exploding the Myth of the Out-of-Control-Youth // *Policing the National Body: Race, Gender and Criminalization*. Cambridge, Massachusetts, 2002. P. 231-258.

³¹⁶ Cf.: Fordham S. Those loud black girls: (Black) women, silence, and gender “passing” in the academy // *Anthropology and Education Quarterly*. 1993. № 24 (1). P. 3-32; Leadbeater B.J. Ross and Niobe Way. *Urban Girls: Resisting Stereotypes, Creating Identities*. N.Y., 1996; Ward J.V. *Racial Identity Formation and Transformation // Making Connections: The Relational Worlds of Adolescent Girls at Emma Willard School*. C. Gilligan, N. Lyons, and T. Hanmer. Cambridge, 1990. P. 215-232.

³¹⁷ Rodriguez Ch. *Beyond Today and Pass Tomorrow: Self-Efficacy Among African-American Adolescent Mothers // Voices*. 2008. V. 8. № 1 (Spring). P. 18-22.

Ш. Родригес акцентирует свое внимание на следующих проблемах: как афро-американские девушки формируют определения своего прошлого, настоящего и будущего в постгражданском обществе XXI в.? Как они отстаивают свои интересы и выражают себя на фоне исторических, широко принятых стереотипов об афроамериканских женщинах как о матриархах-праматерях, «мамушках» и других негативных образов.

Ш. Родригес поднимает вопрос о том, как могут исследователи и координаторы программ молодежных организаций научиться опознавать самоэффективность молодых матерей-подростков и основываться на этих навыках, чтобы воспитать лидеров среди афроамериканских женщин, которые внесут вклад в изменение жизни своих общин, как они могут облегчить жизнь этим молодым женщинам, чтобы они могли уверенно двигаться из сегодня в завтра.

Для того чтобы понять поведение, которое можно охарактеризовать как самоэффективность, необходимо рассмотреть некоторые мифы, сконструированные об афроамериканских матерях-подростках политиками, СМИ, педагогами и другими лицами, которые пытаются упростить жизнь этих молодых женщин. В своем исследовании подросткового материнства среди афроамериканок Е. Каплан апеллирует к таким вопросам, как: ответственны ли афроамериканские матери-подростки за социально-экономические проблемы, преследующие афроамериканские сообщества; имеют ли афроамериканские матери-подростки другие моральные ценности по сравнению с большинством американцев; есть ли у них дети, которые обеспечат им благосостояние, как утверждают политики? Оправдывают ли семьи афроамериканских матерей-подростков их девиантное поведение, согласно популярному мнению?³¹⁸.

Как утверждает Е. Каплан, реальность матерей-подростков состоит в том, что они должны принять стратегии для выживания, которые им кажутся

³¹⁸ Kaplan E.B. Not Our Kind of Girl: Unraveling the Myths of Black Teenage Motherhood. Berkeley, 1997.

осмысленными в рамках своей социальной среды. Хотя эти стратегии могут показаться недостаточными, они часто являются формами самоэффективности. Ш. Родригес использует термин «самоэффективность» («self-efficacy»), подразумевая способы, которыми молодые женщины отстаивают свое мнение, пытаются определить себя и/или указывают на осознание вызовов, стоящих перед ними. В то же время Ш. Родригес пытается определить, что некоторые феминистские исследователи рассматривают в качестве деструктивного поведения и сопротивления³¹⁹, которые – в связи с другими аспектами их жизни, такими как духовность, родственные и дружеские связи – могли бы способствовать как выживанию, так и трансформации себя. Существует четкая связь между тем, что автор называет самоэффективностью и концепцией устойчивости. Исследователи этой концепции исходят из специфического поведения, основанного на способности восстанавливаться в условиях травмы и адаптации – всех тех характеристик и навыков, которые играют важную роль в жизненных ситуациях молодых женщин, однако при попытке практической реализации самоэффективности Ш. Родригес выходит за рамки простого выживания в условиях травмы – она смотрит в будущее, основанное на независимом выборе.

В своих интервью с матерями-подростками Ш. Родригес обнаруживает, что молодые женщины, как правило, основываются на реалиях собственной жизни. Большинство респонденток в определенный момент беседы рассматривают свою жизнь в контексте их социально-экономического статуса. Так, одна молодая женщина рассказала несколько историй, обнаруживающих жестокую бедность, серьезные проблемы со здоровьем, усугубляемые ограниченными финансовыми ресурсами ее матери. Ее жизнь только усложнилась, когда она стала матерью в возрасте

³¹⁹ Cf.: Fordham S. Op. cit.; Ward J. V. Raising Resisters: The Role of Truth Telling in the Psychological Development of African American Girls // *Urban Girls: Resisting Stereotypes, Creating Identities*. N.Y., 1996. P. 85-99.

шестнадцати лет. Большинство информанток выявили понимание вызовов, поставленных перед ними в связи с рождением ребенка. Они также понимают восприятие афроамериканских матерей-подростков обществом в целом. Ш. Родригес подчеркивает, что большинство молодых женщин выражают идею о важности семьи, даже когда они говорят об отсутствии поддержки со стороны последней. Даже в самых бедных общинах молодые афроамериканки часто высказывают мечты и устремления в успешное будущее, независимо от того, насколько нереалистичными их идеи могут показаться людям вокруг них.

В небольшом сельском местечке на севере штата Луизиана молодая афро-американка объясняет ее недоверие к репортерам, исследователям и кому-либо, кто хочет задать ей вопросы. Она описывает свой опыт общения с репортером, который приехал, чтобы взять интервью у местных жителей о проблемах, влияющих на их общество. «He wasn't interested in telling the truth. He just wanted to show the bad parts of this town»³²⁰ («Он не был заинтересован в правде. Он просто хотел показать плохие стороны этого города»), - говорит она. 18-летняя мать, студентка и дочь, продолжает: «When I read the newspaper article, I didn't like what he said about me. He made it seem like I'm just some single mother out here in the country with no real goals. I really did not like the way he made me look. I felt foolish because I had let him interview me and then he wrote about me like I'm somebody on welfare. I work, I take care of my child, I have supportive parents and I plan to go to college («Когда я прочитала статью в газете, мне не понравилось то, что он сказал обо мне. Он сказал это так, как будто я только мать-одиночка здесь, в стране, где нет реальных целей. Мне не нравилось, как он на меня смотрел. Я чувствовала себя глупо, потому что я позволила ему взять у меня интервью, а потом он написал обо мне, будто я у кого-то на содержании. Я работаю, забочусь о своем ребенке, у меня есть родители, поддерживающие меня, и я планирую пойти в колледж»).

³²⁰ Rodriguez Ch. Op. cit. P. 18.

Эта молодая женщина была участницей федерального проекта под названием «Youth Opportunity programs» (YO). В качестве этнографического исследования влияния движения YO на общины с низким уровнем дохода по всей стране, Ш. Родригес взяла интервью у нескольких представителей афроамериканской молодежи на тему наиболее актуальных социально-экономических факторов, влияющих на их жизнь. В своей работе Родригес апеллирует к классическому исследованию Дж. Ладнер о молодых чернокожих женщинах «Tomorrow's Tomorrow: The Black Woman» (1972). Ладнер, этнограф и социолог-афроамериканка, обеспокоена не только изучением комплекса и «многослойной текстуры» («multilayered texture»³²¹) из жизни девочек в городской афроамериканской общине, но и деконструкцией способов, которыми социальные ученые изучают жизнь молодых афроамериканских женщин. В предисловии книги Дж. Ладнер писала: «Placing Black people in the context of the deviant perspective has been possible because Blacks have not had the necessary power to resist labels. This power could have come only from the ability to provide the definitions of one's past, present and future. Since Blacks have always, until recently, been defined by the majority group, that group's characterization was the one that was predominant»³²² («Помещение афроамериканцев в контекст девиантной перспективы стало возможным потому, что афроамериканцы не имели необходимой силы сопротивляться ярлыкам. Эта сила может исходить только от способности обеспечить определения своего прошлого, настоящего и будущего. Так как афроамериканцы не всегда, до недавнего времени, были определены группой большинства, характеризовал эту группу тот, кто преобладал»).

Оценка молодой информантки репортера из Нового Орлеана является показателем ее уверенности в себе, в том, что она будет услышана теми, кто

³²¹ Smith B., Smith B., Frazier D. The Combahee River Collective: A Black Feminist Statement // Words of Fire: An Anthology of African-American Feminist Thought. N.Y., 1995. P. 231-240.

³²² Ladner J. Tomorrow's Tomorrow: The Black Woman. Garden City, New Jersey, 1972.

будет готов увидеть в ней многомерную личность с разнообразными возможностями. Ее ощущение себя, нежелание быть исключенной или ограниченной, ее сопротивление стереотипам «черной женственности» («Black womanhood»), – все это характеристики молодых чернокожих женщин, которые обсуждались и документировались учеными различных дисциплин (Фордем С., Каплан Е., Лидбитер Б., Вод Дж.³²³). Однако эти характеристики редко бывают услышаны и оценены политиками и лицами, оказывающими влияние на общественные молодежные программы. Ш. Родригес утверждает, что при рассмотрении факторов, влияющих на жизнь молодых афроамериканок, крайне важно, чтобы исследователи считали самоэффективность и ее формы важным аспектом в формировании сильной идентичности.

Отдельный аспект женской повседневности – научная, академическая жизнь женщин-антропологов как таковая. Одним из динамических, прогрессивных, активно развивающихся современных профессиональных женских сообществ является Ассоциация феминистской антропологии (the Association for Feminist Anthropology, AFA), основанная в 1988 г. как отделение Американской антропологической ассоциации (the American Anthropological Association, AAA), целью которой является развитие аналитических перспектив феминизма во всех измерениях антропологии.

Первым председателем AFA стала К. Хилл. С. Форман, член-сооснователь AFA, воплотила идею «рабочих комиссий» («Working Commissions») как способ организации феминистской академической и политической работы. Вскоре были созданы такие комиссии по трем центральным темам, которые по-прежнему составляют основу интересов членов Ассоциации: контроль над женским телом, права женщины и человека, гендер и учебные программы. Комиссия по репродуктивным правам женщин и телесной автономии организовывала группы на заседаниях

³²³ Fordham S. Op. cit.; Kaplan E. Op. cit.; Ward J.V. Op. cit. P. 215-232.

ААА, в результате чего появился ряд публикаций. Комиссия по гендерным вопросам и учебным программам, построенная на трехлетнем проекте по гендерным вопросам и антропологии ААА, выпустила сборник под редакцией С. Морган «Gender and Anthropology: Critical Reviews for Research and Teaching». С. Форман вместе с Ассоциацией афроамериканских антропологов (the Association of Black Anthropologists) инициировала ежегодные семинары по вопросам расы и гендера.

В рамках Американской антропологической ассоциации АФА также координировала многие проблемные площадки, охватывающие всеобщие вопросы прав человека, как например, неполная занятость преподавателей и аспирантов в американских колледжах и университетах.

В 2012 г. на основании опыта одного из преподавателей американского университета А. Пайн, которая была осуждена за грудное вскармливание на занятии, АФА разработало заявление, говорящее о важности академических институтов, предоставляющих услуги для облегчения давления на сотрудников с маленькими детьми. В 2013 г. АФА поддержала резолюцию ААА по установлению более справедливых методов найма. Таким образом, АФА на протяжении своей истории выступала основой для прогрессивных повесток дня в Американской антропологической ассоциации как в связи с вопросами гендерной проблематики, так и шире – социальной справедливости.

Конкретные усилия по содействию в создании профессиональных возможностей для членов АФА в последние годы включали кураторские программы, гранты на поездки для студентов АФА, публикации нескольких сборников в рамках работы феминистских антропологов, а также выпуск информационного бюллетеня «Voices». АФА предлагает кандидатские стипендии для поддержки молодых ученых, а также ежегодные награды в области продвижения феминистской антропологии.

В 1974 г. начала свою работу «International Women's Anthropology Conference» (IWAC), ставшая результатом деятельности «N. Y. Women's

Anthropology Caucus» (NYWAC), группы Нью-Йоркских женщин-антропологов. Объединение IWAC сформировало международную сеть женщин-антропологов, как академической, так и неакадемической направленности для представления своих результатов на мировой научной арене³²⁴. В 1982 г. IWAC получила консультативный статус в качестве международной неправительственной организации совместно с ECOSOC, экономического и социального совета при ООН.

Д.Л. Ходжсон, президент AFA, профессор, заведующая кафедрой антропологии в Университете Рутгерса, в статье «The Power of Feminist Anthropology» поднимает проблему критического взаимодействия феминисткой антропологии и государственных структур. Говоря о роли культурных практик и убеждений в формировании человеческих взаимодействий, феминистский взгляд обращает внимание властей на проблемы пола, расы, сексуальности тех социальных групп, которые остаются в тени политических заявлений и реформ. В этом смысле основополагающий вопрос для членов «Voices» в продвижении на государственном уровне альтернативных идей брака, семьи, личности, прогресса, нравственности и справедливости, физического здоровья и сексуального насилия.

По словам Д.Л. Ходжсон, публикации членов AFA, обсуждения, конференции, выпуски информационных бюллетеней, бизнес-встречи, проблемные площадки «speak to the power of our vibrant community of feminist scholars to engage and inform contemporary social struggles and policy debates»³²⁵ (говорят о силе нашего оживленного сообщества феминистских ученых в деле защиты и продвижения современной социальной борьбы и политических дискуссий).

³²⁴ The International Women's Anthropology Conference. [Electronic resource]. URL: <http://www.planningalternatives.com/iwac-women/> (accessed: 07.03.2018).

³²⁵ Hodgson D.L. The Power of Feminist Anthropology // Voices. 2010. V. 10, №1 (Fall). P. 3.

В этом смысле необыкновенно важен и такой ракурс, как самооценка, внутреннее самосознание и самоопределение женщины в качестве ученой-антрополога. Ярko и талантливо говорит об этом кубино-американский антрополог и писатель Р. Бехар (р. 1956), профессор кафедры антропологии в Мичиганском университете (Анн-Арбор), широко выступающая за признание субъекта этнографического исследования как эмоционально включенного в изучаемый процесс участника. «My anthropological training taught me to pay attention, to listen and observe carefully, and to see every human being as multidimensional — as having a complex life history. Concepts such as kinship, religion, ethnicity, nationality, culture, class, gender, and sexuality are the lenses through which I view the world»³²⁶ (Моя антропологическая подготовка научила меня внимательно слушать и наблюдать, а также видеть, что каждый человек многомерный – имеет сложную жизненную историю. Такие понятия, как родство, религия, этническая принадлежность, национальность, культура, класс, пол и сексуальность – это линзы, через которые я вижу мир). Антропология выступает для Р. Бехар в качестве «паспорта», позволяющего выйти за пределы себя – своего пространственного и духовного опыта, ощутить некую полноту от общения с «другим», наполнить себя его содержанием вплоть до вытеснения им своего. Научная деятельность выстраивает для нее таким образом альтернативную реальность, которая уже неосознанно для самой ученой удерживает ее присутствие: «A lifetime of basing my story-telling on interviews, real-life observations, and travels to real places made it difficult for me to embrace that freedom»³²⁷ (Жизнь, основанная на рассказанной истории, интервью, реальных наблюдениях и путешествиях, затрудняла мне эту свободу). Научный поиск для Р. Бехар – стремление постичь и объяснить мир, желание увидеть и запечатлеть его «очарование» («the enchantment of the world»). При этом не менее важно зафиксировать и

³²⁶ Scholars Talk Writing: Ruth Behar // The Chronicle of Higher Education. [Electronic resource]. URL: <https://www.chronicle.com/article/Scholars-Talk-Writing-Ruth/239847?cid=cp26> (accessed: 07.03.2018)

³²⁷ Scholars Talk Writing...

артикулировать свою пережитую историю, обозначить собственные наблюдения как «свои», в то время как отсутствовать в тексте или выйти за его пределы расценивается как предательство. Р. Бехар говорит об ориентации исследовательского нерва не столько на свой объект, сколько на внутренний разрыв шаблонов, приоритетов, убеждений и традиций: «Call it sentimental, call it Victorian and nineteenth century, but I say that anthropology that doesn't break your heart just isn't worth doing anymore»³²⁸ (Назовите это сентиментальным, назовите это викторианским и девятнадцатым столетием, но я говорю, что антропология, которая не способна разбить ваше сердце, не стоит того, чтобы ей заниматься).

Активность личностной и научной позиции, выраженная некогда президентом ассоциации AFA, дает представление о мощном потенциале, резонирующей открытости и результативности научного поиска не только ее представительниц, но и современного женского научного сообщества в целом, говорит о готовности и профессиональной способности вести академический диалог и в рамках актуализации идей и перспектив гендерной проблематики, и как мировоззренческий дискурс, формирующий специфическую веху антропологической истории.

В этом смысле ярким примером женской научной, академической солидарности является сотрудничество американских и канадских ученых. Университет Калгари (Канада) регулярно проводит масштабную международную конференцию, участие в которой принимают наиболее известные исследователи в области женской истории в США и Канаде, а также молодые ученые, активисты коренных, этнических общин, волонтеры исторических обществ, работающие в области сохранения женского наследия, исследователи семьи и генеалогии, кинематографисты, поэты, драматурги и мн. др. Целью конференции является создание междисциплинарного диалога, который сквозь призму женского взгляда выявит роль женщин в истории как строителей общества и защитников

³²⁸ Sword H. *Stylish Academic Writing*. Cambridge, 2012. P. 45.

культуры, а также проследит гендерную ретроспективу в таких сферах, как история, образование, коммуникация.

Итогом одной из таких конференций стала книга «Unsettled Pasts: Reconceiving the West through Women's History» (2005), подчеркивающая степень спорности и неизученности места женщин в истории Запада. «Переписывая» историю Запада с женских позиций, авторы выходят за рамки традиционной западной мифологии, сформированной имперскими и мужскими приоритетами³²⁹. Несомненно, вклад канадских женщин-ученых требует отдельного исследования, мы наметим лишь часть сюжетов, разработанных в рамках совместных американо-канадских исследовательских проектов и наиболее репрезентативных в контексте женской повседневности.

Среди значительного пласта работ, посвященных концепции жизни туземных американских женщин как бремени непосильного труда, обреченных на изолирование и деградацию³³⁰, можно выделить работы профессора кафедры истории в Университете Калгари С. Картер. Так, ее книга «Capturing Women: The Manipulation of Cultural Imagery in Canada's Prairie West» (1997) исследует популярные представления об индейских женщинах, которые возникали в конце 1800-х в канадских прериях в контексте напряженности между белыми поселенцами и коренным населением. Стереотипные образы коренных и европейских женщин

³²⁹ Unsettled Pasts: Reconceiving the West through Women's History. Calgary: University of Calgary Press, 2005.

³³⁰ E.g. Carter S. Categories and Terrains of Exclusion: Constructing the "Indian Woman" in the Early Settlement Era in Western Canada // Great Plains Quarterly . Center for Great Plains Studies. University of Nebraska, Lincoln, 1993. P. 147-161; Pagh N. Imagining Native Women: Feminine Discourse and Four Women Travelling the Northwest Coast // Telling Tales: Essays in Western Women's History. Vancouver: University of British Columbia Press, 2000. P. 82-99. Pascoe P. Relations of Rescue: The Search for Female Moral Authority in the American West, 1874-1939. N. Y.: Oxford University Press, 1990; Riley G. Confronting Race: Women and Indians on the Frontier, 1815-1915. Albuquerque: University of New Mexico Press, 2004; Grimshaw P. Maori Agriculturalists and Aboriginal Hunter-Gatherers: Women and Colonial Displacement in Nineteenth-Century Aotearoa/New Zealand and Southeastern Australia // Nation, Empire, Colony: Historicizing Gender and Race. Bloomington: Indiana University Press, 1998. P. 21-56.

создавались с целью установления границ между коренным народом и колониальной властью и оправдания репрессивных мер против коренного населения.

Говоря о том, что женщинам было недоступно свободно конструировать свой образ, идентичность, создавать собственные тексты, С. Картер сосредоточивает внимание на женских повествованиях о неволе. Она рассматривает изображения белых женщин как жертв агрессивно настроенных женщин-аборигенов, которые появлялись в прессе, правительственных и миссионерских публикациях, а также исследует правдивость ряда историй самых известных «пленниц» Канады (Т. Делани, Т. Гоуанлок и др.)³³¹.

Работа С. Картер «The Importance of Being Monogamous: Marriage and Nation Building in Western Canada to 1915» (2008) пересматривает систему брака и гендерную политику конца XIX в., раскрывая новаторские усилия правительства и религиозных властей в навязывании моногамной модели брака среди аборигенов Западной Канады³³².

Борьбе женщины за право владения землей в нач. XX в. посвящена работа С. Картер «My Vocabulary Contains No Such Word as Defeat»: Clara Lynch and Her Battle for Her Alberta Homestead, 1900-1909» (2013), освещающая социально-правовую сторону гендерной дискриминации, в соответствии с которой как замужние, так и одинокие женщины не обладают правом землепользования в качестве частной собственности. Такое право, согласно Закону о Доминионных землях (DLA), признавалось лишь за вдовой

³³¹ Carter S. Capturing Women: The Manipulation of Cultural Imagery in Canada's Prairie West. McGill-Queen's University Press, 1997; Idem. «Complicated and Clouded»: The Federal Administration of Marriage and Divorce Among the First Nations of Western Canada, 1887-1906 // Unsettled Pasts: Reconceiving the West Through Women's History. Calgary: University of Calgary Press, 2005. P. 151-178; Idem. Creating «Semi-Widows» and «Supernumerary Wives»: Prohibiting Polygamy in Prairie Canada's Aboriginal Communities to 1900 // Contact Zones: Aboriginal and Settler Women in Canada's Colonial Past. Vancouver: University of British Columbia Press, 2005. P.131-159.

³³² Carter S. The Importance of Being Monogamous: Marriage and Nation Building in Western Canada to 1915. Edmonton: Athabasca University Press and University of Alberta Press, 2008.

и только в случае наличия у нее несовершеннолетнего ребенка, что существенно ограничивало сферу реализации и личностный потенциал женского населения Канады³³³.

Повседневность в контексте выживания женщины в условиях тюрьмы и репрессий рассматривается в работе С. Картер «Overrun and Swept Along by War»: The Gulag in the Memoir of Katharina (Hildebrand) Krueger» (2012). Предметом анализа С. Картер становятся мемуары австралийки К. (Хильдебранд) Крюгер (1908-2002), выпущенной из Советского Союза в 1976 г. после 14 лет жизни в ГУЛАГе, опубликованные в 1991 г.³³⁴. Революция, война, голод, коллективизация, изгнание, потеря семьи, допросы – все это становится частью переживаемого женского опыта³³⁵. Мемуары представлены С. Картер не только как важный источник, не переведенный ранее на английский язык и добавляющий новые уровни и измерения в осознание истории женщин в условиях войны.

Соавтором С. Картер выступает старшая племянница К. Крюгер (автора мемуаров) – М. Хильдебрандт, дочь С. Картер. В этой связи данная работа являет собой, кроме того, личный совместный опыт осмысления истории семьи, глубинных процессов ее прошлого, в частности потери религиозной идентичности меннонитов, и попытку вписать эту историю в рамки войны и атмосферу ГУЛАГа.

³³³ Carter S. «My Vocabulary Contains No Such Word as Defeat»: Clara Lynch and Her Battle for Her Alberta Homestead, 1900-1909 // Alberta History. Vol. 61. № 3. 2013. P. 2-11; Idem. «Hordes of Men of Alien Race» or «Daughters of British Blood?». The Homesteads-for-Women Campaign in Western Canada // Great Plains Quarterly. Vol. 29. № 4. 2009. P. 267-286; Idem. Britishness, «Foreignness», Women and Land in Western Canada, 1890s-1920s // Humanities Research: The Journal of the Humanities Research Centre and The Centre for Cross-Cultural Research at the Australian National University. Vol. 13. № 1. 2006. P. 43-60. Idem. Montana Women Homesteaders: A Field of One's Own. Helena: Farcountry Press, 2009. G. Binnie-Clark. Wheat and Woman. Toronto: University of Toronto Press, 2006.

³³⁴ Krueger K. Schicksal einer Russlanddeutschen. Erlebnisbericht, Goettingen: Verlag Graphikum, 1991.

³³⁵ Carter S., Hildebrandt M. «Overrun and Swept Along by War»: The Gulag in the Memoir of Katharina (Hildebrand) Krueger // Journal of Mennonite Studies. Vol. 30. № 1. 2012. P. 237-250.

В рамках сравнения с изучением травматического опыта войны других женщин, исследование С. Картер коррелирует с работой М. Эпп «Women Without Men: Mennonite Refugees of the Second World War»³³⁶ (2000), где автор говорит о тяжелых последствиях вынужденной семейной фрагментации в условиях войны, при этом придает большое значение религиозным убеждениям и культурным обычаям меннонитов, приверженность которым становилась для женщины источником духовной и физической силы, морального комфорта и вдохновения. В то время как К. Крюгер подчеркивает потерю своих религиозных убеждений вплоть до того, что отказывается передать меннонитские культурные практики и язык своему сыну. Отвернувшись от большинства аспектов наследия меннонитов, Крюгер подчеркивает доминанту своей немецкой идентичности над другими, предпочитая термин «русский немец», а не «меннонит».

В сборнике «Recollecting: Lives of Aboriginal Women of the Canadian Northwest and Borderlands» (2011) освещена повседневная жизнь женщин-аборигенов к. XVIII – середины XX вв., которая оставалась исключенной из освящения истории Запада. Когорты женщин-жен, акушеров, швей, монахинь, их материальная и устная культура вписаны авторами в контекст сложных взаимодействий «контактной зоны»³³⁷.

К. Пиклс и М. Рутердейл, авторы и редакторы коллективной работы «Contact Zones: Aboriginal and Settler Women in Canada's Colonial Past» (2005), говорят о том, что материально-телесная сторона женской повседневности являлась неотъемлемой частью колониального проекта. Связь между женским телом и колонизацией становится интерпретацией «контактной зоны» (термин М.Л. Пратт) в английском колониальном прошлом Канады, что помещает историю женщин, в частности сферы их здравоохранения, социального обеспечения, образования, публичной и частной жизни,

³³⁶ Epp M. Women Without Men: Mennonite Refugees of the Second World War. Toronto, 2000.

³³⁷ Recollecting: Lives of Aboriginal Women of the Canadian Northwest and Borderlands. Ed. by S. Carter, P. McCormack. Edmonton: Athabasca University Press, 2011.

материнских прав, феминизма и трудовой истории, брака и телесности, в рамки расширенного понимания процессов колониализма³³⁸. К. Дэвис отмечает, что «women's bodies have historically been used as a metaphor for nation» («женские тела исторически использовались как метафора нации»)³³⁹.

Контактная зона определяется М.Л. Пратт как «the space of colonial encounters, the space in which peoples geographically and historically separated come into contact with each other and establish ongoing relations, usually involving conditions of coercion, radical inequality, and intractable conflict»³⁴⁰ («пространство колониальных столкновений, пространство, в котором люди, географически и исторически разделенные, вступают в контакт друг с другом и устанавливают непрерывные отношения, как правило, связанные с условиями принуждения, радикального неравенства и неразрешимого конфликта»).

Не имея представительства, женщины-аборигены выражали свой ответ колонизации посредством тела как дискурса материальной, физической и интеллектуальной жизни: «Clothing, gesture, speech acts, and stage performances all tended to reconfigure relations between Aboriginal and non-Aboriginal in the Canadian contact zone»³⁴¹ («одежда, жесты, речевые акты, сценические представления – все это имело тенденцию к реконфигурации отношений между аборигенным и неаборигенным в канадском пространстве контактной зоны». В этой связи борьба за контроль над собственным телом помещается в колониальный контекст повседневных практик женщин.

Ш.Ф. Расетт в работе «Sewing for a Living: The Commodification of Métis Women's Artistic Production» интерпретирует повседневную жизнь метисских женщин как опыт использования традиционных художественных навыков с целью «dressing the West» («одеть Запад»). Метиски, «женщины-

³³⁸ Contact Zones: Aboriginal and Settler Women in Canada's Colonial Past. Ed. by M. Rutherford, K. Pickles. Vancouver: University of British Columbia Press, 2005.

³³⁹ Davis K. *Embodying Theory: Beyond Modernist and Postmodernist Readings of the Body* // *Embodied Practices: Feminist Perspectives on the Body*, ed. K. Davis. London: Sage, 1997. P. 7.

³⁴⁰ Pratt M.L. *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. London: Routledge, 1992.

³⁴¹ Contact Zones... P.5.

полукровки» («half-breed»), были мотивированы на участие в экономическом обороте путем обеспечения одеждой местных поселенцев и торговцев. Они становились важными культурными посредниками, обеспечивавшими комфорт и выживание американской армии, Северо-Западной конной полиции, ковбоев и аборигенов. Одежда тем самым выступала для метисок проводником к экономической жизни³⁴².

К. Джерсон и В. Стронг-Боаг на примере П. Джонсон, популярной в конце XIX в. театральной актрисы, дочери индейского вождя и англичанки, говорят об эротическом присутствии и воздействии женского тела как способе выражения личности, форме требования понимания и уважения к собственному народу и к женщинам в частности. Привлекательный внешний вид становился источником апелляции к социуму³⁴³. «Изысканная» и «аутентичная» аборигенная женственность («refined and authentic Aboriginal womanhood»), костюм, чулки, каблуки и прическа в западном стиле классифицировались как объект экзотики и в то же время являлись «proof of the efficacy of assimilationist strategies»³⁴⁴ («доказательством эффективности ассимиляционных стратегий»).

Дж. Фиск вписывает в контекст колониальной повседневности отношения между монахинями и девочками-подопечными в школах-интернатах для индейцев. Она определяет эти отношения как «a clash of moral strangers and posit the im/moral frontier as a struggle to define the moral universe and to enforce others to abide within its nomos through control of material and symbolic resources»³⁴⁵ (столкновение чужого как носителя морали и постулирование имморальной границы как борьбы за определение

³⁴² Racette Sh.F. Sewing for a Living: The Commodification of Métis Women's Artistic Production // *Contact Zones*... P.17-47. Kirk S. Van. Many Tender Ties: Women in Fur-Trade Society in Western Canada, 1670-1870. Winnipeg: Watson, Dwyer, 1980.

³⁴³ Gerson C., Strong-Boag V. Championing the Native: E. Pauline Johnson Rejects the Squaw // *Contact Zones*... P. 47-67.

³⁴⁴ Morgan C. Performing for 'Imperial Eyes': Bernice Loft and Ethel Brant Monture Ontario, 1930s-60s // *Contact Zones*... P.67-90.

³⁴⁵ Fiske J. Spirited Subjects and Wounded Souls: Political Representations of an Im/moral Frontier // *Contact Zones*... P.90-109.

нравственного универсума и принуждение соблюдать свои номосы через контроль материальных и символических ресурсов). В этом смысле Дж. Фиск говорит о потере материнства как области взаимности между монахинями-наставницами и их подопечными. В силу отказа монахинь от семейных и дружеских отношений, комфорта, половой жизни, принуждения к послушанию, они считали объективным требование вести подобный образ жизни от девочек из числа аборигенов. Однако большинство из детей переживали такой опыт школьной жизни как психологическую травму.

Такая сфера повседневности как сексуальная жизнь женщин-аборигенов рассматривалась колониальном процессе как трансгрессивная и, следовательно, нуждающаяся в контроле со стороны церковных и политических представителей. Женщины-нарушители нормативных критериев семейной и сексуальной жизни подвергались суровым наказаниям³⁴⁶.

Требования индейских женщины к социальному пространству, как-то улица, данс-холл или даже собственный дом, часто воспринимались подозрительно. Более того, их поведение нередко приравнивали к готовности предоставлять сексуальные услуги в случае вознаграждения³⁴⁷, в то время как одежда и язык тела белых женщин и путешественниц считывались как маркеры морали³⁴⁸ и проявления англо-канадской идентичности «дочерей империи» («Daughters of the Empire»)³⁴⁹.

³⁴⁶ См.: Carter S.A. Creating "Semi-Widows" and "Supernumerary Wives": Prohibiting Polygamy in Prairie Canada's Aboriginal Communities to 1900 // *Contact Zones*... P.131-160; Sangster J. Domesticating Girls: The Sexual Regulation of Aboriginal and Working-Class Girls in Twentieth-Century Canada // *Ibid.* P.179-205. Jolly M. Colonizing Women: The Maternal Body and Empire // *Feminism and the Politics of Difference*. St. Leonard's, Australia: Allen and Unwin, 1993. P. 103-127; Ram K., Jolly M. *Maternities and Modernities: Colonial and Postcolonial Experiences in Asia and the Pacific*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

³⁴⁷ Barman J. Aboriginal Women on the Streets of Victoria: Rethinking Transgressive Sexuality during the Colonial Encounter // *Contact Zones*... P. 205-228.

³⁴⁸ Newell D. Belonging – Out of Place: Women's Travelling Stories from the Western Edge // *Contact Zones*... P. 246-272.

³⁴⁹ Pickles K. The Old and New on Parade: Mimesis, Queen Victoria, and Carnival Queens on Victoria Day in Interwar Victoria // *Contact Zones*... P. 272-293.

А. Перри делает акцент на том, что внутренние идеалы и поведенческие предписания, приносимые мужчинами-миссионерами, в частности пожизненные гетеросексуальные союзы, санкционированные церковью, не столько имели стремление навязать «надлежащую женственность» («proper womanhood»), сколько явились результатом озабоченности сохранением женщин-аборигенов в статусе зависимого рабочего класса: «Waged work gave Aboriginal women the dangerous independence that went with having ready cash income and the means to support themselves outside of male authority and the family»³⁵⁰ («Оплачиваемая работа дала женщинам-аборигенам опасную независимость, которая пришла с получением наличных доходов и средств для поддержки себя вне мужского авторитета и семьи»).

Р. Дж. Браунли также отмечает фактическую возможность представителей власти применять гендерные кодексы против женщин с помощью финансового контроля. В случае сопротивления данным установкам задерживалась оплата, отказывалось в получении субсидий, дети забирались и отправлялись в школы-интернаты³⁵¹.

В начале XX в. женщины в общине Гранд-Ривер (Большая река), крупнейшей индейской резервации в Канаде, трансформировали и поддерживали властные структуры. Ключом к авторитету для них стало получение образования. В течение этого периода большое количество женщин из среды племен ирокезов становились учителями и имели контроль над образованием детей в своей общине. Вследствие этого дети воспринимали за основу англо-канадские гендерные роли и в соответствии им становились матерями-домохозяйками и фермерами-кормильцами.

Н. Алисон говорит о внимании, которое уделялось обучению девочек в Гранд-Ривер, когда после 1914 г. активизировались женские организации и

³⁵⁰ Perry A. Metropolitan Knowledge, Colonial Practice, and Indigenous Womanhood: Missions in Nineteenth-Century British Columbia // *Contact Zones...* P. 109-131.

³⁵¹ Brownlie R.J. Intimate Surveillance: Indian Affairs, Colonization, and the Regulation of Aboriginal Women's Sexuality // *Contact Zones...* P. 160-179.

добровольные ассоциации для улучшения послевоенной жизни, через которые женщины оказывали влияние и добивались положительных изменений в резервации.

Колониальные власти видели необходимость уберечь девушек от деградирующего состояния жизни женщин коренного населения, кроме того, полагали, что будущее выживание этой расы лежит в руках женщин³⁵². Миссионеры, колониальные чиновники и правительство Канады хотели изменить трудовую практику в отношении коренных женщин, ограничив их преимущественно тяжелую сельскохозяйственную работу, превратив в женщин-домохозяек. Школы являлись лучшим местом, где девочек можно было обучить этим навыкам. По викторианским стандартам миссионеров коренные американки были небрежны, нечистоплотны и не знакомы с принципами женской домашнего хозяйства³⁵³.

Работа канадских женщин-историков и антропологов послужила основой и множества других специальных выпусков известных журналов, международных конференций, научных сборников и монографий, посвященных вопросам пола и гендерной проблематике в контексте колониализма³⁵⁴, в частности присутствию белых женщин в имперской

³⁵² Norman A.E. *Race, Gender and Colonialism: Public Life among the Six Nations of Grand River, 1899-1939. A thesis... for the degree of Doctor of Philosophy.* Ontario Institute for Studies in Education University of Toronto, 2010. P. 100.

³⁵³ Devens C. «If We Get the Girls, We Get the Race»: Missionary Education of Native American Girls // *Journal of World History*. Vol. 3. № 2. 1992. P. 219-237.

³⁵⁴ *Women's Studies International Forum*. Vol. 21. № 3. 1998; *Feminisms and Internationalism* // *Gender and History*. Vol. 10. № 3. 1998; *Reconstructing Femininities: Colonial Intersections of Gender, Race, Religion and Class* // *Feminist Review*. Vol. 65, Summe. 2000; *Canadian Woman Studies*. Vol. 20. № 2. 2000; *Nation, Empire, Colony: Historicizing Gender and Race*. Bloomington: Indiana University Press, 1998; *The International Federation for Research in Women's History conference in Montreal, 1995*; *Bodies in Contact: Rethinking Colonial Encounters in World History*. Durham: Duke University Press, 2005; *Gender, Sexuality and Colonial Modernities*. London: Routledge, 1999; *Gender and Imperialism*. Manchester, UK: Manchester University Press, 1998; *Domesticating the Empire: Race, Gender and Family Life in French and Dutch Colonialism*. Charlottesville, London: University of Virginia Press, 1998; *Western Women and Imperialism: Complicity and Resistance*. Bloomington: Indiana University Press, 1992.

политике³⁵⁵, социальному пространству в истории канадских женщин³⁵⁶, женщинам-иммигранткам³⁵⁷, женщинам-миссионерам и сюжетам о рабстве и неволе³⁵⁸, выдающимся туземным женщинам³⁵⁹.

Особый интерес составляют исследования, рожденные на стыке этнического происхождения женщины-антрополога и изучаемой ею женской общины, переживая своего рода повторное вхождение в культуру, в которой она была воспитана до того, как стала жить и работать в США, как стала «американским» антропологом, изучающим «другую» (или ставшую таковой) культуру.

³⁵⁵ Trollope J. *Britannia's Daughters: Women of the British Empire*. London: Cresset, 1983; Knapman C. *White Women in Fiji, 1835-1930: The Ruin of Empire?* Sydney: Allen and Unwin, 1986; Callaway H. *Gender, Culture and Empire: European Women in Colonial Nigeria*. Basingstoke, UK: Macmillan, 1987; Ware V. *Beyond the Pale: White Women, Racism and History*. London: Verso, 1992. Frankenberg R. *White Women, Race Matters: The Social Construction of Whiteness*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995.

³⁵⁶ *Gendered Pasts: Historical Essays in Femininity and Masculinity in Canada*. Don Mills: Oxford University Press, 1999; *On the Case: Explorations in Social History*. Toronto: University of Toronto Press, 1998; Prentice A., Bourne P. and others. *Canadian Women: A History*. Toronto: Harcourt Brace Jovanovich, 1986; *Gender and History in Canada*. Mississauga: Copp Clark, 1996; *Gender Conflicts: New Essays in Women's History*. Toronto: University of Toronto Press, 1992; *Quebec Women: A History*. Toronto: The Women's Press, 1987; *The Neglected Majority: Essays in Canadian Women's History*. Vol. 2. Toronto: McClelland and Stewart, 1985; *A Not Unreasonable Claim: Women and Reform in Canada, 1880s-1920s*. Toronto: The Women's Press, 1979; *The Neglected Majority: Essays in Canadian Women's History*. Toronto: McClelland and Stewart, 1977.

³⁵⁷ *Looking into My Sister's Eyes: An Exploration in Women's History*. Toronto, 1986; Lindstrom V. *Defiant Sisters: A Social History of Finnish Immigrant Women in Canada*. Toronto, 1988; Iacovetta F. *Such Hardworking People: Italian Immigrants in Postwar Toronto*. Montreal and Kingston, 1992; Bistrow P., Cooper A. «We're Rooted Here and They Can't Pull Us Up»: *Essays in African Canadian Women's History*. Toronto, 1994; *Returning the Gaze: Essays on Racism, Feminism and Politics*. Toronto, 1993; Razack Sh. *Looking White People in the Face: Gender, Race, and Culture in Courtrooms and Classrooms*. Toronto, 1998.

³⁵⁸ Dubinsky K. *Vacations in the «Contact Zone»: Race, Gender, and the Traveler at Niagara Falls // Nation, Empire, Colony*. P. 251-69; Coates C.M., Morgan C. *Heroines and History: Representations of Madeleine de Verchères and Laura Secord*. Toronto, 2002; Rutherford M. *Women and the White Man's God: Gender and Race in the Canadian Mission Field*. Vancouver, 2002; Pickles K. *Female Imperialism and National Identity: Imperial Order Daughters of the Empire (IODE)*. Manchester, 2002; Perry A. *On the Edge of Empire: Gender, Race, and the Making of British Columbia, 1849-1871*. Toronto, 2001.

³⁵⁹ Carter S. *Transnational Perspectives on the History of Great Plains Women: Gender, Race, Nations and the Forty-ninth Parallel // The American Review of Canadian Studies*. Winter, 2003. P. 565-596; Idem. *First Nations Women and Colonization on the Canadian Prairies, 1870s-1920s // Rethinking Canada: The Promise of Women's History*. Don Mills, 2002. P. 135-148.

Так, например, проблемы повседневной жизни мусульманских женщин поднимают научные работы Л. Абу-Луход (р. 1952), профессора антропологии и гендерных исследований Колумбийского университета, имеющей палестино-американское происхождение. В работе «Do Muslim Women Need Saving?»³⁶⁰ автор пишет о том, что мусульманские женщины, так же, как и женщины других вероисповеданий и происхождения, должны рассматриваться в своих исторических, социальных и идеологических контекстах. В этом смысле их «спасение» из «варварского» мусульманского общества ставится под сомнение. Л. Абу-Луход показывает, что проблема гендерного неравенства не может быть основана лишь на религии, а также узость западных обобщений об исламской культуре, в терминах угнетения, выбора и свободы, описывающих жизнь мусульманок.

Книга Л. Абу-Луход «Writing Women's Worlds: Bedouin Stories»³⁶¹ (1993) представляет собой критическую этнографию небольшого сообщества бедуинов в Египте, в которой автор, рассказывая о повседневной жизни бедуинок, оспаривает публичный дискурс о женщинах мусульманского Ближнего Востока.

Классической этнографией в области антропологии стала и работа Л. Абу-Луход «Veiled Sentiments: Honor and Poetry in a Bedouin Society»³⁶² (1986), основанная на многолетнем контакте с общиной бедуинов в пустыне Западного Египта, позволившем ей изучить гендерные отношения в контексте устной поэзии, особых форм выражения чувств и эмоций молодых людей. Анализ Л. Абу-Луход показывает, что эмоциональная и чувственная сферы встроены в механизм поддержания социальной иерархии. Тот или иной поэтический жанр становится отражением политики настроений и сложности культуры.

³⁶⁰ Abu-Lughod L. Do Muslim Women Need Saving? Cambridge, 2013.

³⁶¹ Abu-Lughod L. Writing Women's Worlds: Bedouin Stories. Berkeley, 1993.

³⁶² Abu-Lughod L. Veiled Sentiments: Honor and Poetry in a Bedouin Society. Berkeley, 1986.

Сборник эссе «Remaking Women Feminism and Modernity in the Middle East»³⁶³, выпущенный под редакцией Л. Абу-Луход, также посвящен «женскому вопросу» на Ближнем Востоке (особенно в Египте и Иране) на рубеже веков, когда проблема пола стала национальным вопросом. Авторы эссе ставят под сомнение традиционную дихотомию, связанную с домашним пространством и общественной сферой женщины в контексте традиции и современности.

Отметим также, что методы работы женщин-антропологов с визуальными источниками (анализ визуальной исторической информации, интерпретация визуальных репрезентаций) обращают к изучению визуальных объектов как социальных и культурных практик, конструирующих историю повседневности, знакомят с фото- или видео-материалом как исследовательским способом познания женщины-антрополога, ее научным «образом», воссоздают «сюжет» ее повседневной культуры. Фотографии женщин-антропологов, изображающие их и сделанные ими (из семейного архива, фото коллег, во время полевых исследований, аудиторные)³⁶⁴, позволяют увидеть исследовательницу глазами современников, создают живой образ женщины-этнографа как яркой представительницы своего времени. В связи с тем, что наше

³⁶³ Remaking Women: Feminism and Modernity in the Middle East. Ed. by L. Abu-Lughod. Princeton, 1998.

³⁶⁴ E.g. Ruth Landes, 1912; Anna Grossman, Ruth, and brother «Mattie» at Big Indian, N. Y.; Brookwood School graduation, May 30, 1924; Ruth at Red Lake, 1933. Photo by Will Rogers; Maggie Wilson, Manitou Rapids, 1932. Photo by Ruth Landes; In the garden of the Museu Nacional de Rio de Janeiro, March 1939; Ruth in London, England, 1951; Ruth in Los Angeles, 1963 // Cole S. Ruth Landes: A Life in Anthropology. Lincoln & London, 2007; Sabina's festa de Iemanja, Bahia, 1939. Photo by Ruth Landes; Festa da Lavagem do Bonfim, Bahia, 1939. Photo by Ruth Landes // National Anthropological Archives, Smithsonian Institution; Ruth M. Underhill, circa 1960; Ruth in her college years; Ruth leads the annual rodeo parade in Sells, Arizona, 1980; Vivian Juan Saunders, Miss Indian America, interviews Ruth, 1982 // Underhill R. An Anthropologist's Arrival... P. 7, 9, 15, 22; Cactus pole, as shown me before Papago house. Photo by R. Underhill, Worker carrying cactus syrup, Cactus Camp. Photo by R. Underhill, Cooking the cactus syrup, Cactus Camp. Photo by R. Underhill // Underhill R. Papago Woman... P. 20-22; 21st Annual Senior Thesis Seminar // Columbia University. Department of Anthropology. [Electronic resource]. URL: <http://anthropology.columbia.edu/featured/senior-thesis-symposium-participants> (accessed: 11.04.2017).

исследовательское поле затрагивает в том числе современных женщин-ученых, визуальный контакт с ними становится максимально доступен. Знакомство с их публичными выступлениями в виде видео-лекций³⁶⁵ или интервью³⁶⁶, фильмами (документальными, художественными, научными, анимационными), созданными женщинами-антропологами и о них, дает представление об устной манере их научной речи, особенностях вести диалог с аудиторией, вступать в дискуссию, реакции на «провокационные» или заставляющие контекстно менять научный ракурс вопросы; или, например, документальный фильм Р. Бехар «Adio Kerida» (Goodbye Dear Love, 2002) представляет культурно-антропологический взгляд автора как носительницы кубинской культуры на проблему поиска идентичности кубинских евреев, в частности своей матери как прообраза повседневного сохранения самобытности современной Кубы³⁶⁷.

Обращение американских женщин-антропологов к проблемам женской повседневности не только ставит в научном историческом дискурсе ряд новых методов, подходов и взглядов, акцентирует внимание на повседневности как специальной категории анализа, в частности «женского» в историческом контексте, но и позволяет говорить об активном присутствии

³⁶⁵ E.g. Keynote lecture of Prof. Lila Abu-Lughod (Columbia University): Authorizing the New Moral Crusade to Save Muslim Women. Edward Said Memorial Conference, Utrecht, 15 April 2013 // YouTube. [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nrSHoIggptU> (accessed: 04.04.2017).

³⁶⁶ E.g. The Read Around: Lila Abu-Lughod // Times Video. [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/video/books/review/100000002617743/the-read-around-lila-abu-lughod.html> (accessed: 05.06.2017); Do Muslim Women Need Saving? // YouTube. [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uYAM7gMEd1g> (accessed: 03.06.2017); Prof. Marcia Inhorn: Social Impact of Infertility in Middle East // YouTube. [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=s5q0K8Z17kc> (accessed: 21.05.2017); Women and Children's Health: Marcia Inhorn // YouTube. [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NxUKN9WEEB4> (accessed: 22.05.2017); Marcia Inhorn: Cosmopolitan Conceptions: IVF Sojourns in Global Dubai // YouTube. [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fLgvp5FceCQ> (accessed: 17.04.2017); Marcia Inhorn: The New Arab Man // YouTube. [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bAB35jZQiAc> (accessed: 13.06.2016).

³⁶⁷ Adio Kerida (Goodbye Dear Love). A film by Ruth Behar // Vimeo. [Electronic resource]. URL: <https://vimeo.com/ondemand/adiokerida> (accessed: 03.03.2018); The Karrabing // YouTube. [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=oj_ZcggYgZ8 (accessed: 06.12.2017).

женщин в научном академическом сообществе, успешном формировании ими научных объединений и направлений.

ГЛАВА II. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ЖЕНЩИН-УЧЕНЫХ, ИЗУЧАЮЩИХ АНТРОПОЛОГИЮ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

§1. Телесность как аспект изучения в американской культурной антропологии

Под влиянием феминистских антропологов литература о женщине и женском теле актуализировала гендерные аспекты телесности, включив в свое научное поле изучение женского тела, помещенного в культурный, медицинский, политический и другие контексты³⁶⁸.

Изучение женского тела как культурно-антропологического объекта предпринял еще немецкий врач-гинеколог, антрополог и этнолог Г. Плосс в фундаментальном труде «Женщина в естествознании и этнографии» (1885), в котором автор исследует телесно-духовный мир женщины в психологическом, этическом и эстетическом ключе, рассматривая как физиологические аспекты женского организма, так и жизненные циклы женщины от детства до смерти, помещая эти характеристики в этнокультурный контекст (например, «мифология родов», «диэтика, церемониал, символика и мистика послеродового периода», «необычные кормилицы» и др.)³⁶⁹.

Так, Ф. Гинзбург и Р. Рапп помещают репродуктивность в центр социальной теории изучения общества и исследуют, как репродуктивная культура трансформирует «коллективное будущее» «будущего поколения»³⁷⁰. М. Локк и П. Коферт сопоставили женский отклик на

³⁶⁸ E.g.: Grosz E. Space, Time and Perversion: Essays on the Politics of Bodies. L., N. Y.: Routledge, 1995; Haraway D. Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. L., N. Y., 1991. Weitz R. Politics of Women's Bodies. N. Y., 1998.

³⁶⁹ Плосс Г. Женщина в естествоведении и народоведении. Антропологическое исследование. В 3-х томах. Сыктывкар-Киров, 1995.

³⁷⁰ Ginsburg F.D., Rapp R. Conceiving the New World Order: The Global Politics of Reproduction. Oakland, 1995.

культурные медицинские установки, обратились к медиализации женского тела в более локальном и повседневном контексте³⁷¹. В целом данные авторы представили женское тело как локус сопротивления, способности к индивидуальному выбору и действию, способному трансформировать его в желаемый результат («the body as a site of resistance and women's agency»³⁷²).

Дж. Урла и А. Сведланд обратились к вопросу идеализации женских форм на примере популярной американской игрушки Барби³⁷³, а Ф. Масиа-Лиз и П. Шарп к проблеме татуизации как вызову недостижимости идеала женского тела, широко представленного в средствах массовой информации³⁷⁴.

В то время как достаточно большая часть феминистских антропологов подчеркивала роль репродуктивных практик в конструировании женского пространства, не меньшее число авторов затронуло проблему сексуального насилия. Женщины-антропологи выявили культурную обусловленность существования различных форм гендерного насилия, а также функцию культуры как деструктивной формы вмешательства в феномен гендерного насилия³⁷⁵.

Ряд исследовательниц освещал проблему в контексте виктимизации, и, ссылаясь на обширные документы правоохранительных процессов,

³⁷¹ Lock M., Kaufert P. Alice. Pragmatic Women and Body Politics. Cambridge, 1998.

³⁷² Lamphere L. Child Sexual Abuse and the Cultural Construction of the Female Body // *Voices*. 2010. V. 10. №. 1 Fall. P. 38.

³⁷³ Urla J., Swedlund A.C. The Anthropology of Barbie: Unsettling Ideals of the Feminine Body in Popular Culture // *Deviant Bodies: Critical Perspectives on Difference in Science and Popular Culture*. Bloomington, 1995. P. 277-313.

³⁷⁴ Mascia-Lees F.E., Sharpe P. Marked and the Un(re)marked: Tattoo and Gender in Theory and Narrative // *Tattoo, Torture, Mutilation and Adornment: The Denaturalization of the Body in Culture in Text*. N.Y., 1992. P. 145-169.

³⁷⁵ E.g.: Merry S.E. Gender violence: A cultural perspective. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2009. Adelman M., Haldane H., Wies J.R. Mobilizing culture as an asset: a transdisciplinary effort to rethink gender violence // *Violence Against Women: An Interdisciplinary and International Journal*. 2012 Jun. № 18 (6). P. 691-700.

подчеркивал лишь усугубляющую положение женщин роль государственного регулирования в этой сфере³⁷⁶.

Ш. Хейни помещает в рамки дискурса женского тела опыт CSA (Childhood Sexual Abuse), сексуального насилия в детстве. Пережитый опыт становится буквально идеографическим маркером женского тела: «women with a history of childhood sexual abuse have it literally written upon their bodies»³⁷⁷. В негативном аспекте данного дискурса женское тело преобразуется в локус, семантически связанный с таким смыслообразующим рядом, как аномалия, отклонение, ненормальность, порок, дефект или опасность («the female body is the site of deviance, defect, and danger»³⁷⁸).

Женщины, имевшие опыт CSA, осознают себя отличающимися от других женщин и переживают свою инаковость как отклонение. Ожидаемая интерпретация негативных жизненных событий в терминах неравенства, способствующего этим событиям, и уязвимости, присущей подчиненному статусу женщины в культуре, подменяется восприятием этих событий как «естественных» последствий их «драматического отличия». В этом смысле CSA индивидуализирует женский опыт и усваивает легитимность неравенства («symbolic violence internalizes the humiliations and legitimations of inequality»³⁷⁹). Впоследствии данный опыт становится причиной желания максимального контроля над пространством своего тела (например, склонность к анорексии как к способу его «обезжирить», т. е. сделать неуязвимым).

Интерес феминистских антропологов к вопросам телесности и, в частности, репродуктивному здоровью женщин в последние годы расширился до области, тесно связанной с медицинской и прикладной

³⁷⁶ Sanday P. Rape-prone versus rape-free campus cultures // *Violence Against Women: An Interdisciplinary and International Journal*. 1996. № 2. P. 191-208; Lazarus-Black M. *Everyday harm: Domestic violence, court rites, and cultures of reconciliation*. Urbana IL, 2007.

³⁷⁷ Haney Ch. *Child Sexual Abuse and the Reproduction of Femininity in the United States* // *Voices*. 2010. V. 10. №. 1 Fall. P. 27.

³⁷⁸ Ibid.

³⁷⁹ Bourdieu P. *Pascalian Meditations*. Cambridge, 1997.

антропологией. Возможно, наиболее спорным вопросом остается ряд практик, известных под такими терминами, как «обрезание у женщин» и «калечащие операции на женских половых органах». Некоторые феминистские антропологи активно участвуют в программах по борьбе с данным видом процедур, рассматривая их как серьезную опасность для женского здоровья. Другие пытались вписать эти практики в определенный культурологический контекст, исследуя точки пересечения способов реализации подобных процедур с интересами и убеждениями мужчин и женщин³⁸⁰. Эта полемика обнаруживает противоречия внутри антропологической традиции культурного релятивизма. Кроме того, вопросы о том, как подходить к этим практикам, осложняются обвинениями в том, что такие усилия представляют собой патерналистское навязывание западных ценностей другим обществам.

По мере того, как новые диагностические и репродуктивные технологии получили распространение на Западе и по всему миру, антропологи стали особенно активно исследовать их использование, в особенности то, как они пересекаются с местными практиками и медицинскими системами³⁸¹. Также они внесли большой вклад в понимание

³⁸⁰ Boddy J. Violence Embodied? Female Circumcision, Gender Politics, and Cultural Aesthetics. In *Rethinking Violence against Women*. R. E. Dobash and R. P. Dobash, eds. Thousand Oaks, 1998. P. 77–110; Gruenbaum E. The Female Circumcision Controversy. Philadelphia, 2001; Hayes R. Oldfield. Female Genital Mutilation, Fertility Control, Women's Roles, and the Patrilineage in Modern Sudan // *American Ethnologist*. 1975. V. 2. P. 617–633; Inhorn M. C., Buss K. Infertility, Infection, and Iatrogenesis in Egypt: The Anthropological Epidemiology of Blocked Tubes. *Medical Anthropology*, 1993. V. 15/1. P. 1–28; Christine J. Walley. Searching for 'Voices': Feminism, Anthropology, and the Global Debates over Female Genital Operations // *Cultural Anthropology*. 1997. V. 12/3. P. 405–438.

³⁸¹ Handwerker L. The Hen that Can't Lay an Egg (Bu Xia Dan de Mu Ji): Conceptions of Female Infertility in Modern China. In *Deviant Bodies*. J. Terry and J. Urla, eds. Bloomington, 1995; Inhorn M. C. Quest for Conception: Gender, Infertility, and Egyptian Medical Traditions. Pennsylvania, 1994; Inhorn M. C., Van Balen F., eds. *Infertility around the Globe: New Thinking on Childlessness, Gender, and Reproductive Technologies*. Berkeley: University of California Press, 2002; Kahn S. Martha. *Reproducing Jews: A Cultural Account of Assisted Conception in Israel*. Durham, 2000; Taylor J. S. A Fetish is Born: Sonographers and the Making of the Public Fetus. In *Consuming Motherhood*. J. S. Taylor, L. L. Layne, D. F. Wozniak, eds. New Brunswick, 2004.

значения быстро меняющихся технологий и диагностик для новых представлений о системах родства и семьи³⁸².

Все, связанное с телом на пересечении с культурными, физиологическими и другими аспектами, стало одним из центральных элементов феминистской антропологической мысли. Границы между репродуктивными практиками, здоровьем и опытом болезни и травм, набором значений, окружающих такие сферы, как материнство, семья, нация, изучаются феминистскими антропологами в разнообразии способов их взаимодействия во времени и пространстве³⁸³. В основном женщина рассматривается с точки зрения пациента, объекта медицинской помощи, меньше внимания посвящено опыту женщин в качестве представляющих медицинские услуги, в том числе анализу того, как подобный опыт позволяет им зарекомендовать свои знания как уникальные и повысить личный и профессиональный статус³⁸⁴.

Тема насилия, болезней, передаваемых половым путем, а также использования женского тела в конструировании политических и национально-идеологических образов, также становилась предметом анализа женщин-антропологов³⁸⁵. Один из аспектов изучения – последствия рождаемости в рамках государственной политики. Так, работа Г. Клигман была посвящена использованию репродуктивных способностей женщин в

³⁸² Davis-Floyd R. *Birth as an American Rite of Passage*. Berkeley, 1992; Davis-Floyd R., Dumit J. *Cyborg Babies: From Techno-Sex to Techno-Tots*. N. Y., 1998; Franklin S., Ragone H. *Reproducing Reproduction: Kinship, Power, and Technological Innovation*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1998; Rapp R. R. *Testing Women, Testing the Fetus: The Social Impact of Amniocentesis in America*. N. Y., 1999; Strathern M. *Reproducing the Future: Essays on Anthropology, Kinship, and the New Reproductive Technologies*. N. Y., 1992.

³⁸³ Lock M., Kaufert P. A., eds. *Pragmatic Women and Body Politics*. N. Y., 1998.

³⁸⁴ McClain C. Shepherd. *Women as Healers*. New Brunswick, 1989.

³⁸⁵ Das V. National Honor and Practical Kinship: Unwanted Women and Children. In *Conceiving the New World Order: The Global Politics of Reproduction*. F. D. Ginsburg, R. R. Rapp, eds. Berkeley, 1995. P. 212–233; Finkler K. *Women in Pain: Gender and Morbidity in Mexico*. Philadelphia, 1994; Sered S. *What Makes Women Sick? Maternity, Modesty, and Militarism in Israeli Society*. Hanover, 2000.

служении национальным интересам коммунистической Румынии³⁸⁶. С. Кан изучала значения, связанные с интерпретацией демографической политики в Израиле через еврейское религиозное право³⁸⁷. Также сосредоточившись на Ближнем Востоке, Р. Кенане обратилась к репродуктивному опыту палестинских женщин, где, с одной стороны, высокая рождаемость представляет собой сопротивление еврейской доминанте, но с другой, только низкая рождаемость может сигнализировать о современных принципах, преобладающих среди евреев европейского происхождения в Израиле³⁸⁸.

Ряд ученых обращались к культурологическим аспектам таких методов диагностики, как амниоцентез (анализ околоплодных вод) и УЗИ, каждый из которых используется и в контексте взаимодействия с медперсоналом, так и в рамках, далеких от их научного обоснования. Р. Рапп рассмотрела практики применения амниоцентеза среди этнических групп Нью-Йорка; Дж. Тейлор изучила то, как ультрасонография встроена в более широкие культурные матрицы системы потребления и ценностей, также на то, как внешне нейтральное действие отражает политику его актора³⁸⁹. М. Сенделовски и С. Франклин провели свои исследования среди женщин, проходящих лечение бесплодия, предлагая комплексное описание стратегий, предпринимаемых этими женщинами, чтобы вписать результаты своего опыта в существующие представления о природном естестве³⁹⁰. Внимание Е. Рагон сфокусировано на комплексном анализе суррогатного материнства³⁹¹.

³⁸⁶ Kligman G. *The Politics of Duplicity: Controlling Reproduction in Ceausescu's Romania*. Berkeley, 1998.

³⁸⁷ Kahn S. Martha. *Reproducing Jews: A Cultural Account of Assisted Conception in Israel*. Durham, 2000.

³⁸⁸ Kanaaneh R. *Ann. Birthing the Nation: Strategies of Palestinian Women in Israel*. Berkeley, 2002.

³⁸⁹ Taylor J. S. *The Public Fetus and the Family Car: From Abortion Politics to a Volvo Advertisement // Public Culture*. 1992. V. 4/2. P. 67–80; Idem. *A Fetish is Born...*

³⁹⁰ Sandelowski M. *With Child in Mind: Studies of the Personal Encounter with Infertility*. Philadelphia, 1993; Franklin S. *Embodied Progress: A Cultural Account of Assisted Conception*. N. Y., 1997.

³⁹¹ Ragone' H. *Surrogate Motherhood: Conception in the Heart*. Boulder, 1994.

Апеллируя к исследованию особенностей материнского опыта, работы Ф. Гинзбург и Р. Рапп в сборнике «Conceiving the New World Order» (1995) используют концепцию стратифицированной репродукции («concept of stratified reproduction»), разработанную Ш. Колен, под которой ее автор подразумевает, что физиологические и социальные репродуктивные задачи выполняются на разных уровнях в соответствии с неравенством, обусловленным иерархией, социальной, расовой, этнической принадлежностью, полом, миграционным статусом, - которые структурированы под воздействием социальных, экономических и политических факторов. Репродуктивная деятельность - физическая, умственная и эмоциональная - по воспитанию, социализации, поддержанию института семью воспринимается и оценивается по-разному в соответствии с доступом к материальным и социальным ресурсам в конкретных исторических и культурных контекстах. Тем самым концепция данного явления отражает неравенство, на котором она основана³⁹². Ряд женщин-ученых сосредоточились на том, как материнские нарративы предлагают критическое понимание более широких культурных практик и приоритетов, выдвигая стратегии для формирования идентичности и ориентации на высокие нравственные характеристики³⁹³.

В сборнике Н. Шепер-Хьюз о материнстве в бедном регионе северо-восточной Бразилии (1992) обосновывается концепт материнства в политической ситуации крайней депривации³⁹⁴. В этом контексте понимание женщинами своего тела и здоровья своих детей не может быть отделено от

³⁹² Colen Sh. "Like a Mother to Them": Stratified Reproduction and West Indian Childcare Workers and Employers in N. Y. In *Conceiving the New World Order...* P. 78–102.

³⁹³ Ginsburg F. D. *Contested Lives: The Abortion Debate in an American Community*. Berkeley, 1989; Inhorn M. C. *Quest for Conception: Gender, Infertility, and Egyptian Medical Traditions*. Pennsylvania, 1994; Lewin E. *Lesbian Mothers: Accounts of Gender in American Culture*. Ithaca, 1993; Modell J. S. *Kinship with Strangers: Adoption and Interpretations of Kinship in American Culture*. Berkeley, 1994; Ragone' H., Twine F. W., eds. *Ideologies and Technologies of Motherhood: Race, Class, Sexuality, Nationalism*. N. Y., 2000; Wozniak D. F. *They're All My Children: Foster Mothering in America*. N. Y., 2002.

³⁹⁴ Scheper-Hughes N. *Death without Weeping: The Violence of Everyday Life in Brazil*. Berkeley, 1992.

неустойчивого влияния, связанного с проблемой социального выживания. Даже в ситуации, когда матери осознанно подготовлены к потере одного или нескольких детей, привязанность между матерью и детьми по-прежнему закрепляется в универсально сентиментальном дискурсе.

Наряду с этим, исследования природы непосредственно самой эмоции стали одной из новых областей в феминистской антропологии. Важно отметить, что большая часть работ по тематике материнства, в которых женщины-антропологи пытаются понять и охватить сферу любовных взаимоотношений, показывают, насколько эти чувства и их проявления в согласии, гармонии или неверности, эмоциональной тревоге привязаны к социально-экономическому контексту, в котором они изначально заложены³⁹⁵.

§2. Репродуктивные практики в исследовании Э. Мартин

Э. Мартин (р. 1944) – американский синолог и антрополог, профессор социокультурной антропологии Нью-Йоркского университета. Фокус ее исследований сосредоточен на социокультурных сторонах женской физиологии и психологии, анализе репродуктивных практик и иных физиологических аспектах повседневной жизни женщин³⁹⁶.

В книге «Woman in the Body: A Cultural Analysis of Reproduction»³⁹⁷ (1987) Э. Мартин рассматривает восприятие американской культурой репродуктивных процессов. Сопоставляя взгляды медицины с интересами женщин из различных социальных и экономических слоев, Э. Мартин раскрывает метафоры «сбережения» («economy») и «отчуждения»

³⁹⁵ Constable N. Romance on a Global Stage: Pen Pals, Virtual Ethnography, and “Mail-Order” Marriages. Berkeley, 2003; Hirsch J. S. A Courtship after Marriage: Sexuality and Love in Mexican Transnational Families. Berkeley, 2003; Rebhun L. A. The Heart is Unknown Country: Love in the Changing Economy of Northeast Brazil. Stanford, 1999.

³⁹⁶ Martin Emily // Department of anthropology N. Y. University. [Electronic resource]. URL: <http://anthropology.as.nyu.edu/object/emilymartin.html> (accessed 28.03.2017)

³⁹⁷ Martin E. Op. cit.

(«alienation»), которые пронизывают представления женщин о самих себе и своих телах.

Независимо от того, образуют ли женщины тесные общины, они разделяют некий общий опыт: все они определяются как «женщины», т.е. назначены в одну из двух постоянных гендерных категорий; все (некоторые в большей или меньшей степени) занимают положение субординации в отношении мужчин если не на работе, то в семье или в общем культурном пространстве и языке; все обладают женским телом и переживают общие телесные процессы, такие как менструации и роды (варьируются значения в таких группах, как афроамериканки или американки еврейского происхождения); все так или иначе испытывают влияние медицинских и научных взглядов на женскую телесность.

Э. Мартин проводит интервью с женщинами из разных общин г. Балтимора (штат Мэриленд, США) с целью выявления, насколько общий женский опыт принимает различные формы и значения в различных социально-экономических условиях.

Проект ее исследования заключался в интервьюировании 165 женщин, которые находились в одном из трех этапов жизненного цикла: в период полового созревания до рождения ребенка, во время рождения ребенка и его воспитания, а также во время и после менопаузы. Женщины принимали участие в проекте малых групп (групповые занятия, школьные учебные классы, курсы по деторождению, церковь, общественные организации, больницы).

Социальная организация Балтимора, включающая много традиционных районов, позволила автору учесть и классовые различия. Из 165 интервью 43% – представительницы рабочего класса и 57% – среднего. Из общего числа 28% – члены крупнейшего этнического меньшинства Балтимора (афроамериканцы).

Мартин проводила интервью при участии научных сотрудников – кандидатов социальных и медицинских наук. При этом они предприняли

попытку соотнесения интервьюера и интервьюируемого: большинство молодых белых женщин были опрошены белым интервьюером в возрасте около 20 лет; молодые и среднего возраста чернокожие женщины были опрошены чернокожим интервьюером в возрасте около 20 лет и имеющей маленького ребенка; большинство белых женщин среднего возраста были опрошены Э. Мартин (которой было на тот момент 37 лет и она была беременна вторым ребенком); большинство пожилых женщин были опрошены интервьюером в возрасте 40 лет и чьи дети были подростками.

Для целей своего исследования Э. Мартин изучает тексты, которые являются базовыми в медицинских учебных заведениях, и пособия по больничной практике, слушает лекции для студентов-медиков и просто случайные разговоры между коллегами-врачами или биологами.

Цель автора как антрополога состоит в том, чтобы передать смысл основных культурных представлений о событиях, связанных с менструацией, рождением детей, менопаузой и т.п. и их имплицитные значения. Однако представить предменструальный синдром (роды или менопаузу) в качестве культурной формы, значения которой строятся из разных жизненных ситуаций, не представляется возможным, так как фундаментальная основа их лежит в биологическом, гормональном, генетическом и т.д. измерениях. Как утверждают Р. Левонтин и Камин, «rather than either biological or cultural determinism, we need an «integrated understanding of the relationship between the biological and the social» («мы нуждаемся не в биологическом или культурном детерминизме, а, скорее, в комплексном понимании взаимосвязи между биологическим и социальным»)³⁹⁸.

Привлекая обширный историко-литературный материал (от древних греков до XVIII в.), Э. Мартин показывает эволюцию представлений о мужском и женском теле. Так, Немезий Эмесский (IV в.) утверждал, что

³⁹⁸ Lewontin R.C., Rose S., Kamin L.J. Not in Our Genes: Biology, Ideology, and Human Nature. N.Y., 1984. P. 10

женщины и мужчины имеют одинаковые половые органы, за исключением того, что у первых они внутри тела, а не снаружи³⁹⁹.

По мнению Гиппократ, женщины как биологические особи более холодные и менее активные в отличие от мужчин, которые очищают кровь от примесей посредством пота⁴⁰⁰, таким образом, женские менструации компенсируют этот недостаток очищения.

В начале XIX в. традиция приравнивания мужских и женских органов теряет актуальность, ученые настаивают на принципиальных отличиях между мужской и женской физиологией и сексуальностью⁴⁰¹. В это же время процесс менструации стал описываться как патология и физическое расстройство. Авторы-медики XIX в. подчеркивали изнурительный характер менструаций, их негативное воздействие на жизнь женщины, прибегая к более или менее ярким метафорам. Так, Х. Эллис предлагает образ женщины с незаживающей, но периодически открывающейся раной в «наиболее чувствительном месте», также подчеркивал, что даже в самой здоровой женщине есть червь, который время от времени неприметно подъедает корни ее жизни⁴⁰².

Тем не менее, по мнению Э. Мартин, подобные исследования подготовили почву для положительного восприятия менопаузы и климакса. Уже в XX в. в популярных медицинских текстах менопауза рассматривалась не как сексуальный или физический упадок, но возраст воодушевления, отмеченный полнотой телесных и умственных сил.

Иногда в отношении менопаузы применялась метафора тела как малого бизнеса, претерпевающего убытки. Те немногие писатели, которые описывали менопаузу как «экономическую» физиологическую функцию, сделали достаточно положительные выводы из описания П. Геддеса о

³⁹⁹ См.: Немезий Эмесский. О природе человека. М., 2011.

⁴⁰⁰ См.: Гиппократ. Сочинения. Кн. 2. М., 1944.

⁴⁰¹ Laqueur T. Female Orgasm, Generation, and the Politics of Reproductive Biology // Representations. 1986. № 14 (Spring). P. 182.

⁴⁰² Ellis H. Man and Woman. L., 1904.

женщине как анаболике, подчеркивая ее «бережливость» («thriftiness») вместо пассивности, «растущие банковские счета» («growing bank accounts») вместо инертности⁴⁰³.

Один из инженеров системы научной медицины XX в. Ф. Т. Гейтс проводил параллель между человеческим телом и системой безопасности и санитарно-гигиенических приборов большого города. Другие авторы прибегали к образу сигнализации, которую каждый месяц включает гипоталамус, действующий как изящный интерпретатор ритмов организма («elegant interpreter of body's rhythms»). В некоторой популярной литературе гипоталамус сравнивали с дирижером высококвалифицированного оркестра, где ось гипоталамус-гипофиз-яичники играет свою симфонию, готовя тело женщины для зачатия и деторождения⁴⁰⁴.

Логическое обоснование подобных теорий, очевидно, связано с потребностью видеть в теле иерархическую систему обработки информации. Однако суммарно эта система выглядит как заведомо непродуктивная.

Возможно, одна из причин, связанная с негативным образом менструации как неудачного производства, связана с тем, что женщины во время них в каком-то смысле выходят из-под контроля, т. е., очевидно, нередко выходят из себя, в частности, по причине снижения в этот период половой активности.

Якобы ненужность, непродуктивность менструации подчеркивается Мартин при сравнительном описании мужской репродуктивной системы. Из тысячи постоянно рождающихся сперматозоидов лишь один сможет оплодотворить яйцеклетку, которые в свою очередь, будучи заложены в женском теле с рождения, остаются невостребованными всякий раз, когда происходит овуляция.

Проводя анализ исследований других процессов и органов, Мартин отмечает, что негативный оттенок получает то, что связано с женской

⁴⁰³ Geddes P., Thompson J.A. The Evolution of Sex. N.Y., 1890.

⁴⁰⁴ Martin E. Op. cit. P. 40-41.

физиологией (менструация), в то же время описания, относящиеся как к женской, так и к мужской или сугубо мужской физиологии, носят нейтральный или положительный характер (например, желудочно-кишечный или мужской репродуктивный тракты).

Метафоры сбалансированного потребления и расхода, которые были применены к менопаузе вплоть до середины XIX в., позже заменили метафорой вырождения. В начале 1960-х гг. новое исследование о роли эстрогенов в сердечно-сосудистых заболеваниях привело к аргументам, подтверждающим, что отказ женских репродуктивных органов производить эстроген после менопаузы способствует истощению женского организма.

В 1940-х и 1950-х гг. менопауза обычно описывалась как процесс, не влекущий за собой глубоких изменений в жизни женщины⁴⁰⁵. К 1965 г. описания кардинально изменяются: менопаузу рассматривают в качестве возможного патологического, а не физиологического состояния, и обсуждают необходимость терапевтической профилактики, а не облегчение ее симптомов⁴⁰⁶.

Доклад Всемирной организации здравоохранения 1981 г. определяет менопаузу как болезнь эстроген-дефицита⁴⁰⁷. Во многих ведущих исследованиях потеря способности производить эстроген рассматривалась как центральное место в жизни женщины. В этой связи во время менопаузы женщина должна скорректировать свою жизнь так, чтобы физиологически стимулировать производство эстрогена и прогестерона⁴⁰⁸.

Э. Мартин представила основные метафоры менопаузы и менструации, содержащиеся в медицинских описаниях, показав систему женских органов как иерархическую структуру, члены которой

⁴⁰⁵ E.g.: Novak E. Textbook of Gynecology. Baltimore, 1944.

⁴⁰⁶ E.g.: Novak E., Jones G. Seegar, Jones Howard W. Novak's Textbook of Gynecology. Baltimore, 1965.

⁴⁰⁷ Kaufert P. A., Gilbert P. Women, Menopause and Medicalization // Culture, Medicine and Psychiatry. 1986. № 10(1). P. 89; World Health Organization Scientific Group. Research on the Menopause. World Health Organization Technical Report Series 670. Geneva, 1981.

⁴⁰⁸ Guyton A.C. Textbook of Medical Physiology. Philadelphia, 1986.

сигнализируют друг другу с целью транспортировки клеток в место их оплодотворения и роста. Можно сказать, что выбранные метафоры определенным образом сочетаются с традиционными представлениями о роли женщин. Однако Мартин предлагает альтернативное описание данных процессов. Исходя из телеологического характера репродуктивной системы, единственная цель менструального цикла – оплодотворение яйцеклетки. Говоря о том, что женщина нередко стремится избежать этого процесса путем контроля цикла, полового воздержания и т. п., Э. Мартин указывает на самооценку менструации, рассматриваемой в качестве желаемого и самодостаточного «продукта» женского цикла, за исключением случаев, когда женщина имеет намерение стать матерью.

Одной из самых распространенных метафор в контексте репродуктивных практик была механистическая метафора, берущая начало во французских больницах XVII – XVIII вв., где о женской утробе и матке говорили как о «mechanical pump that in particular instances was more or less adequate to expel the fetus»⁴⁰⁹ («механическом насосе, который в конкретных случаях был более или менее адекватен, чтобы извлечь плод»).

В течение 40–60-х гг. родовая помощь становится техническим обслуживанием, а акушерское вмешательство в роды отождествляется с ремонтом механических неисправностей. Идеологически, женщины появляются, чтобы стать машинами, и эти машины широко используются для мониторинга беременности и родов.

Использование производственной терминологии применительно к деторождению позволяет вписать этот процесс в контекст социальных отношений власти и доминирования. Например, матка как произвольная мышца (именно она, а не женщина) рассматривается как исполняющая большую часть работы. Матка производит «эффективные или

⁴⁰⁹ Wertz R.W., Wertz D.L. Lying-in: A History of Childbirth in America. N.Y., 1977. P. 32; Merchant C. The Death of Nature: Women, Ecology, and the Scientific Revolution. San Francisco, 1980. Westfall R.S. The Construction of Modern Science: Mechanisms and Mechanics. Cambridge, 1971.

неэффективные схватки»⁴¹⁰, а роды оцениваются по количеству «прогресса, достигнутого в определенный период успеха»⁴¹¹.

Возникает вопрос: если матка отвечает за прогресс, то какова тогда роль женщины? На первой стадии родов она рассматривается как пассивный хозяин сокращающейся матки («passive host for the contracting uterus»)⁴¹². В специфической медицинской терминологии обнаружить присутствие человека представляется затруднительным. Женщина лишь подразумевается в разговоре о «толчке» мышц ее живота и сокращающейся матке, а все стадии родов описывают женщину как чернорабочего, выполняющего тяжелую работу по выталкиванию плода. Врач при этом рассматривается как руководитель «рабочего» процесса, а ребенок как «продукт». Интересно, что кесарево сечение, требующее большего «менеджмента» со стороны врача и меньшего – со стороны женщины, подразумевает, по мнению врачей, рождение идеального ребенка⁴¹³. Это убеждение частично связано с тем, что все обычные роды являются внутренне травматичными для плода. По мысли Б. Ротман, мать и плод рассматриваются в медицинской модели скорее, как «конфликтующая диада, чем единое целое»⁴¹⁴, а извлечение ребенка хирургическим путем – как единственная «спасительная милость» для ребенка («the baby's only saving grace»). На деле женщин после кесарева сечения, приводившего их в гнев и разочарование, приходилось убеждать, что они должны быть счастливы рождением здорового ребенка. Сосредоточенность внимания на результате родов игнорирует то, что женщина в равной степени может быть озабочена природой ее собственного опыта рождения.

⁴¹⁰ O'Driscoll K., Foley M. Correlation of Decrease in Perinatal Mortality and Increase in Cesarean Section Rates / Journal of the American College of Obstetricians and Gynecologists. 1983. № 6 (1). P. 5.

⁴¹¹ Niswander K.R. Obstetrics: Essentials of Clinical Practice. Boston, 1981. P. 207.

⁴¹² Martin E. Op. cit. P. 61.

⁴¹³ Weekes L.R. Cesarean Section: A Seven-Year Study / Journal of the National Medical Association. 1983. № 75(5). P. 476.

⁴¹⁴ Rothman B.K. In Labor: Women and Power in the Birthplace. N.Y., 1982. P. 48.

Феминистки нередко выступали против создания метафор, используемых для описания репродуктивных практик. В «Woman's Estate» Дж. Митчелл обращается к репродукции как «жалкому подражанию производству» («sad mimicry of production»)⁴¹⁵, подразумевая под материнством имитацию работы.

Язык, используемый женщинами в интервью с Э. Мартин, ярко передает образы, дающие представление об их теле и о них самих. Впечатления женщин, связанные с некоторыми медицинскими процедурами, проливает свет на особенности фрагментированного и отчужденного состояния, в котором пребывают женщины.

Так, при описании гинекологического экзамена («Gynecological Exams») превалирующей нитью становится тема вторжения, физического и эмоционального дискомфорта и разочарования. Дородовой уход («Prenatal Care») ассоциируется с рутинностью ежемесячных посещений врача, переживанием услышанного сердцебиения ребенка. Т. Ларкин (одна из информанток) фокусирует свое внимание на разнице восприятия услышанного впервые ею и ее супругом сердцебиения ребенка. Отсутствие у себя взволнованности в отличие от супруга Ларкин объясняет фигурой врача, который воспринимается как нежелательный посредник между ней и ее ребенком, без вмешательства которого она не способна услышать свой плод. Ларкин говорит о присутствии врача как о факторе потери своей независимости, лишении в данный момент права контроля над собственным ребенком. Плод как часть ее тела и как сфера ее обладания переживается в этой связи в разрыве с ней самой, что осознается как уязвимость ее женского существа, купирование ее зоны влияния.

Перевод из предродовой в родовую палату отождествляется у информанток с прерыванием процесса родов, что приводит пациенток в эмоциональное неравновесие. При этом вид спинномозговой анестезии, применяемой во многих родильных домах, делает женщину неспособной

⁴¹⁵ Mitchell J. Woman's Estate. N.Y., 1971. P. 108.

чувствовать свое тело, выключает ее из родового процесса, а действия медперсонала напоминают ей группу людей, смотрящих телевизор⁴¹⁶. Так, роды переживаются женщиной и как физическая, и как психологическая катастрофа, абсолютная эмоциональная дезориентация, потеря чувственного и ментального контроля над собой.

Гештальт-психолог П. Шильдер дает представление о случае разрушения образа тела, в частности, потери его целостности⁴¹⁷. Это расстройство происходит из личного опыта человека в ходе его психического развития в семье.

То, что женщины говорят о своих телах, позволяет нам, выйдя за пределы семьи, обратиться к особенностям социальной и культурной организации опыта, который также может повлиять на образ тела и привести к подобной внутренней фрагментации.

Для выявления форм разрыва и цельности Э. Мартин помещает центральный образ, используемый женщинами, в следующую формулу: «ваше «я» отделено от вашего тела», в следствие чего «ваше тело – это то, к чему нужно приспособиться или с чем бороться» («your self is separate from your body <...>. Your body is something yourself has to adjust to or cope with»⁴¹⁸. Женщины, которые испытывают серьезный менструальный дискомфорт, чувствуют себя в затруднении, приспособляясь к своему телу: «I was irritated by my body, I felt betrayed and angry»⁴¹⁹ (E. Yamada) («Меня раздражало мое тело, я чувствовала себя преданной им и злой»).

Э. Мартин говорит о диалоге с собственным телом как о психосоматической необходимости женщины в ее повседневной жизни: «It's really amazing. Your body tells you these things. Like, with not being able to sleep, I think, well maybe the baby's going to be getting up at this time anyway during the night, to get fed or whatever» (J. Moore) («Это действительно

⁴¹⁶ Martin E. Op. cit. P. 75.

⁴¹⁷ Schilder P. The Image and Appearance of the Human Body. L., 1935.

⁴¹⁸ Martin E. Op. cit. P. 77.

⁴¹⁹ Ibid.

потрясающе, когда ваше тело говорит с вами. Так, если вы не можете спать, то, возможно, в ближайшее время проснется ребенок, чтобы покормить его или т. п.»).

Нельзя не сказать о том, что атмосфера и процесс интервьюирования как такового становится для Э. Мартин неким третьим социальным пространством, замкнутым формально и воспринимаемым как отказ от привычных жизненных практик, и в то же время неограниченным в плане экспрессии, эмоциональных переживаний, насыщенного и неожиданного внутреннего опыта: «Doing a study based on interviews meant that I gave up the rich, multilayered texture of life that I would have experienced by living in a community or with a family. I tried to make up for that by participating in as many ongoing organizations as possible, such as organizations for childbirth education or for the prevention of cesarean section. <...> All of us doing interviews often felt swept away by them either exhilarated or cast down and the emotional effects lingered, as if we had had the most profound events of someone else's life shoehorned into our own»⁴²⁰ («Проведение исследования, основанного на интервью, означало, что я отказываюсь от богатой, многогранной жизни, которую испытала бы, находясь в обществе или с семьей. Я попыталась компенсировать это, участвуя в как можно большем числе действующих организаций, нацеленных на предродовые консультации или профилактику кесарева сечения. <...> Все из нас, кто проводил интервью, часто чувствовали себя смущенными, возбужденными или подавленными, с замедленной эмоциональной реакцией, как будто наиболее важные события чужой жизни вошли в нашу собственную»).

Дискомфорт, испытываемый Э. Мартин во время подготовки интервью обусловлен, как ей кажется, его недостаточной схожестью с прошлым опытом полевой работы, почерпнутой ею на Тайване, фрагментарностью, эпизодичностью и в какой-то мере абстрактностью, которые она ожидала получить от проводимых интервью, и в то же время

⁴²⁰ Martin E. Op. cit. P. 9.

обнаруживает в меньше степени. «Friendships developed not always, but often and when women I had interviewed invited me to an Easter egg hunt, a Christmas party, or to a rock band's performance of a song about premenstrual syndrome (PMS), it felt a lot like fieldwork of the traditional kind»⁴²¹ («Дружба [между Мартин и информантом – Л.Б.] завязывалась не всегда, но часто, и когда женщины, с которыми я беседовала, приглашали меня на “охоту” за пасхальными яйцами, Рождественскую вечеринку или на исполнение рок-группы песни о предменструальном синдроме (ПМС), это очень напоминало традиционную полевую работу»). При изменении внешнего формата исследовательской деятельности Э. Мартин продолжает и испытывает потребность пребывать в некоем континууме, напоминающем ей этнографическую лабораторию. Она интегрирует сферы своей активности, направляя их в профессиональный блок: продолжает общение с респондентками, отправляя им книги об интересующих их проблемах или отправляется в соседний университет на академическую конференцию по изучению женщин с участием местного специалиста по вопросам репродуктивных практик.

Таким образом, женский опыт, описываемый Э. Мартин, позволяет наметить некую формулу взаимодействующего со-бытия с телом: менструации, менопауза, роды и т. д. – это состояния, через которые проходит женщина, которые она переживает, но не действие, которые она совершает. В этом смысле тело и его телесный образ автономны, женщина как наблюдатель, зритель выходит за границы собственного переживаемого опыта, отказывается от роли непосредственного актора, оставляя за собой право контроля, право принимать свою физиологию, телесные сигналы и сообщения или же отвергать как инородные и враждебные.

⁴²¹ Martin E. Op. cit. P. 10.

§3. Транскультурные метафоры гендерного насилия в концепции Л.С. МакЧесни

Л.С. МакЧесни – американский антрополог, преподаватель Нью-Йоркского университета, куратор Антропологического музея Максвелла⁴²². Ее исследование фокусируется на материальной и выразительной культуре туземных народов. Работая на юго-западе США, МакЧесни изучает трансформацию туземного искусства в XX в., подчеркивая роль коренных знаний и художественного замысла в контексте критического осмысления западных институциональных практик. В течение почти 20-ти лет МакЧесни сотрудничает с одной из представительниц женщин-гончаров Хопи – К. Кахэ Чарли, разрабатывая проект культурного наследия для музея Пибоди, призванный преодолеть разрыв между объективным и эмпирическим гончарным знанием, еще не вписанным в культурный канон, изучая способы представления культурной памяти, запечатленной в гончарной эстетике Хопи⁴²³.

В своей работе «The Body Breaks: Narrating Child Sexual Abuse through Transcultural Metaphors of Bodily Dis-ease»⁴²⁴ МакЧесни изучает опыт травмы и ее последствия через аналогию с керамикой народа Хопи (индейская резервация Пуэбло на северо-востоке Аризоны), ставшей объектом ее изучения во время полевой работы среди женщин-гончаров в общине Меса. На основе западной теории «большого депрессивного расстройства», берущего начало из опыта насилия в детстве, МакЧесни изучает корреляцию понятий «cracked pot» (треснутый горшок) и «crackpot» (ненормальный), используемых в качестве культурных метафор для описания болезней

⁴²² Lea S. McChesney // N. Y. University. Department of Anthropology. URL: <http://anthropology.as.nyu.edu/object/anthroalumni.leasmcchesney> 27/04/16 (accessed: 14.01.2016).

⁴²³ McChesney Lea S. Museums and Antiquarian Anthropology: Past, Present, and Future // Practicing Anthropology. 2015. V. 37. № 3 (Summer). P. 66–67.

⁴²⁴ McChesney Lea S. Op. cit. P. 31–37.

взрослых, возникающих в результате «формирующей травмы»: опыта травматического сексуального насилия в детском возрасте.

Как правило, изучение телесности сосредоточено исключительно на человеческом теле как локусе опыта⁴²⁵. Этнографические исследования физической и эмоциональной травм, полученных в результате сексуального насилия, не столько сосредоточены на физическом воздействии последнего на тело человека, сколько обращены к «ментальному» здоровью: как, например, перенесшие насилие женщины заново переосмысливают свое существование, соотносят себя с миром, переживают свою автономность⁴²⁶.

В представлении женщин-гончаров Хопи процесс изготовления керамики является непосредственным отражением процесса социализации человека и его идентификации в обществе. Так, горшок, который не разогрет сперва в кухонной печи, станет негодным, т.е. неготовым для главного испытания жизни – появления в мире, и его можно будет использовать только в качестве черепка защитного покрытия для другого горшка при будущем обжиге. В соответствии с инструкцией опытных гончаров Месы, деформированные горшки не могут ни «звучать» в социальном взаимодействии с другими, ни самостоятельно циркулировать в мире, принося экономический прирост их изготовителям. Невнимательная обработка на первой ключевой стадии означает, что эти горшки будут иметь редуцированную или неполноценную социальную жизнь. По утверждению Л. МакЧесни, Хопи-концепция треснувшего горшка освещает опыт «физического разрушения» и «психического заболевания» с целью устраниваться от использования разговорного клейма «сумасшедший».

Абстрагируясь от вопросов культуры, класса, расы, поколений, географии и истории, МакЧесни сравнивает две дескрипции человеческого

⁴²⁵ E.g.: Csordas T.J. Embodiment and Experience: The Existential Ground of Culture and the Self. Cambridge, N.Y., 1994.

⁴²⁶ E.g.: Brison S.J. Outliving Oneself: Trauma, Memory, and Personal Identity // Feminists Rethink the Self. Boulder, 1997. P. 12-39; Winkler C. One Night: Realities of Rape. Walnut Creek, 2002.

опыта: описание разбитого объекта (горшка) и собственный опыт физического и психологического срыва, который она пережила во время получения своего докторского колпака на съезде Нью-Йоркского университета в 2003 г. Паника, бессвязная речь, фрустрация, агрессивность и раздражительность, лихорадка, бессонница, потеря аппетита, хроническая мышечная боль, также подозрительность и суицидальность – таково было терапевтическое описание ее нового «PhD статуса»⁴²⁷. Эта физическая и умственная недееспособность потребовала временной госпитализации и комплексной психиатрической помощи, результатом чего стало для нее чувство глубокого и непреходящего уныния.

Исследовательница отказалась от поступления в психиатрическое учреждение из-за опасений дальнейшей социальной изоляции и стигматизации. На фундаментально-научном уровне она ощущала, что главным фактором ее болезни послужило разочарование вследствие реализованного желания стать социально полезной.

Гончарные знания Хопи-женщин представляют собой как культурное, так и практическое понимание средств, необходимых для того, чтобы построить идеальные социальные существа, которые имеют применение далеко за пределами гончарных общин и их резерваций. В сущности, гончарное знание кодирует то, что человеческое тело претерпело от неучтенной детской травмы, как физической, так и психологической.

Хопи горшки фактически выявили и объективировали концепт о правильных социальных отношениях, которые создают и индексируют здоровое существование: акцент на тесном физическом и эмоциональном контакте в формировании социального существа, свободного от межличностной доминанты или давления; избежание телесных повреждений и внимание к их последствиям в случае травм; и роль выраженных эмоций для общественно-здорового существования. Чтобы описать внутренний мир керамики, гончары используют тот же язык, как и для предпочтительных

⁴²⁷ McChesney Lea S. Op. cit. P. 31.

общественных отношений, которые они оценивают как «закрытые». Закрытость в гончарном деле характеризуется физической близостью и индексируется коллективным настроением. Гончары говорят, что не могут заставить глину принять определенную форму, но вместо этого направляют ее своими умелыми руками. Гончар буквально вдыхает жизнь в свой горшок, помогая ему реализовать потенциал, заложенный в него глиной.

По мысли Л. МакЧесни, горшки Хопи трансформировали людей, а глина явилась средой для реализации человеческого творчества и генеративного потенциала, помимо всего тесно связанного с женским телом. Подобно детям, горшки рождаются женщинами путем обжига. По словам гончаров, горшок «рождается через огонь», чтобы стать «whole and beautiful as all our children»⁴²⁸ («цельным и красивым, как наши дети»). В буквальном и переносном смысле горшечной концепции глина исходит от Матери-Земли.

Несмотря на то, что горшки – результат женского труда, они гендерно нейтральные социальные существа, маркированные элементами человеческой анатомии: у них есть губы, рот, плечи, живот. Полноценный горшок также имеет свой голос: звонкий или глухой, который артикулируется через социальное взаимодействие. Немаловажно, как, подобно человеческому лицу, горшок показывает эмоции через «румянец», краску смущения («blush»). Особенность керамики раскрывается только в процессе технологической трансформации (обжига), которая находится за пределами человеческого контроля. Керамический «румянец» говорит о живом характере горшка и определяет степень его красоты. Для человеческого лица покраснение – скоропреходящий процесс, обнаруживающий эмоции. В культурном же теле керамики Хопи процесс обжига переносит внутреннее состояние существа к внешнему и фиксирует его в качестве перманентного. Румянец изделия демонстрирует положительный результат нравственной работы. Гончарные знания Хопи кодируют культурное созревание общественного существа, его правильную

⁴²⁸ McChesney Lea S. Op. cit. P. 32.

подготовку к вступлению в мир в жизнеспособной форме, на основе которой можно создать новые. Желаемый золотой окрас готового горшка является как результатом, так и проявлением теплой эмоциональной реакции, воспроизводя и обеспечивая непрерывность этого чувства во времени и пространстве.

Через критико-эстетическую особенность «смущения» культурное тело горшка Хопи выстраивает концепцию идеального социального существа, чья материальность обнаруживает перманентные положительные эмоции как константу его существования. Хопи горшки предоставляют иной способ рассказать о человеческом бытии и являются альтернативной формой выражения жизнеспособного социального присутствия. В концепции Хопи, эмоции, особенно пылкие, теплые, являются важной характеристикой феноменологического присутствия в мире, которая стимулирует социальное взаимодействие и усиливает межсубъектные связи. Проявление теплых чувств, которые способствуют общительности, является индикатором физического здоровья, как для человека, так и для коллектива. Основываясь на аналогии Хопи, на месте термина «психическое здоровье» более уместным будет употребление понятия «эмоциональное здоровье». По мысли Л. МакЧесни, более широкое применение этой терминологии может привести к снятию уничижительного ярлыка «психического заболевания» и его разговорной снисходительной формы «ненормальный».

Женщины Хопи готовят этот культурный организм, совсем как личность в его непосредственной социальной сети, к возможной травме как физическому и эмоциональному опыту, так как физическая недееспособность (трещина или раскол) несет эмоциональную потерю: из-за неспособности горшка звенеть, он становится негодным и «недоразвитым», и усилия даже самого лучшего гончара не смогут обеспечить его потенциалом для достижения успешной социальной жизни. Тем не менее, несмотря на любые недостатки, это существо будет социализировано, так как хопи утверждают, что ни горшки, ни люди не должны остаться одинокими. Гончары заботятся

о последствиях неблагоприятного или травматического опыта на формирующих этапах жизни и их длительном воздействии на здоровье и целостность не только личности, но и всего коллективного организма.

Гончары должны обрабатывать внутренние стенки горшка так же тщательно, как и внешние. Плохо обработанная глина или отсутствие внимания ко всем этапам «созревания» сосуда приведет к появлению тонких трещин или полной потере изделия при обжиге. Это потеря не только отдельного объекта, но, что более важно, социального тела в большом пространстве гончарной цепи, а также потенциальной возможности установления более широких социальных отношений, так как, по словам мастеров, гончарное дело соединяет тебя с другими, являясь своего рода центром социализации.

Тем не менее, даже несовершенный горшок со смазанной поверхностью или трещиной играет важную роль, устанавливающую социальные отношения. Треснутые горшки преподносятся в качестве подарков и используются в локальном контексте, а не утилизируются в результате их изъянов. Признавая интенсивность труда и риск потери в каждом горшке, члены общины ценят их очень высоко, сознавая, что люди не должны стремиться к совершенству.

Так, поврежденный горшок стал для исследовательницы подарком со стороны К. Черни в знак дружбы и расширение социального мира последней путем вовлечения МакЧесни в его эстетику. «Треснутые горшки» как личность, которую они воплощают, остаются неотъемлемой частью общественной жизни Месы. Несмотря на их несовершенства эти горшки воплощают культурные ценности, которые пробудили их к жизни.

Подобной жизненной «хрупкости» подвержены и социальные существа, перенесшие грубую обработку на первой стадии своего изготовления, иначе говоря, дети, подвергшиеся сексуальному насилию, обретают трещину, которая вырывает их из социально безопасного

социального контекста, оставляя хрупкие жизни незрелыми для общественного существования.

Л. МакЧесни называет сексуальное насилие над детьми (CSA) межличностным, микрополитическим насилием, что предполагает несправедливость со стороны власти, приводящую к принуждающей деятельности сексуального характера. Согласие ребенка невозможно не только из-за возраста или социального и эмоционального созревания, но, что более важно, из-за асимметрии власти. Эксплуатируя уязвимость еще не сформировавшегося общественного существа, насилие разрушает сердце межличностных отношений⁴²⁹.

Чувство раздробленности своего существования является нормативным явлением для взрослых, которые испытали сексуальное насилие в детстве, но не все, кто это пережил, воспринимают насилие как травму. Что же отличает детский опыт травмы? Любая травма является «a subjectively structured form of knowledge that is intersubjectively experienced»⁴³⁰ (субъективно структурированной формой знания, то есть интерсубъективным опытом). Для взрослых потерпевших травма подразумевает полную потерю себя посредством абсолютного контроля со стороны другого, в результате чего возникает чувство эмоционального, когнитивного и физического потрясения⁴³¹. Травма включает в себе двойственность сознания и тела, выдвигая на передний план повышенное эмоциональное сознание. Как указывает К. Винклер, «burying the trauma delays and magnifies [the] landmines of horror» (погребение травмы, задерживая, усиливает действие мин страха),

⁴²⁹ Mullen E., Fleming J. Long-term Effects of Child Sexual Abuse // Child Abuse Prevention. 1998. Is. 9.

⁴³⁰ Giller E. What Is Psychological Trauma? // Sidran Online. URL: <http://www.sidran.org/whatisa trauma.html>, accessed October 17, 2006 (accessed: 14.04.2016); Winkler C. Rape Trauma: Contexts of Meaning // Embodiment and Experience: The Existential Ground of Culture and Self. Cambridge, N.Y., 1994; Kleinman A., Kleinman J. Suffering and Its Social Transformation // Writing at the Margins: Discourse Between Anthropology and Medicine. Berkeley, 1995. P. 101.

⁴³¹ Giller E. Op. cit.

имплантируемых в тело и сознание через травматический опыт⁴³². Травматические эффекты часто кумулятивны, поэтому повторные случаи насилия в детском возрасте обнаруживают более серьезные виды психического расстройства во взрослой жизни⁴³³.

CSA нарушает ход развития общественного организма и угрожает формирующейся целостности его личности, так как ребенка принуждают молчать не столько его обидчики, сколько социальная скованность из-за того, что публика наклеит на него ярлык сексуально неполноценного члена общества. Грубая сила, побуждающая к этому молчанию и лишаящая ребенка его субъективности, накладывает жестокий урок во взрослой реальности, где царят иерархия и субординация. Это те понятия, с помощью которых ребенок приходит к пониманию жизни и вхождению в мир. В то время как взрослые в результате травм испытывают замедление привычного хода жизни⁴³⁴, травматический опыт насилия в детстве знаменует ее остановку: «Their whole experience of identity and of the world is based upon expectations of harm and abuse»⁴³⁵ (весь опыт формирования их идентичности и своего места в мире основывается на ожиданиях ущерба и жестокого обращения). Эта травма ставит под угрозу то основание, на котором зиждется возможность стать самостоятельной и самодостаточной личностью.

Единичные и даже многократные случаи насилия могут не осознаваться ребенком как травматические. Если эмоционально абстрагироваться, ребенок может думать, что это унижительное обращение является средством получения признания. Происходящее является травматическим в случае отсутствия эмоционально благоприятного контекста, в котором можно артикулировать свой страх. Чем больше социальная изоляция и чувство стыда, тем сильнее парализует травма и

⁴³² Winkler C. One Night...

⁴³³ Giller E. Op. cit.

⁴³⁴ Scarry E. The Body in Pain: The Making and Unmaking of the World. N.Y., Oxford, 1985. P. 9.

⁴³⁵ Giller E. Op. cit.

большая вероятность того, что ребенок столкнется с нарушениями в процессе созревания: «Eventually, often in the third or fourth decade of life, the defensive structure may begin to break down ... The facade can no longer hold, and the underlying fragmentation becomes manifest. When and if a breakdown occurs, it can take symptomatic forms that mimic virtually every category of psychiatric disorder. Survivors fear that they are going insane or that they will have to die»⁴³⁶ (в конце концов, часто на третьем или четвертом жизненном десятилетии защитная конструкция начинает разрушаться... Фасад больше не держится, и лежащая в основании раздробленность становится явной. Когда происходит разлом, он может принимать симптоматические формы, которые имитируют фактически каждую категорию психических расстройств. Оставшиеся в живых опасаются, что они сойдут с ума или что им придется умереть). Дети и затем взрослые, испытавшие CSA, замыкаются как через структурные элементы общества, так и через обесценивание эмоционального фона человека в американском культурном пространстве. Употребляя термин «crackpot» (ненормальный) мы указываем на существо, которое сломано, социально подавлено и не имеет определенного эмоционального статуса, тем самым стигматизируя это хрупкое существо и урезая его социальный потенциал.

Как отмечает С. Брисон, для понимания феномена травмы не достаточно рассказать о ней: нужно выразить ее через краски или запечатлеть на пленке, чтобы другие могли видеть или слышать ее в целях собственного выживания⁴³⁷. Л. МакЧесни акцентирует, что этнография конструирует знания не исключительно в диалоге, но путем соматического включения и использования физических, когнитивных и эмоциональных способностей в многочисленных аспектах, о которых исследователь может не подозревать во время полевых работ – то, что антрополог А. Гримшоу

⁴³⁶ Herman J. Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence - from domestic abuse to political terror. N.Y., 1992. P. 114.

⁴³⁷ Brison S.J. Op. cit. P. 29.

называет методологией, описывающей «embodied ways of working»⁴³⁸ (воплощенные способы работы). Этнографические основания заключаются не только в познании, но и в соматическом представлении и эмотивном содержании, которые могут происходить как из диссонанса и столкновения культурных ценностей, так и из аналогии с подобным опытом⁴³⁹. Даже когда аналогии сделаны, они могут лежать на более глубоком уровне, чем предполагалось, а понимание «туземной точки зрения» может иметь глубинные основания для самопонимания.

В этом смысле определяющим для понимания работы Л. МакЧесни оказывается для нас ее непосредственный личный опыт, а именно факт сексуального насилия, пережитого ею в детстве: «Through reflexive ethnography, I now comprehend that the study of Hopi pottery brought my experience of early, or what I call formative, emotional and physical trauma through child sexual abuse to the fore, causing me to relive and rethink my childhood; it also provided the means to articulate traumatic experiences that I previously lacked as a result of repression. My ethnographic observations, attention to potters' language, and participation in the intimate actions of making a pot engaged my largely numbed and self-alienated "somatic modes of attention" (Csordas). Research followed by writing awakened first my body and then my mind to the "permanent mark" left by an earlier "visceral response to trauma and terror" (Winkler), revealing the unseen cracks in my being I had unwittingly carried throughout my life. I was also newly confronted with the adolescent experience of threats to my existence from sexual violence by the somatic reality of my developing daughter. Confronted with her approaching adolescence and sexual florescence, what had been a shaming secret could no longer be relegated wholly to my unconscious mind»⁴⁴⁰ (благодаря рефлексивной этнографии я поняла, что изучение гончарного дела Хопи вывело мой опыт ранней или,

⁴³⁸ Anthropologies of Art. The Clark Conference notes, 25-26 April 2003. New Haven, 2003.

⁴³⁹ Cf. Meneley A. Analogies and Resonances in the Process of Ethnographic Understanding // Ethnos. 1998. № 63(2). P. 202–226.

⁴⁴⁰ McChesney Lea S. Op. cit. P. 32.

как я ее называю, формирующей, эмоциональной и физической детской травмы на первый план, что заставило меня вновь пережить и переосмыслить свое детство; также это предоставило средства описать и сформулировать травматические переживания, нехватку которых я испытывала ранее как результат подавленности. Мои этнографические наблюдения, изучение языка гончаров, а также участие в сокровенных действиях по изготовлению керамики пробудили мои онемевшие и отчужденные «соматические механизмы восприятия» [Csordas]. Исследования вызвали к жизни мое тело, а затем и мой разум к «перманентной оценке», оставленной более ранним «подсознательным ответом на травму и террор» [Winkler], выявили невидимые трещины в моем существе, которые я невольно пронесла через всю жизнь. Я снова столкнулась с подростковой угрозой насилия через соматическое развитие моей подрастающей дочери. Столкнувшись с ее приближающимся взрослением и сексуальным расцветом, то, что было постыдной тайной, не могло больше отсылать к моему подсознанию). На тот момент, когда Л. МакЧесни изучала керамику Хопи, она еще не была матерью⁴⁴¹. Изучение гончарного дела сделало ее более чувствительной к соматическим тонкостям формирования и доведения до совершенства нового социального существа.

Полевая работа дала МакЧесни знания, непосредственно связанные с ее травмой, знания о том, как противостоять этому опыту посредством альтернативного культурного осознания, дала средства, чтобы переосмыслить свои травматические переживания детства. «My ethnographic authority stems as much from the somatic knowledge that remained within my body, unavailable to my conscious mind until after I had both become a mother (and thus newly engaged with my body) and completed my dissertation, as from the cognitive, analytical tools by which I processed my data and fieldwork experiences»⁴⁴² (мои этнографические положения вытекают не столько из

⁴⁴¹ McChesney Lea S. Op. cit. P. 36-37.

⁴⁴² Ibid. P. 34.

соматических знаний, оставшихся в моем теле и недоступных моему сознанию до тех пор, пока я не стала матерью (и, таким образом, вновь воссоединилась с моим телом) и не закончила свою диссертацию, сколько из познавательных, аналитических инструментов, с помощью которых я обрабатывала мои данные и опыт полевой работы). Исследовательница отмечает настойчивость женщин Хопи, побуждающих ее учиться ценить керамику, так как «they do awakened me to the impoverished emotional dimension of my existence»⁴⁴³ (они разбудили меня от моего убогого эмоционального существования). Полевая работа становится для Л. МакЧесни не столько изучением керамического искусства Хопи, сколько формой переживания и переосмысления себя. Ее участие в жизни Месы, духовная близость с людьми, которые ее окружали (такие как Карен Кахэ Чарли, Вилмер Кавена, ее «Хопи-отец»), которые делили с ней свою жизнь, свою мудрость, – все это позволило МакЧесни реабилитировать себя в мире, продолжить «себя», ощущая сопричастность и нужность этому миру.

В то время как гончары утверждают, что горшок не может быть переделан после обжига, рассказы от лица уцелевших в угрожающих жизни обстоятельствах показывают, что они могут переделать – даже пережить – себя после травмы⁴⁴⁴. Эта само-реконструкция включает в себя моделирование повествования о своем опыте и представление его эмпатической аудитории для того, чтобы восстановить собственное благополучие. Пережившие травму во взрослом возрасте могут противостоять как самой травме, так и психологической дискриминации, борясь за рекламу в условиях перенесенных последствий насилия. В отличие от травмы зрелого социального организма, пережившие травматический опыт в детстве должны вновь установить свой социальный статус в телесной и эмоциональной целостности.

⁴⁴³ McChesney Lea S. Op. cit. P. 34.

⁴⁴⁴ Brison S.J. Op. cit.

Таким образом, антропологический урок керамики Хопи – это этнографическое знание, подобное глине, из которой вылепляются жизненные формы, оно обеспечивает средства к расширению межкультурного понимания феномена травмы. Более того, это знание обеспечивает основание для поддержания жизни: переосмысления, воплощения и выражения целостности бытия-в-мире.

ГЛАВА III. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ЖЕНЩИН-УЧЕНЫХ, ИЗУЧАЮЩИХ АНТРОПОЛОГИЮ АВСТРАЛИИ И ЗАПАДНОЙ АЗИИ

§1. Пространство социальной репрезентации как предмет изучения женщин антропологов США

Женщины-антропологи не перестают испытывать интерес к вопросам позициональности, формирования научного познания и влияния этих факторов на этнографическое описание и природу антропологического знания. Развивая тему «инсайдеров» и «аутсайдеров» в этнографии, некоторые из них задаются вопросом о том, насколько в целом правомерно говорить о наличии в антропологии настоящего исследователя-«инсайдера»⁴⁴⁵. Многие в своих исследованиях применяли экспериментальные стратегии повествования с целью передать сложное пересечение голоса этнографа и информанта⁴⁴⁶. Другие исследовательницы обращались к вопросам антропологической эпистемологии, ставя под сомнение саму природу этнографических данных и способы, которыми этнография делает их объектом научного исследования⁴⁴⁷.

⁴⁴⁵ Abu-Lughod L. A Tale of Two Pregnancies. In *Women Writing Culture...* P. 339–349; Altorki S. El-Solh C. *Arab Women in the Field: Studying Your Own Society*. Syracuse, 1989; Lewin E. *Writing Lesbian Ethnography*. In *Women Writing Culture...* P. 322–335; Narayan K. How Native is a “Native” Anthropologist? // *American Anthropologist*, 1993. V. 95/3. P. 671–686.

⁴⁴⁶ Behar R. *Translated Woman: Crossing the Border with Esperanza’s Story*. Boston, 1993; Idem. *The Vulnerable Observer: Anthropology that Breaks your Heart*. Boston, 1996; Chin S. *Doing What Had to be Done: The Life Narrative of Dora Yum Kim*. Philadelphia, 1999; Frank G. *Venus on Wheels: Two Decades of Dialogue on Disability, Biography, and Being Female in America*. Berkeley, 2000; Kondo D. K. *Crafting Selves: Power, Gender, and Discourses of Identity in a Japanese Workplace*. Chicago, 1990; Lepowsky M. *Fruit of the Motherland: Gender in an Egalitarian Society*. N. Y., 1993; Tsing A. Lowenhaupt. In the Realm of the Diamond Queen. Princeton, 1993.

⁴⁴⁷ Krasniewicz L. *Nuclear Summer: The Clash of Communities at the Seneca Women’s Peace Encampment*. Ithaca, 1992; Wolf M. *A Thrice-Told Tale: Feminism, Postmodernism, and Ethnographic Responsibility*. Stanford, 1992.

Центральным пониманием, возникшим из нового направления, явилось признание неустойчивости и непостоянства объектов, представляющих перманентный, существовавший на протяжении долгого времени антропологический интерес, включая такие фундаментальные тематические блоки, как социальные и национальные границы, а также расовые и сексуальные дефиниции. Физические ощущения, боль, сексуальность и другие телесные проявления, которые когда-то считались первичными, занимают в новых условиях резонирующую позицию. Еще в большей степени децентрализацию и сдвиг антропологической оптики претерпевает область такого глубинного, мистифицированного явления, как любовь, в частности материнская, которой женщины-антропологи придают в своих исследованиях случайный, условный характер.

В этой связи для культурной антропологии характерно усиление продолжающейся дискуссии о неубедительности, неустойчивости этнографического результата, его подверженности критике и опровержению, неизбежной политической природе различных форм этнографической репрезентации, путях вынужденной вовлеченности антрополога в разного рода конъюнктуры.

Долгое время феминистский ракурс в антропологии был направлен на выявление статуса позиции наблюдателя, его когнитивных способностей. Феминистская антропология стала тяготеть к более разнообразным видам профессионального самовыражения, делая наблюдателя частью повествования, используя различные жанры экспрессии и призывая к большему количеству экспериментов с формой. Вместе с требованием видимости для женщин, представительниц той или иной культуры, подразумевалось и требование видимости для автора, описывающего эту культуру. Глубинный дискомфорт женщин-антропологов относительно позиции всеведущего наблюдателя не только отражает их профессиональные

опасения, но и дает представление о том влиянии и ответственности исследователя, которые формируют темы, информационные модули и конкретные формы репрезентации.

Прочно закрепившись как научное направление в XXI в., феминистская антропология обозначила свою интеллектуальную позицию и те области исследования, которые обязаны своим существованием женщинам-антропологам. В определенном смысле исследования в феминистской парадигме расширили понимание подходов к изучению мужчин и мужественности, пересматривая формы мужского доминирования и ставя под сомнение устоявшиеся представления о гендерной стратификации⁴⁴⁸.

Появление того, что получило название квир-антропологии («queer anthropology»), также черпало свое обоснование в феминистском научном дискурсе. Определенное значение в этом направлении имела работа «Mother Camp» Э. Ньютон (1972), основанная на исследовании, проведенном в 1960-х гг. среди танцовщиц ночных клубов. Оно было инспирировано как личной увлеченностью Э. Ньютон изучением нетрадиционных культурных форм, так и ее участием в женском движении 1960-х – 1970-х гг. Затем последовали другие этнографические исследования среди представителей нетрадиционной сексуальной ориентации от сюжетов этноистории⁴⁴⁹ до исследований системы родства и семьи⁴⁵⁰. Некоторые авторы сосредоточились на актуальных дискурсах, вызванных проблемами

⁴⁴⁸ Gutmann M. C. *The Meanings of Macho: Being a Man in Mexico City*. Berkeley, 1996; Passaro J. *The Unequal Homeless: Men on the Streets, Women in their Place*. N. Y., 1996; Townsend N. W. *The Package Deal: Marriage, Work, and Fatherhood in Men's Lives*. Philadelphia, 2002.

⁴⁴⁹ Kennedy E. Lapovsky, Davis M. D. *Boots of Leather, Slippers of Gold: The History of a Lesbian Community*. N. Y., 1993; Newton E. *Cherry Grove, Fire Island: Sixty Years in America's First Lesbian and Gay Town*. Boston, 1993.

⁴⁵⁰ Lewin E. *Lesbian Mothers...*; Idem. *Recognizing Ourselves: Ceremonies of Lesbian and Gay Commitment*. N. Y., 1998; Weston K. *Families We Choose: Lesbians, Gays, Kinship*. N. Y., 1991.

СПИДа⁴⁵¹, прав сексуальных меньшинств⁴⁵², динамики моделей сексуального разнообразия⁴⁵³

Несмотря на воздействие ряда интеллектуальных течений на феминистскую антропологию, отдельные, заявленные как центральные, проблемы продолжают характеризовать ее в качестве отдельной области. При этом она пребывает в состоянии «постоянной боевой готовности», в связи с тем, что, как заметила М. Стратерн, две области, составляющие ее – феминизм и антропология – в некоторой степени обречены на «неловкие отношения» («awkward relationship»), объясняя это тем, что антропология понимает себя с точки зрения своего крайнего интереса к Другому, в то время как феминизм постоянно ставит под сомнение жизнеспособность самого феномена отчуждения, любого состояния или опыта изоляции от группы или деятельности, к которой нужно принадлежать или в которую быть вовлеченным. Феминистские антропологи искали решение этих вопросов и внутри дисциплины, и в отстаивании позиций межкультурных стратегий релятивизма.

§2. Соотношение мужского и женского повседневного опыта в изучении бытовых практик (на примере описания быта женщин Северной Австралии Дж. К. Гудэйл)

Дж. Картер Гудэйл (1926–2008) – американский антрополог, писательница, фотограф, деятельность которой была направлена на

⁴⁵¹ Carrillo H. The Night is Young: Sexuality in Mexico in the Time of AIDS. Chicago, 2002.

⁴⁵² Manalansan M. F. Global Divas: Filipino Gay Men in the Diaspora. Durham, 2003.

⁴⁵³ Blackwood E., Wieringa S. E., eds. Female Desires: Same-Sex Relations and Transgender Practices across Cultures. N. Y., 1999; Lewin E., Leap W. L., eds. Out in the Field: Reflections of Lesbian and Gay Anthropologists. Urbana, 1996; Valentine D. 2003. “The Calculus of Pain”: Violence, Anthropological Ethics, and the Category Transgender. Ethnos. 2003. V. 68. P. 27–48.

привлечение внимания к роли женщин в Океании и Австралии через обширные этнографические исследования. Будучи автором и соавтором многочисленных книг и статей, наиболее важные из которых «Tiwi Wives» (1971), «Sing with Pigs Is Human» (1995), «The Two-Party Line» (1996), она внесла вклад в область изучения социальной роли женщин, а также в развитие современной этнографии. Дж. К. Гудэйл изучала культурные обычаи, вопросы этнической и гендерной идентичности, гендерных отношений, системы брака, ритуальной жизни. Работа Дж. Гудэйл «Tiwi Wives: Study of the Women of Melville Island, North Australia», рассматривающая ритуальную жизнь женщин Тиви, стала классической в области изучения культуры австралийских женщин⁴⁵⁴.

Среди народов Тиви Северной Австралии считается, что женщина рождается и умирает исключительно в качестве жены. Существует две категории жен, такие как «ningyuka» (выбирается единственной) и «taramaguti» (первая жена). Дж. К. Гудэйл рассматривает эти категории и их преобразование в течение второй половины XX в., показывая, что экономический «household» (семейная единица) с ранних этапов остается по-прежнему социально важным институтом. Во главе успешного современного хозяйства часто стоит старшая женщина (в браке или вдова). Дж. К. Гудэйл исследует, как современное хозяйство функционирует под руководством старшей женщины и обеспечивает удовлетворительное существование и поддержку для всех членов общества.

Автор сосредоточена на жизненном пути женщин Тиви с изложением изменений в их социальной роли. По ее мнению, влияние женщин Тиви происходит от двух источников: возраст и гендерно-предписанные обязанности, которые координируют роли, назначенные мужчинам, а не конкурируют с ними.

⁴⁵⁴ Jane Goodale Papers // Online Archive of California. [Electronic resource]. URL: <http://www.oac.cdlib.org/findaid/ark:/13030/kt396nc71c/> (accessed: 01.05.2015).

В 1950–1990-е гг. до переезда в постоянные поселения представители Тиви предпочитали проживать на территории, в которой были похоронены их отцы и деды. Члены этой территории проживали в одном из «*tabuda*», или лагере, образуя «*households*». Такой лагерь мог состоять из одного мужчины или пятидесяти с лишним лиц: мужчина, его жены, их дети, супруги детей, другие резиденты⁴⁵⁵.

«*Household*» был единым экономическим объединением с функцией гендерного разделения труда: «*gendered division of labor was predicated on the assumption that all women were primarily responsible for the well-being of their households, and by extension, the society, while all men were primarily responsible for effecting the transference of individuals members of the household (and tribe) through the major stages of existence*»⁴⁵⁶ («гендерное разделение труда было основано на предположении, что все женщины несли прежде всего ответственность за благополучие их семьи и, шире, общества, в то время как все мужчины были ответственны за прохождение членами семьи (и племени) через основные этапы существования, закреплённые ритуальной практикой»). Гудэйл указывает на половую дифференциацию разделения труда как на институт, закрепляющий социальный статус мужчины и женщины в оппозиции материальное/духовное, отводящей женщине традиционную сферу быта и семьи, мужчине – религиозной деятельности.

Мужчины отвечали за физиологическую трансформацию молодых, неполовозрелых девочек («*alinga*») в женщин («*muringaleta*»), также за проведение ежегодного ритуала «*kulama*» (ямс), в котором молодым женатым мужчинам и женщинам передавалось первоначальное знание основного порядка вселенной (миропонимание). Ритуал организовался по инициативе мужчин и происходил в присутствии и при помощи женщин и детей. Ритуал превращения живых *Tiwi* в умерших предков («*mobuditi*») также проводился во главе с мужчинами, но с помощью ритуально сведущих

⁴⁵⁵ Goodale J.C. Op. cit. P. 134.

⁴⁵⁶ Ibid.

женщин, что свидетельствует о неполном исключении женщин из сферы религиозного опыта.

В системе брачных отношений женщины Тиви «отдавались» замуж до их рождения. Мужчина мог договориться о потенциальной (обещанной) жене (или женах) через предварительные «инвестиции» в семью ее матери, она, в свою очередь, обещала отдать за него замуж всех детей женского пола. Мужчины работали на своих «mothers-in-law» (теща) на протяжении всей жизни последних.

Среди мужчин Тиви приобретение нескольких жен было своего рода амбицией. Мужчины соревновались и вели переговоры между собой, некоторым удавалось к концу жизни приобрести около ста жен.

Жизненная модель женщин Тиви была обусловлена рождением в семье, состоящей как минимум из ее родителей, максимум – из ее отца и его жен, бабушки, братьев, сестер и ее будущего мужа. Девочка обучалась родителями и другими взрослыми в первые десять лет или далее. После обретения брачного статуса женщина пребывала в одной из категорий жен: «ningyka» и «taramaguti».

Ningyka выступает в качестве «обещанной» («promised wife»)⁴⁵⁷ жены, которая обязана следовать за мужем абсолютно везде, вплоть до отправления биологических нужд. Она могла есть только еду, данную ей мужем, не могла смотреть на других мужчин. В качестве результата подобной практики Гудэйл приводит один из примеров ningyka – душевнобольной женщины-вдовы. В течение долгого времени после смерти мужа она бродила по кустам, охотясь и собирая продукты, по-прежнему ощущая себя в его обществе и разговаривая с ним.

Дж. К. Гудэйл рассматривает эту категорию жен как условность, считая, что такое ограниченное существование для женщины представляется маловероятным. «Perhaps the category existed in the eyes of the men only as an

⁴⁵⁷ Goodale J.C. Op. cit. P. 137.

ideal type»⁴⁵⁸ («Возможно, эта категория существовала в глазах мужчин только как идеальный тип»). В данном случае автор выступает от лица женщин, но того общества, в котором она воспитана и сформирована как личность с определенным набором ценностей и понятий. «Should a ningyuka take a lover, – говорит она, – she was no longer considered a ningyuka»⁴⁵⁹ («В случае, если ningyuka заведет любовника, она уже не считается ningyuka»). Очевидно, что Гудэйл склонна применять «свой» культурный код к оценке «другого» и рассматривать статус ningyuka как форму ущемления женской свободы, что, в свою очередь, говорит не столько об отсутствии объективного восприятия «иного», сколько о способности исследовательницы переживать «другое» как «свое», осмыслять иные культурные процессы через призму некоего женского универсума, существующего автономно от культурных границ.

Эту мысль подтверждает тот факт, что молодые и среднего возраста жены Тиви часто брали молодых возлюбленных, реализуя тем самым модель внебрачных отношений, которая установилась на уровне местных поверий о Биме, жене культурного героя Пурукупали. Согласно им, Бима и ее любовник Тьяпара (Луна) условились о встрече, при этом Бима оставила своего малолетнего сына в лагере. Когда взошло солнце и Пурукупали вернулся с охоты, он обнаружил, что его сын умер от горячих лучей полуденного солнца. Тьяпара предложил взять мертвого мальчика и вернуться с ним живым в три дня. В ответ Пурукупали убил Луну. Затем вошел с телом своего сына в море и заявил, что отныне все Тиви умрут и никогда не вернуться⁴⁶⁰.

Данная легенда имплицитно демонстрирует стремление и мужчин, и женщин к проявлению свободы в сфере интимного пространства. Более того, в этом стремлении они принимают на себя одну роль, о чем говорит имя

⁴⁵⁸ Ibid. P. 138.

⁴⁵⁹ Goodale J.C. Op. cit P. 139.

⁴⁶⁰ Ibid.

возлюбленного Бимы – Луна (воплощение женского начала). Факт угнетения женщины обретает в этом контексте форму соития женского и мужского проявлений, оказывающихся под доминантой патриархатного строя.

Сами Тиви интерпретируют этот эпизод как обоснование внебрачных связей. Когда женщина беременеет, плод автоматически признается ребенком ее текущего мужа, независимо от того, какой сексуальный партнер его зачал. Таким образом, в их культуре не было внебрачных рождений.

Успешное семейное регулирование, как правило, возглавляется замужней (или овдовевшей) старшей женщиной и ее мужем. Семейный блок состоит из нескольких нуклеарных единиц и работает в соответствии с «курсом», направляемым старшей женой – *taramaguti*. В ее обязанность входит обеспечение удовлетворительных условий жизни и поддержка всех жителей, зависящих от нее. В целях эффективного использования талантов и навыков всех возрастных групп, проживающих в семье, ее прерогатива – назначение ежедневных задач для молодых мужчин и женщин. Ее муж может быть значительно моложе, чем она, но если он старше, он берет на себя скорее политические и религиозные обязанности, чем экономические.

Находясь во главе большой семьи, *taramaguti* могла давать поручения всем женщинам относительно задач, которые они должны выполнять (например, вид продуктов, место и время их сбора, принципы ухода за детьми и т. д.).

Некоторые *taramaguti* были оценены со стороны младших жен как мощные и жесткие женщины, почти диктаторы (которые проводят весь день в лагерь, в то время как молодые жены и дети собирают еду). Другие *taramaguti* были охарактеризованы как добрые и заботящиеся обо всех членах семьи. Очевидно, этот статус влечет за собой уважение за счет реализации большого личностного потенциала, заключенного в праве направлять других, но уравнивается ожиданием того, что наряду с «эксплуатацией», он несет ответственность за пожилых и всех нуждающихся в помощи.

С возрастом женщины обретали больший вес и право голоса, могли выбирать подходящего претендента на роль следующего мужа, как, впрочем, и внебрачного партнера.

Ориентация Дж. К. Гудэйл на вхождение в изучаемую культуру, принятие ее самобытности как данности ясно проявляется в сравнении с историческим прошлым, опытом миссионеров, к которому апеллирует этнограф. Когда в 1911 г. на остров Батерст прибыл Орден Святого Сердца, они рассматривали обычай приобретения несовершеннолетних жен зрелыми 50-ти и 60-тилетними мужчинами как разгул разврата и приступили к пресечению этой практики. Для Гудэйл как исследовательницы неприемлема подобная оценка культурной традиции: «I do not believe that he (Father Gzell. – Л. Б.) or the missionaries following ever really understood the key importance of the girl's puberty (muringaleta) ritual to the orderly working of the Tiwi marriage system»⁴⁶¹ («Я не верю, что он (отец Гзелл. – Л. Б.) или следующие миссионеры действительно никогда не понимали ключевое значение ритуала полового созревания девушки в строго упорядоченной системе брака у Тиви»). В приемлющем «другое» сознании Дж. Гудэйл любой культурный факт имеет свое особое место и назначение, он не может иметь деструктивной направленности, так как встроен в культуру как неотъемлемая часть ее системы.

На этапе 1950–1995 гг. изменения в жизни женщин Тиви произошли в сочетании большого христианского влияния и, что более важно, усиления вовлечения в западное образование, профессиональной подготовки и достижения гражданства для всех слоев населения. Это явилось результатом деятельности Содружества по финансированию социального обеспечения в 1950, 1960-е гг. и в середине 1970-х гг., а также получения аборигенами права на землю.

Наиболее существенным изменением в характере брака у современных Тиви было почти полное подавление полигамии в качестве

⁴⁶¹ Goodale J.C. Op. cit. P. 141.

приемлемой формы образования семьи. Результатом явились ранние браки между подростками от 15–17 лет и, соответственно, ранняя беременность для девочек. Брак в таком раннем возрасте оказал влияние не только на становление юных женщин, но в равной степени на феномен преждевременного отцовства («premature young fathers»)⁴⁶². В прошлом мужчина не женился по крайней мере до тридцати лет, когда он мог быть социально ответственным отцом. Сегодня для многих молодых мужей отцовство (социальное и биологическое) является задачей, для которой у них нет модели для подражания. В более раннее время в семье роль молодого мужчины как зятя, мужа и отца всегда была под контролем матери и отца его жены и других родственников, что обеспечивало ему обретение важного жизненного опыта.

Кроме того, браки многих молодых пар неустойчивы и склонны к конфликтам. Женщины в современной небольшой семье теряют влияние, утрачивается статус *taramaguti*, учащаются случаи насилия со стороны мужчин.

В современном обществе экономическая жизнеспособность семьи Тиви зависит от наличия заработной платы или различных социальных выплат. Одной из стратегий дополнительного заработка являются азартные игры на деньги. При этом играют женщины всех возрастов («hunt for money»⁴⁶³ – «охота на деньги», как они говорят), начиная учиться сложностям и тонкостям игры в раннем подростковом возрасте. Они считают азартные игры важным средством поддержания жизнеспособности семьи. Мужчины также вовлечены в эту практику, однако их участие является спорадическим, случайным.

Женщины в возрасте пятидесяти лет и старше считаются лучшими игроками в карты. Это не означает лишь то, что они, как правило, чаще

⁴⁶² Ibid. P. 143.

⁴⁶³ Goodale J.C. Op. cit. P. 145.

выигрывают, но что они играют с большей интенсивностью и более опытни в деталях игры.

Задача организовать работу в семье сегодня также нередко ложится на старшую женщину или жену – современного главу семьи, как прежде на *taramaguti*. Критерием выделения роли, подобной *taramaguti*, служит ряд родственников, которые зависят от нее и кто считает ее распоряжения руководством к действию.

Есть некоторые женщины в возрастной группе за сорок, которые являют потенциал как лидеры расширенных семей. Другие женщины проявляют меньше решимости, для них приемлем экономически независимый европейский стиль семьи. Показательно, что оба типа домохозяйств возглавляются женщинами, которые имеют самые высокие зарплаты в общине. Остальные замужние женщины в плане экономической стабильности во многом зависят от других.

Дж. К. Гудэйл отмечает наличие двух современных профессий, открытых для женщин, – медицинский работник и учитель, которые занимают наиболее устойчивые позиции занятости в обществе. Мы видим, что уделом женщины остаются традиционные сферы труда при том, что им открыт доступ и в политические круги, они все же остаются невостребованными. Одна из информантов часто избиралась депутатом местного совета, но безуспешно баллотировалась на более высокие посты.

Периодически на протяжении 1960–1980-х гг. женщины образовывали «женские клубы». История этих организаций показывает, что большинство из них функционировали от нескольких месяцев до года. Один из клубов, образованный в 1986 г. и возглавляемый двумя политически активными женщинами среднего возраста, имел своей единственной целью получение права на покупку грузовика, лодки и двигателя, которые будут находиться под их контролем. Очевидно, в современных условиях женщины Тывы сохраняют статус основных добытчиков, как прежде *taramaguti*, при

этом налицо их стремление легитимировать свое положение, получить право политической самостоятельности.

Следует отметить, что на современном этапе потенциал женщин Тиви как талантливых исполнителей не угасает. В 1987 г. был проведен эксперимент, нацеленный на выявление способностей четырех женщин и одного мужчины, взятых на работу в одну из клиник на место европейского персонала. По словам их неофициального руководителя, «they handle emergencies far better than any non-Aboriginal person, because they do not panic»⁴⁶⁴ («они работают в аварийных ситуациях гораздо лучше, чем любой европеец, потому что они не паникуют»). Приспосабливаясь к иной культурной среде, Тиви привносят в нее собственные навыки и умения, принципы самоорганизации, сформированные на ментальном уровне. Исполняя свои обязанности, женщины пытались оказать влияние и на окружающих, побудить мужчин и женщин к меньшему потреблению никотина и алкоголя, ухаживали за их детьми, при этом воспитывали свои собственные семьи в соответствии с моделью более европейской, чем туземная. По мнению Дж. К. Гудэйл, «they drew what they valued from both cultures»⁴⁶⁵ («они соединили то, что ценили в обеих культурах»). В этом случае перед нами пример «включенной идентичности» (А.П. Садохин), при которой личность идентифицируется с конкретным народом через включенность в различные социальные и этнические группы и целостности. В процессе аккультурации представители Тиви не только усваивают иные культурные модели, но и сохраняют свою уникальность, внося вклад в межкультурный обмен.

В 1987 г. один из европейских педагогов поощрял формирование и независимое управление объединения «Jilimara», малого бизнеса с участием женщин по производству одежды с отличительным Тиви-дизайном. «Jilimara» продал большую часть своей продукции и имел небольшую

⁴⁶⁴ Goodale J. C. Op. cit. P. 149.

⁴⁶⁵ Ibid.

прибыль. Однако одна из молодых сотрудников впоследствии решила, что карьера в качестве медицинского работника является более мотивирующей и доходной. Несмотря на предоставление свободы предпринимательской деятельности женщины Тиви предпочитают те профессии, в которых они чувствуют себя необходимыми именно как женщины, реализующие себя через заботу и попечение о других.

Соотношение мужского и женского опыта в исследовании Дж. Гудэйл позволяет подойти к проблеме «женского» в контексте своеобразной реорганизации гендерных конструктов, демонстрирующей правомерность идеи не только о гендерном равенстве и гендерном сотрудничестве, но и о женском доминировании.

§3. Анализ повседневных практик бедуинок как паттерн описания женского кочевого быта в исследовании Л. Абу-Луход

Л. Абу-Луход (р. 1952) – американка с палестинско-еврейским происхождением, профессор антропологии, женских и гендерных исследований в Колумбийском университете в Нью-Йорке, специалист по арабскому миру. Она является автором семи книг, большинство из которых написаны на основе долгосрочного этнографического исследования и охватывают такие темы, как настроения и «поэзия» национализма и средств массовой информации, гендерная политики и политика памяти⁴⁶⁶.

Ее книга «Writing women's worlds: Bedouin stories» («Письмо из мира женщин: Истории бедуинов») предназначена представить в виде этнографического повествования женских историй критику этнографической типизации. Цель автора как антрополога – использовать детали и сведения о жизни отдельных людей, чтобы представить культуру бедуинского мира и мира женщин, в частности. Полученная серия рассказов организована вокруг

⁴⁶⁶ Lila Abu-Lughod // Columbia University. Department of Anthropology. [Electronic resource]. URL: <http://anthropology.columbia.edu/people/profile/347> (accessed: 03.02.2014).

пяти тем, связанных с изучением положения женщин в арабском мире: патрилинейность, многоженство, воспроизведение, патрилинейный брак, «честь и стыд».

Эта книга рассказывает о некоторых женщинах в маленькой бедуинской общине в Египте. Она состоит из бесед, рассказов, дискуссий, песен, воспоминаний, эссе, которыми эти женщины делились друг с другом или с автором. В книге автор попыталась представить анализ социальной жизни, морали и поэзии в этом обществе с акцентом на гендерных отношениях.

Абу-Луход применяет стиль этнографического письма, показывающий жизнь такой, какой ее проживали люди («life as lived»). Важнейшим аспектом представленного образа жизни является то, каким он был схвачен в «истории». Автор фиксирует ритм бесед, темп голоса, то снижающегося до шепота, то поднимающегося до драматических нот, варианты экспрессии, метафоры, подробности, изложенные со всей «бурей» деталей. Это своего рода голос бедуинских женщин, записанный женщиной-этнографом, этнография рассказов и бесед («an ethnography of narratives and conversations»)⁴⁶⁷, этнография частных («ethnographies of the particular»)⁴⁶⁸, составленная из повседневных историй.

Автор предлагает вызов трем видам конструкций: стандартным антропологическим обобщениям социальной структуры и культуры; общей феминисткой интерпретации гендерных отношений в незападных обществах; широко распространенным представлениям об арабо-мусульманском обществе. Так, например, многоженство, по мнению западного мира, – это институт угнетения женщин в том смысле, что он причиняет им дискомфорт, но, подчеркивает Л. Абу-Луход, это не обязательно доставляет удовольствие мужчинам, что нашло отражение в западных фантазиях о гареме⁴⁶⁹.

⁴⁶⁷ Abu-Lughod L. Writing women's worlds... P. 29.

⁴⁶⁸ Ibid. P. 46.

⁴⁶⁹ Ibid. P. 38.

Автор концентрируется на передаче повествования от первого лица, на том, чтобы передать чужую «живую» речь, не отягощая слова женщин своими комментариями. Обратная техника, по ее мнению, добавила бы правдоподобности, однако увела внимание от самих историй.

Мы слышим бедуинских женщин, язык которых насыщен религиозными ссылками. Они не говорят о смерти, болезнях или несчастьях, не предварив свои замечания фразами «Blessings on the Prophet» («Благословен Пророк»), «In the Name of God» («Во имя Бога»), «[May God come] between you and me [and evil]» («Пусть Бог пройдет между мной, тобой и злом»)⁴⁷⁰. Эти речевые практики говорят о постоянном присутствии и ощущении Бога в повседневной жизни бедуинской женщины.

Пример стареющей основательницы рода Мигдим и ее семьи показывает, насколько религиозна их внутренняя жизнь. Ослепшая, она спрашивает о часах, чтобы определить время молитвы, наощупь она ищет четки и расстилает коврик, произнося молитвы о благополучии мусульманского мира. Невестка Мигдим в родах просит принести ей горсть земли с могилы местного святого, и ее 10-летняя дочь плачет на этой могиле, умоляя помочь ее матери. В комнату, где горит ладан, акушерка входит со словами: «In the Name of God the Merciful, the Compassionate»⁴⁷¹ («Во имя Бога милостивого, милосердного»). Их жизнь наполнена религиозным смыслом, который не заключается лишь в следовании традиции, а является сутью их бытия, тем, через что они осмысляют себя и мир.

Л. Луод пытается опровергнуть общее место о патрилинейном устройстве мусульманского общества (бедуинского в частности). Она апеллирует к следующей арабской притче: «A man came to God's Messenger and said, "O Messenger of God, who is most entitled to the best of my friendship?" The Prophet said, "Your mother." The man said, "Then who?" The Prophet said, "Your mother." The man further said, "Then who?" The Prophet said, "Your

⁴⁷⁰ Abu-Lughod L. Op. cit. P. 52.

⁴⁷¹ Ibid. P. 75.

mother." The man said again, "Then who?" The Prophet said, "Then your father"⁴⁷² («Человек пришел к посланнику Аллаха и сказал: «О посланник Аллаха, кто более всех заслуживает моей дружбы?». Пророк ответил: «Твоя мать». Человек спросил: «Кто еще?». Пророк ответил: «Твоя мать». Человек спросил: «Кто еще?». Пророк ответил: «Твоя мать». Человек снова спросил: «Кто еще?». Пророк ответил: «Твой отец»). Мы обнаруживаем, что содержание притчи ярко демонстрирует контраст между социальными предписаниями и традицией, укорененной в восточном мире.

Несмотря на то, что за мужчиной закреплён статус носителя авторитета и власти в мусульманском обществе, женщина в нём не всегда выступает обделённой в правах. Она может активно бороться против вступления в брак с незнакомым человеком, самоотверженно идя против обоюдного намерения семей, против традиции, нивелируя обычай и, что самое главное, добиться успеха, заставив смириться с её решением всех противников её воли. Так, например, Мигдим вспоминает, как убежала из дома после того, как родственники её планируемого жениха уже закололи овец – знак подписания брачного договора. В ответ на угрозы отца лишить её жизни она сутки провела в овраге, обмазав себя черной краской, приготовленной для брачного шалаша, и голодала в течение 12 дней. Никто из её близких и родственников экс-жениха больше не поднимал вопрос о свадьбе⁴⁷³.

Эта история может демонстрировать, что женщина имеет право участвовать в решении своей судьбы, что она не беззащитна и не бесправна и способна сама строить свою жизнь, или же наоборот, быть исключением, которое лишь подтверждает правило, согласно которому в арабском мире закон устанавливает традиция, а женщину все же выдают замуж. Так или иначе, но она говорит о том, что женщина имеет возможность на личный выбор.

⁴⁷² Abu-Lughod L. Op. cit. P. 37.

⁴⁷³ Ibid. P. 38-40.

Бедуинская женщина, в свою очередь, наделена определенной властью в обществе и в каждой отдельной семье. Хозяйка дома, мать, старшая сестра – это представительницы, организующие общественную жизнь любой бедуинской семьи. Престарелая женщина имеет не меньший авторитет среди членов семьи, исполняя важные социальные функции в мире, где взаимные визиты родственников и друзей – неотъемлемая часть общественных отношений. Выступая как матриарх («the matriarch») большого рода, она почтено ожидается на свадьбах, похоронах, у постели больного, на пиршествах в честь освобождения из тюрьмы или возвращения из паломничества к Мекке. Помимо всего этого она не оставляет и своих домашних обязанностей: прядение, шитье, присмотр за скотом, параллельно давая советы или качая на коленях внука. Ее повседневная жизнь вращается вокруг взрослых сыновей и дочерей, их супругов, детей и внуков.

В нужный момент бедуинская женщина способна принять на себя статус главы семьи, стать эмоциональным и духовным центром семейного круга (как было с Мигдим после смерти ее мужа). Она принимает важные решения, чтобы вывести семью из кризиса, берет на себя ответственность за всех членов семьи. Уже взрослые дети просят ее совета и могут проводить в ее обществе долгие вечера, чувствуя себя свободными от забот, научившись доверять в ее руки все свои проблемы.

Приобретая авторитет, она имеет право защищать права других женщин, более молодых и неопытных, подвластных доминанте мужчин. Например, Мигдим в принципе осуждает желание сыновей иметь больше одной жены, объясняя это рождающимся хаосом в отношениях и размытостью ответственности. Очевидно, что женщина Востока так же не приемлет положение второй или третьей жены, как и носительница западной культуры, стремящаяся к осознанию своей индивидуальности в «единичности», обеспечивающей ей определенные права и положение.

Как говорит Коран, «If you fear that you shall not be able to deal justly with the orphans, marry women of your choice, two or three or four; but if you fear

that you shall not be able to deal justly (with them), then only one <...>. Quran 4:3 («Если вы боитесь, что не будете справедливы к сиротам, то женитесь на других женщинах, которые нравятся вам: на двух, трех, четырех; если же вы боитесь, что не будете одинаково справедливы к ним, то довольствуйтесь одной <...>». Коран 4:3). Отсылка к Корану дает нам представление о том, что полигамный брак не есть уставная традиция в мусульманской семье, количество жен определяется скорее этическими интенциями мужчины, а также их материальными возможностями. Очевидно, подобная «оговорка» дает женщинам основание осуждать институт многоженства, выступая за индивидуальные права каждой женщины как жены и матери.

Религиозное сознание Мигдим относит многоженство к категории греха: человек, имеющий много жен, отправится в ад, если не будет относиться к ним всем одинаково. Однако бедуинские женщины уверены, что мужчина не способен на это, что вызывает их критику в адрес полигамного брака.

Осознание бедуинских женщин своей независимости репрезентируют строки фольклорной песни «You who guards the female, you're fatigued» («Вы, кто охраняет женщину, вы устали...»), смысл которой они объясняют тем, что женщина не управляема, любой, кто попытается защитить ее, просто выбьется из сил, так как все, что она захочет, она сможет сделать сама, «she's smart and she can think»⁴⁷⁴ («она умна и она может думать»). Несмотря на то, что подобные стремления всячески подавляются мужским сообществом, они ярко демонстрируют женскую самодостаточность и ощущение своей полноценности, глубоко укорененной на ментальном уровне. Это подтверждается тем, что жизнь бедуинских женщин не ограничивается лишь бременем забот и домашних хлопот, это важная часть их повседневности, они не лишают себя беззаботного отдыха, часто собираясь вместе за пением шуточных песен, веселыми или грустными воспоминаниями, обсуждением последних новостей, играми с детьми.

⁴⁷⁴ Abu-Lughod L. Op. cit. P. 65.

Статус полноправной хозяйки дома приобретается не только в преклонном возрасте, им может обладать и молодая женщина. По словам сына Мигдим Сагра о его первой жене, «everything is hers [Gateefa's]. To this day she's the mistress of my house, she's the one with the last word, her requests are the ones honored. And it will be this way until she dies»⁴⁷⁵ («Все в ее [Гатеефы] руках. По сей день она хозяйка моего дома, за ней последнее слово, ее просьбы уважаемы. И так будет, пока она не умрет»). Л. Абу-Луход выбирает для нас моменты речи, репрезентирующие не столько даже равенство между восточными мужчиной и женщиной, сколько готовность мужчины отдать жене свою роль, наделить ее статусом, не уступающим в значительности и самостоятельности.

Женщина этой культуры и женственна, и мужественна. Она будет сама рожать детей не потому, что по близости не окажется доктора или других женщин, а потому, что она в них не нуждается. «I gave birth to him alone. I had no one with me but God»⁴⁷⁶ («Я родила его в одиночестве. Со мной не было никого, кроме Бога»), – таковы воспоминания Мигдим о появлении своего третьего сына. В этом случае постоянное ощущение соприсутствия Бога в своей жизни дает этой женщине необыкновенную силу умиротворения и спокойствия – отпечаток, наложенный религиозным воспитанием.

О тяжелых днях Второй мировой войны, погромах от немецких самолетов, дыме и взрывах, окружающих их палаточный город, бедуинские женщины могут рассуждать, споря о том, на что были похожи парашюты, на которых спускались немцы: на материал их головных платков или на нейлон, из которого они делают нижние юбки. Они говорят о войне не как о страшном бедствии, а как о новой жизни, к которой пришлось приспособливаться, умея видеть в ней позитивные моменты. Немецкие солдаты принудили их покинуть свой лагерь, забрать все вплоть до камней для приготовления пищи и увезли их в своих грузовиках в место близ холма

⁴⁷⁵ Ibid. P. 79.

⁴⁷⁶ Abu-Lughod L. Op. cit. P. 42.

Сиди Диман. Вот их воспоминание о той жизни: «What a great place! There was nothing good we didn't have. There were guavas and dates, tomatoes and cucumbers, watermelons and oranges ... everything. We were in the gardens. <...> We were happy»⁴⁷⁷ («Что за прекрасное место! Чего там только не было. Были гуава и финики, помидоры и огурцы, арбузы и апельсины ... всё. Мы были в саду <...>. Мы были счастливы»). Они не сосредоточены на том, чего лишила их война, на смерти или разорении, а на том, что везде есть жизнь, что с ними их Бог. Они не слышали больше гудящих самолетов, и этого было достаточно, чтобы жить дальше. «We found everything in chaos»⁴⁷⁸ («Мы нашли мир в хаосе») – такова формула, соединившая обломки самолетов, автомобилей и пушек на выжженной земле.

Память о войне для них связана с трудностями родов, болезненностью ребенка, появившегося на свет в военном лагере, с его последующей худобой, вызывавшей печаль у родственников. Война – это то, что способно оправдать брак между близкими родственниками – «брак в лагере» («marriage within the camp»), который они оценивают как способствующий укреплению родственных связей внутри семьи, в отличие от брака между дальними родственниками или чужими людьми: «If ou marry far away someone can die and you won't hear about it. You don't hear about weddings, you don't hear about deaths. You're not there when anything happens»⁴⁷⁹ («Если вы женитесь далеко от дома, кто-то может умереть, и вы не услышите об этом. Вы не услышите о свадьбе, вы не услышите о смерти. Вас не будет там, когда что-нибудь произойдет»). Семейная жизнь заключается для них в ощущении соприсутствия во всем, что происходит с членами их семьи. Их желание делить общий кров, пищу, болезни, встречать появление новых людей и провожать умерших говорит о стремлении к со-бытию, к тому, чтобы максимально ограничить пространство внутри семьи.

⁴⁷⁷ Ibid. P. 45.

⁴⁷⁸ Abu-Lughod L. Op. cit. P. 48.

⁴⁷⁹ Ibid. P. 46-47.

Несмотря на то, что в традиции пророка Мухаммеда «paradise lies under the feet of mothers» («рай находится у ног матерей»), женщина как мать не находит почитания в этой культуре, а рождение ребенка как процесс не является значимым событием. Во время родов женщина удаляется от людей, с ней остается только акушерка, как правило, просто уже рожавшая женщина. Однако в восприятии Л. Абу Луход роды становятся тем, что объединяет женщин в негласно оформленный микромир «рождающих», демонстрирует проявление высшей женской солидарности. По словам этих женщин, «Men experience nothing compared to women – do they think giving birth is easy? It is as hard as war»⁴⁸⁰ («Мужчины не испытывают ничего, сравнимого с женщинами – они думают, что рожать легко? Это тяжело, как война»). Л. Абу Луход показывает, что переживаемое ими рождение детей делает их близкими и зависимыми друг от друга, точно так же, как их объединяет общее хозяйство, повседневная жизнь, история.

Акушерство занимает в культуре бедуинских женщин особое место как категория праведности. Женщины, способные на такой труд, расценивают это, как Божий дар: «God made me one of those who doesn't feel disgusted delivering babies. Some people can't stand it»⁴⁸¹ («Бог сделал меня одной из тех, кто не чувствует отвращения при появлении младенцев. Некоторые люди не могут этого вынести»). При этом она совершает это безвозмездно, полагая, что нет награды, подобной той, что Бог уготовал акушерке.

Уверенные в том, что дети – от Бога, они считают грехом оплакивание умерших детей. По их мнению, «for every tear you shed there will be one less drop of water in the jug your child brings to you in heaven»⁴⁸² («Каждая слеза, пролитая вами здесь, убавит на одну каплю воды в кувшине, который ваш ребенок поднесет вам не небесах»). Ощущение непрерывности жизни

⁴⁸⁰ Abu-Lughod L. Op. cit. P. 76.

⁴⁸¹ Ibid. P. 112.

⁴⁸² Ibid. P. 126.

переживается ими в убеждении отсутствия смерти. Религиозное сознание делает их жизнь более гармоничной, в силу чего решение проблем, основанное на вере, минует ряд рефлексивных трудностей.

Внутренняя жизнь бедуинов раскрывается Л. Абу Луход благодаря непосредственной вовлеченности в круг их семейных взаимоотношений. Так, ее глазами мы можем увидеть одно из проявлений такого института, как «со-wife» (жены одного мужа). Старшая жена может испытывать неприятие к последующим, если они лишены тех качеств, которыми, по ее мнению, необходимо обладать, что создает особую напряженность между ними. Еще одним фактором может стать разница между статусом жен как носительниц изначально городской или бедуинской культуры. На этом стыке обнаруживаются различия в этических принципах, которые воспитывает в девушке атмосфера ее первой семьи. Так, вторая жена Сагра Азза, родом из Туниса, отличается пренебрежением к молитве и атрибутам одежды, положенным замужней женщине, склонностью к потере самообладания, отсутствием скромности (например, она может выйти на улицу с непокрытой головой и устроить скандал с соседями). При этом жены не испытывают чувства ревности, их ущемляет лишь несправедливость по отношению к ним со стороны супруга.

Конфликты между «со-wives», которые описывает Л. Абу Луход, дают понимание важности семьи для человека и особенно для женщины. Азза, имея за спиной братьев, упрекает Гатеефу в отсутствии родственников, а это, по замечанию Л. Луход, для их культуры означает быть уязвимым и изолированным, так как семья является важным источником собственной идентичности и поддержки. «For a woman, having brothers behind you allows you to stand tall in the world, and especially in your husband's community»⁴⁸³ («Для женщины наличие братьев обеспечивает ей высокое положение в мире и особенно в общине мужа»). Важным оказывается тот факт, что

⁴⁸³ Abu-Lughod L. Op. cit. P. 95.

индивидуальность женщины определяется не ее личностью, но представителями ее семьи, а именно братьями.

В то же время Гатеефа – пример формирования самодостаточной личности при отсутствии отца и братьев, иными словами, пример, говорящий об условности данного культурного принципа. Луход называет ее самой выдающейся женщиной своего поколения в этой семье, умным рассказчиком, талантливой певицей, человеком здравого смысла и высоких моральных принципов, которые воплотились в ней как в старшей жене и матери с изяществом и достоинством. Она не следует принятому в массе, если считает это противоречащим ее моральному коду, но делает это с тактом и уважением традиционных ценностей, что, однако, подчеркивая ее самобытность, обрекает на определенную изоляцию от женского сообщества.

В числе т. н. «outsiders», тех, кто поддерживает Гатеефу, оказывается и сама Абу-Луход, и во многом именно через нее Абу-Луход воспринимает эту культуру. Гатеефа и ее муж становятся для нее примером духовного единства и близости двух умных, проницательных, мудрых людей, брак которых являет собой модель гендерного равенства, не приемлемого в мусульманском мире. Так же, как и Гатеефа, Сагр способен поступиться с общепринятыми нормами: навестить жену на следующий день после родов, нарушив 40-кадневный запрет, и предложить ей сигарету, зная как сильно ей этого хочется.

Женщины в окружении Абу-Луход кажутся заложниками условностей их культуры. Они могут от души смеяться в ее присутствии, и лишь кашель за дверью предупреждает их надеть вуали на лица.

Л. Абу-Луход приводит эссе под названием «An Essay on the Young Bedouin Woman of Egypt and the Changes in Her Life over 40 Years» («Очерк молодой бедуинской женщины из Египта и изменения в ее жизни в течение 40 лет»), написанное дочерью Гатеефы Камлой. Оно говорит о различии жизненных этапов, которые проходит девушка, о том, какие вызовы она

получает по мере взросления, какие цели перед ней ставят и чего ждет от нее общество.

Это яркий пример осмысления себя и своей жизни, способности взглянуть на свой мир извне. Ее очерк рисует традиционную картину жизни мусульманской девушки, жизнь которой признается как не имеющая никакого самостоятельного значения, временем, когда обычаи и традиции довлеют над ее свободой. Родные не одобряют ее желание учиться, хотя она способна добиться заметных успехов (Камла была назначена школьной старостой). Ее существование как будто условно, она не имеет право на собственное мнение, ее чувства и желания не считаются чем-то важным. В лучшем случае ей позволяют посещать начальную школу, чтобы она имела представление о добре и зле, об основах Корана, но не более того.

Однако Камла поднимает проблему «of being a girl» («бытия девушки») как вызов общепринятым предубеждениям. Она выступает против предрассудков относительно того, что, если девушка покинет дом, она обречена на неудачи в силу ее неспособности думать: «Like a beast of burden, she wouldn't know right from wrong»⁴⁸⁴ («Как вьючное животное, она не может отличить правильное от неправильного»). На своем примере Камла показывает, что девушка, получившая образование в Мерса-Матрух, не уступит в способностях той, что учится в Каире. Тем самым личность Камлы являет собой пример противостояния социальному давлению общества, выступающего против женского образования.

Л. Абу-Луход фокусирует свое и наше внимание на индивидуальностях, тех личностях, которые способны сломать устоявшиеся стереотипы. Та форма, в которой благодаря Л. Абу-Луход мы знакомимся с представителями бедуинской культуры, призывает к сближению и помогает сломать барьер «инаковости» («otherness») по отношению к «другому», более того, способствует идентификации с «другим», дает возможность ощутить чувство связанности и близости семейных отношений.

⁴⁸⁴ Abu-Lughod L. Op. cit. P. 189.

Для Л. Абу-Луход «другой» – это и тот, кто по ту сторону ее книги, читатель, для которого она пишет, при этом ей важно, чтобы этой аудиторией были образованные западные читатели, которые подойдут к ее книге критически, ориентируясь на вопросы этнографической репрезентации и имеющие представление о мусульманском Ближнем Востоке.

Л. Абу-Луход важно создать атмосферу диалога между читателем и ее героями, она минимизирует присутствие своего голоса и себя как посредника культурной коммуникации, она оставляет нас в непосредственном со-бытии с «другим», чтобы мы слышали его язык, опознавая его в категориях «своего».

Мир бедуинской женщины является для Абу-Луход «другим» как мир, способный существовать автономно от «мужского», наделенный способностью противопоставить себя привычному ходу вещей, имеющий свой микрокосм повседневных бытовых, религиозных и эмоциональных практик.

Таким образом, объектом феминистской антропологии выступил мир социальной репрезентации повседневного женского пространства. Дж. Гудэйл смотрит на этот мир с позиций американского мировосприятия, и в этом смысле изучаемая культура являет для нее воплощение некого образа успешной женщины, по-западному свободной, независимой и способной реализовать себя как носительницу активного начала. Л. Абу-Луход воспринимает женскую культуру через призму западных стандартов, которые, однако, в силу ее происхождения и близости изучаемой культуре, она склонна осуждать. Для Луход, впитавшей в себя корни двух разных культур, мир бедуинки – это мир, роднящий ее с предками, и в то же время мир иной религиозной основы, иного, номадического образа жизни, правовой традиции и менталитета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вклад женщин-антропологов, вдохновленных вопросами социальной справедливости, обнаруживает желание повлиять на закономерность неравенства, разлитого в культурном пространстве, и стремление найти способы, которыми антропологическая наука может содействовать в разработке значимых мер. В то же время их работы показывают разнообразие и сложность, которые выходят далеко за рамки первоначальных целей направления, которое вышло на научную сцену в роли протеста против доминирования мужчин в академической дисциплине.

Путь, которым следовали женщины-антропологи, осознавая важность женщин и проблемы гендера в культуре и обществе, прежде всего, открывал женщину как предмет антропологии. Ставшие классическими работы первых женщин-ученых оказали прямое влияние на становление «антропологии женщин», открыли двери для масштабного анализа моделей сексуального угнетения, девальвации женщин.

Вопросы об этнографической позиции, методике и этике, конечно, не были уникальны для женской антропологии, пересекаясь с другими областями науки, но женщины-антропологи последовательно помещают эти темы в центральное положение своих дискуссий, говоря о рефлексивности знаний, об устойчивости категории «женщина», о «включенных» исследованиях и «вовлеченных» исследователях.

Обширное изучение женщинами-антропологами североамериканских, западноевропейских этнографических областей отражало стремление ученых понять свою собственную культуру, пути ее развития. Рефлексивная направленность предпринимаемых ими исследований позволяет говорить о фокусировании ученых на собственном опыте, часто задавая решение вопросов семьи и репродуктивных практик целью этнографической работы. Во многих случаях эти темы возникали непосредственно из личной жизни женщин-антропологов, отражая их опыт участия в общественно-

политических движениях или иного взаимодействия с социумом. Данный акцент находил параллели с аналогичными усилиями антропологов, исследующих этнические меньшинства, однако приверженность женщин-антропологов к интерполяции личного и профессионального пространства придает их работам особую актуальность.

Исследования социокультурной репрезентации, организации бытовых, повседневных практик женщин в различных контекстах демонстрируют постоянную приверженность феминистской антропологии развитию движений за социальные перемены, улучшение жизни женщин. Изучение западных и других территорий с этнографическими анклавами, традиционно представляющих интерес для антропологов, позволяет женщинам-ученым переосмыслить и актуализировать в иных проблемных ракурсах такие первично-базовые и синкретичные категории, как «мы» и «они».

Обращение к транснациональным проблемам и глобалистским тенденциям, основанное на культурологических и этнологических моделях исследования гендерных и расовых границ, стало центральным для феминистской антропологии последних лет. При этом встроенность незападных культур в глобальные условия неустойчивости развития делает объект изучения феминистской антропологии – женщину – также менее стабильным и определенным. Различия, основанные на экономическом, культурном развитии, гендерных аспектах, становятся непосредственным предметом исследования, нежели предпосылками, выстраивающими основное проблемное поле.

Изучение женского как «другого» американскими женщинами-антропологами дает представление не только о специфике женского взгляда как субъективного исторического, социального и духовного опыта, но и о методах женщин-исследовательниц в системе этнографического и антропологического знания.

Работы женщин-антропологов дают возможность осмыслить повседневное пространство «женского» как когнитивную и рефлексивную категорию восприятия и осознания мира. Женщины-антропологи и этнографы смотрят на мир повседневности не только глазами ученого, но и глазами женщины, возможно, в той же мере пережившей и трагический опыт насилия, и вступление в брак, рождение и воспитание детей, развод, кризис сексуальности, знакомство с неприятием общественного мнения, непризнание в референтной группе и т. д., благодаря чему любые проявления объективного мира, сферы жизни и уровни социальной организации становятся для нас тем, что являет собой самостоятельную ценность, заслуживает внимания и изучения.

В этом смысле исследования женщин-антропологов позволяют увидеть женскую повседневность как некую субкультуру, а их включенность в текст, эмоциональная искренность, открытость как аллюзия к еще несуществующему, будущему, но ожидаемому «зрительскому» отклику помогает вписать их непосредственный опыт в рамки собственного исследования.

В том, как исследовательница воспроизводит голос бедуинской женщины из египетской общины или соотносит мужской и женский бытовой опыт племенной жизни, видит в гончарном круге историю частной жизни, трагически обреченной травматическим опытом детства, или метафизирует репродуктивные циклы, – во всем этом антропология предстает как способ познания и осмысления мира, как стремление увидеть себя как «другое» и пережить опыт общения с ним. Именно позицию вживания в изучаемую культуру занимает женщина-антрополог, в этом смысле для нее принципиально важен непосредственный контакт с этой культурой, и что в свою очередь становится неотъемлемым постулатом ее научной деятельности, повесткой любого публичной апробации.

При наличии такого контакта исследовательница, зачастую подсознательно, имплицитно не проводит социальных, культурных или

иных границ, стираются разграничения на западное или восточное, цивилизованное или дикое. В любой культуре всегда есть что-то, отличное от тебя, с чем ты ищешь точки соприкосновения, что переживаешь в категориях своего личного опыта.

Антропология как попытка моделировать себя, свое окружение, вещественные, телесные и духовные потребности, является для исследовательницы возможностью выйти за рамки привычного субъективного опыта, при этом не утрачивая его, но вписывая в него новые когнитивные схемы, образы мысли и действия, рефлексивные формулы, растворяя в нем весь свой предшествующий опыт. Выступить за рамки своего физического и эмоционального пространства – чтобы четче актуализировать для себя собственный исследовательский потенциал, наметить индивидуальную траекторию интеллектуального и духовного роста, спроектировать презентацию своего слова о мире.

Исследуя культурные границы, обусловленные гендерной проблематикой, женщина-антрополог вносит свой феминистский аргумент о недооцененности женского опыта вследствие нежелающих разоблачения традиционных академических предрассудков, в рамках которых «женский» анализ подвергается критичному обвинению в превалирующей предвзятости.

Таким образом, изучение женской повседневности женщинами-антропологами представляется значимым с точки зрения как специального исследовательского опыта в контексте антропологического и этнографического знания, так и интереса к этнографии, проявляющегося окказионально, отвлеченно от сугубо исторических задач. Кроме того, обращение к работам феминистских антропологов позволяет убедиться в разнообразии форм проявления «женского» как культурного концепта, вариативности его феноменологического восприятия и форм интерпретации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Abu-Lughod L. A Community of Secrets: The Separate World of Bedouin Women // *Signs*. 1985. V. 10. № 4 (Summer). P. 637–657.
2. Abu-Lughod L. Can There Be a Feminist Ethnography? Women and Performance // *Women & Performance: a journal of feminist theory*. 1990. V. 5. P. 7–27.
3. Abu-Lughod L. Do Muslim Women Need Saving? Cambridge: Harvard University Press, 2013. 336 p.
4. Abu-Lughod L. The Romance of Resistance: Tracing Transformations of Power Through Bedouin Women // *American Ethnologist*. 1990. V. 17, № 1 (Feb.). P. 41–55.
5. Abu-Lughod L. Veiled Sentiments: Honor and Poetry in a Bedouin Society. Berkeley: University of California Press, 1986. 384 p.
6. Abu-Lughod L. Writing Women's Worlds: Bedouin Stories. Berkeley: University of California Press, 1993. 306 p.
7. Adelman M. Ambivalent Justice: Sexual Violence and the State in South Africa and Rwanda *Voices*. 2010. V. 10. № 1 (Fall). P. 24–26.
8. Adelman M. No way out: divorce-related domestic violence in Israel // *Violence Against Women: An Interdisciplinary and International Journal*. 2000. № 1. P. 1223–1254.
9. Anglin M. Feminism in Practice // *Voices*. 2003. V. 6. № 1 (Nov.). P. 3.
10. Ardren T. Women's Production: Annette Weiner and the Study of Gender in the Prehispanic New World // *Voices*. 2012. V. 12, № 1 (Fall). P. 23–27.
11. Association for Feminist Anthropology. [Electronic resource]. URL: <http://afa.americananthro.org/> (accessed: 13.04.2017).
12. Behar R. The Vulnerable Observer: Anthropology that Breaks Your Heart. Boston: Beacon Press, 1996. 208 p.
13. Behar R. Translated Woman: Crossing the Border with Esperanza's Story. Boston: Beacon Press, 1993. 400 p.
14. Blackwood E. «Lesbianism is a woman's issue»: Lesbian Activist Organising in Indonesia // *Voices*. 2005. V. 7. № 1 (Spring). P. 28–30.
15. Clark G. Permanent Transition in Africa // *Voices*. 2005. V. 7. № 1 (Spring). P. 6–9.
16. Davis Dana-Ain. Pracademics: Doing Feminist Anthropology with Girls and Young Women // *Voices*. 2003. V. 6. № 1 (November). P. 6, 14.
17. Dorothy L. Hodgson. The Power of Feminist Anthropology // *Voices*. 2010. V. 10. № 1 (Fall). P. 3.
18. Eber Ch.E. «Tell them what kind of anthropologist you are!» // *Voices*. 2011. V. 11. № 1 (Fall). P. 8–10.
19. Finn G.L. Women, Community and Contestation // *Voices*. 2012. V. 12. № 1 (Fall). P. 4–5.
20. Friedlander E. The International Women's Anthropology Conference (IWAC) // *Voices*. 2008. V. 8. № 1 (Spring). P. 17.

21. George G. Feminist Questions, Grassroots Movements // *Voices*. 2005. V. 7. № 1 (Spring). P. 1, 13–14.
22. Ginsburg F.D., Rapp R. *Conceiving the New World Order: The Global Politics of Reproduction*. Berkeley: University of California Press, 1995. 450 p.
23. Goodale J.C. *Tiwi Wives: Study of the Women of Melville Island, North Australia*. Washington: University of Washington, 1974. 368 p.
24. Haldane H. J. What Are We Missing? Expanding the Feminist Approach to Gender-Based Violence // *Voices*. 2012. V. 12. № 1 (Fall). P. 28–31.
25. Haney Ch. Child Sexual Abuse and the Reproduction of Femininity in the United States // *Voices*. 2010. V. 10. №. 1 (Fall). P. 27–30.
26. Hodgson D.L. The Power of Feminist Anthropology // *Voices*. 2010. V. 10. № 1 (Fall). P. 3.
27. Hudgins A. NGO Policy, Sex Workers and Structural Violence: Looking Beyond the Brothel Village // *Voices*. 2005. V. 7. № 1 (Spring). P. 9–12.
28. King D. E. The Doubly Bound World of Kurdish Women // *Voices*. 2003. V. 6, № 1 (November). P. 1, 8–10.
29. Kirschner Suzanne R. From Flexible Bodies to Fluid Minds: An Interview with Emily Martin // *Ethos*. 1999. Vol. 27. № 3. P. 247–282.
30. Lamphere L. Child Sexual Abuse and the Cultural Construction of the Female Body // *Voices*. 2010. V. 10. №. 1 (Fall). P. 38–40.
31. Landes R. *The City of Women*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1994. 287 p.
32. Landes R. *The Ojibwa woman*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1997. 247 p.
33. Layne L.L. *Motherhood Lost: A Feminist Account of Pregnancy Loss in America*. N.Y.: Routledge, 2003. 372 p.
34. Lazarus-Black M. *Everyday harm: Domestic violence, court rites, and cultures of reconciliation*. Urbana IL: University of Illinois Press, 2007. 244 p.
35. Martin E. *The Woman in the Body: A Cultural Analysis of Reproduction*. Boston: Beacon Press, 1987. 312 p.
36. Mascia-Lees F.E., Sharpe P. Marked and the Un(re)marked: Tattoo and Gender in Theory and Narrative // *Tattoo, Torture, Mutilation and Adornment: The Denaturalization of the Body in Culture in Text*. N.Y.: Suny Press, 1992. P. 145–169.
37. McChesney Lea S. The Body Breaks: Narrating Child Sexual Abuse through Transcultural Metaphors of Bodily Dis-ease // *Voices*. 2010. V. 10. №. 1 (Fall). P. 31–37.
38. Merry S.E. *Gender violence: A cultural perspective*. Malden: Wiley-Blackwell, 2009. 269 p.
39. Moore. H.L. *A Passion for Difference: Essays in Anthropology and Gender* Publisher. Bloomington: Indiana University Press, 1994. 186 p.
40. Moore. H.L. *Feminism and Anthropology*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. 256 p.

41. Remaking Women: Feminism and Modernity in the Middle East, ed. by L. Abu-Lughod. Princeton, 1998. 320 p.
42. Roaf M. Good Citizens vs. Good Workers: Low-Income Girls and Clashing Subjectivities in a Charter School // *Voices*. 2008. V. 8, № 1 (Spring).
43. Rodriguez Ch. Beyond Today and Pass Tomorrow: Self-Efficacy Among African-American Adolescent Mothers // *Voices*. 2008. V. 8, № 1 (Spring). P. 18–22.
44. Sanday P. Rape-prone versus rape-free campus cultures // *Violence Against Women: An Interdisciplinary and International Journal*. 1996. № 2. P. 191–208.
45. Silver L. The Politics of Regulation: Adolescent Mothers and the Social Context of Resiliency // *Voices*. 2008. V. 8, № 1 (Spring). P. 1, 8–11.
46. Singleton J.L. Multiple Meanings of Rape and the Law in Post-Apartheid South Africa // *Voices*. 2010. V. 10. № 1 (Fall). P. 10–17.
47. Tandon I. The Women-Nature Correlation: Mapping the Legacy of Ecofeminism // *Voices*. 2012. V. 12, № 1 (Fall). P. 15–22.
48. Underhill R. *An Anthropologist's Arrival: A Memoir*. Chicago: University of Arizona Press, 2014. 240 p.
49. Underhill R. *Papago Woman. An Intimate Portrait of American Indian Culture.*, Illinois: Waveland Press, 1985. 100 p.
50. Urla J., Swedlund A.C. The Anthropology of Barbie: Unsettling Ideals of the Feminine Body in Popular Culture // *Deviant Bodies: Critical Perspectives on Difference in Science and Popular Culture*. Bloomington: Indiana University Press, 1995. P. 277–313.
51. Wehrer M. Racial Diversity and Antiracist Practices in Women's Organizations: Any Link? // *Voices*. 2003. V. 6, № 1 (November). P. 10–12.
52. Wies J.R. Feminist Anthropology for the Publics: Tidemarks, Legacies, and Futures // *Voices*. 2012. V. 12, № 1 (Fall). P. 32–34.
53. Zraly M. Danger Denied: Everyday Life and Everyday Violence among Rwandan Genocide-Rape Survivors // *Voices*. 2010. V. 10, № 1 (Fall). P. 18–23.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белик А.А. *Культурология: Антропологические теории культур*. М.: Изд-во РГГУ, 1998. 239 с.
2. Белова А.В. Гендерная антропология: предмет и перспективы исследования (на примере анализа повседневности российских дворянок) // Доклад А.В. Беловой на заседании Ученого совета ИЭА РАН 30 сентября 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://iea-ras.ru/index.php?go=News&in=view&id=412> (дата обращения: 26.04.2016).
3. Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // *Этнографическое обозрение*. 2006. № 4. С. 85–97.
4. Белова А.В. Женская повседневность как предмет этнологического изучения // VI Конгресс этнографов и антропологов России, Санкт-

- Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: Тезисы докладов. СПб., 2005. С. 284–285.
5. Белова А.В. Четыре возраста женщины: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. 480 с.
 6. Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры. М.: РОССПЭН, 2007. 256 с.
 7. Боас Ф. Границы сравнительного метода в антропологии // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 510–519.
 8. Боас Ф. История и наука в антропологии // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 529–536.
 9. Боас Ф. Методы этнологии // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 519–528.
 10. Боас Ф. Некоторые проблемы методологии общественных наук // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 499–509.
 11. Брайдотти Р. Женские исследования и политики различия // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия. Харьков, СПб.: Алетейя, 2001. С. 13–23.
 12. Бродель Ф. Структуры повседневности: Возможное и невозможное // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. в 3-х т. М.: Прогресс, 1986. 623 с.
 13. Гапова Е. И. Гендерная проблематика в антропологии // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 370–389.
 14. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
 15. Гирц К. Как мы сегодня думаем: к этнографии современной мысли // Этнографическое обозрение. 2007. № 2. С. 3–16.
 16. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. С. 134–138.
 17. Кребер А. Л. Избранное: Природа культуры. М.: РОССПЭН, 2004. 1008 с.
 18. Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности: Сборник научных работ / Отв. ред. М.М. Кром. СПб.: Алетейя, 2003. С. 7–14.
 19. Людке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. М.: РОССПЭН, 1999. С. 77–100.
 20. Мещеркина Е.Ю. Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное

- пособие / Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 197–237.
21. Мид М. Взросление на Самоа // Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. С. 88–147.
 22. Мид М. Как растут на Новой Гвинее // Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. С. 172–232.
 23. Мид М. Пол и темперамент в трех примитивных обществах // Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. С. 233–307.
 24. Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы научной конференции 19-21 февраля 2001 года. Сост.: Богданов К.А., Панченко А.А. СПб.: Алетейя, 2001. 466 с.
 25. Михель Д. Тело в западной культуре. Саратов: Научная книга, 2000. 172 с.
 26. Плосс Г. Женщина в естествоведении и народоведении. Антропологическое исследование. В 3-х томах. Сыктывкар-Киров: ПЕРЯ-МОО-ГИПП «Вятка», Т. 1. 1995. 570 с.
 27. Пушкарёва Н. Л. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 277–311.
 28. Пушкарёва Н.Л. «Да зачем мне это нужно?» Почему российские женщины-ученые не «рвутся спесиво» к научной славе? // Жизнь в женском свете. Тверь, 2012. С. 161–173.
 29. Пушкарёва Н.Л. «Живя и тружась в подивление окольным людям» (Женский труд и женские занятия в российской повседневности X-XVII вв.) // Женщина в российском обществе. 1996. № 2.
 30. Пушкарёва Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история: ежегодник, 2004. М., 2005. С. 93–113.
 31. Пушкарёва Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. 2004. М., 2005. С. 93–113.
 32. Пушкарёва Н.Л. «Новые нищие»: российская наука на рубеже тысячелетий и ее женские кадры // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра. Проблемы психологии и образования / ред. Л.В. Тычинина. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2012. С. 5–23.
 33. Пушкарёва Н.Л. Libido academica (гендерный аспект просопографии академической жизни) // Антропологический форум. 2011. Вып. 14. С. 168–192.
 34. Пушкарёва Н.Л. Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.). СПб: ЕУ СПб, 2012.
 35. Пушкарёва Н.Л. Гендерные различия в восприятии родового акта (к истории российской дворянской повседневности конца XIX – начала XX

- в.) // Научные ведомости Белгородского университета. 2015. №13 (210). Выпуск 35. С. 133–142.
36. Пушкарева Н.Л. Гендерный аспект истории повседневности: содержание и перспективы изучения // VIII Конгресс этнографов и антропологов России. Оренбург 1-5 июля 2009 г. Оренбург, 2009. С. 518–519.
37. Пушкарева Н.Л. Женщины-историки в России 1800-1917 // Вестник Пермского университета. 2012. Выпуск 1(18). С. 228–246.
38. Пушкарева Н.Л. Женщины-ученые в постсоветском фольклоре // Вестник РГНФ. 2007. № 1 (46). С. 30–40.
39. Пушкарева Н.Л. Женщины-ученые в постсоветском фольклоре // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 39–59.
40. Пушкарева Н.Л. Методы и методология современной этнографической науки: вклад феминистской антропологии // Етнічна історія народів Європи. Вып. 26. Київ, 2008. С. 29–38.
41. Пушкарева Н.Л. Наука – не женское дело? К истории феминизации российской науки в начале XXI века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. № 14. Вып. 2. Тверь: ТвГУ. С. 105–121.
42. Пушкарева Н.Л. Образованные женщины и женщины-ученые в исторических судьбах России X-XX вв. // Lomonossow. 2002. №. 3. С. 5–26.
43. Пушкарева Н.Л. Общая линия жизни и репрезентация успешности в автобиографиях и автобиографических интервью женщин-ученых // Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2014. Т.1. №1. С. 15–27.
44. Пушкарева Н.Л. Первые российские женщины-ученые: опыт типизации индивидуальных жизненных стратегий // Женщины в отечественной науке и образовании / отв. ред. А.И. Евстратова. Кострома, 1997. С. 3–8.
45. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
46. Пушкарева Н.Л. Умные, но бедные. Повседневный быт женщин-ученых в советской и постсоветской России // VI Конгресс этнологов и антропологов России. СПб., 2005. С. 290–291.
47. Пушкарева Н.Л. Феминистский проект в новейшей этнологии и антропологии (1980-2000) // Этнографическое обозрение. 2004. № 3. С. 82–97.
48. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь и повседневность глазами историка // Шмидт С.О. (ред.). Города европейской России конца XV – первой половины XIX в. Ч. 1. Тверь, 2002. С. 49–63.
49. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь и повседневность глазами историка // Шмидт С.О. (ред.) Города европейской России конца XV – первой половины XIX в. Ч.1. Тверь, 2002. С.49–63.

50. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь и проблема повседневности // Демоскоп weekly. 2002. № 57/58. С. 4–5.
51. Пушкарева Н.Л. Этнография современной российской науки: гендерный аспект // Российское общество. Гендерное измерение / отв. ред. Л.С. Егорова и др. Иваново, 2006. С. 5–32.
52. Пушкарева Н.Л., Новикова Н.В. Становление феминистской антропологии // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 38–42.
53. Рабжаева М. В. Гендерная антропология: концептуальная и институциональная характеристика // Социология и социальная антропология. 2002. № 2. Т. 5. С. 34–58.
54. Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Хрестоматия. Харьков, СПб.: Алетейя, 2001. Ч. II. С. 405–437.
55. Современная американская этнография: теоретические направления и тенденции. Ред. А.В. Ефимов, Ю.П. Аверкиева. М.: Академия, 1963. 288 с.
56. Уайт Л. Избранное: Наука о культуре. М.: РОССПЭН, 2004. 960 с.
57. Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М.: РОССПЭН, 2004. 1064 с.
58. Философия культуры. Становление и развитие / под ред. М. С. Кагана, Ю. В. Перова, В. В. Прозерского, Э. П. Юровской. СПб.: Лань, 1998. 448 с.
59. Чешко С.В. Этнология и социальная антропология. М.: Издательский центр «Академия», 2014. 240 с.
60. Элиас Н. Понятие повседневного // Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М., СПб.: Университетская книга, 2001. 336 с.
61. Abu-Lughod L. A Tale of Two Pregnancies. In Women Writing Culture. R. Behar, D. A. Gordon, eds. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 339–349.
62. Abu-Lughod L. The Romance of Resistance: Tracing Transformations of Power through Bedouin Women // American Ethnologist. № 17 (1). P. 41–55.
63. Adelman M., Haldane H., Wies J.R. Mobilizing culture as an asset: a transdisciplinary effort to rethink gender violence // Violence Against Women: An Interdisciplinary and International Journal. 2012 (Jun.). № 18 (6). P. 691–700.
64. Aggarwal R. Traversing Lines of Control: Feminist Anthropology Today // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2000. V. 571. Feminist Views of the Social Sciences. P. 14–29.
65. Alexander Goldenweiser // New World Encyclopedia. [Electronic resource]. URL: http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Alexander_Goldenweiser (accessed: 14.11.2017).

66. Alexander Goldenweiser. *American Anthropologist* // Encyclopaedia Britannica. [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/biography/Alexander-Goldenweiser> (accessed: 14.11.2017).
67. Altorki S. El-Solh C. *Arab Women in the Field: Studying Your Own Society*. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 1989.
68. *Anthropologies of Art. The Clark Conference notes*, 25-26 April 2003. New Haven: Yale University Press, 2003. 263 p.
69. Archabal N. Marchetti. *Frances Densmore: Pioneer in the Study of American Indian Music // Women of Minnesota: Selected Biographical Essays*. St. Paul: Minnesota Historical Society, 1998. P. 94–115.
70. Ardener E. *Belief and the Problem of Women*. In *Perceiving Women*. S. Ardener, ed. London: Malaby Press, 1975. P. 1-17.
71. Arms S. *Immaculate Deception: A New Look at Women and Childbirth in America*. N.Y.: Bantam Books, 1977.
72. Aschenbenner J. *Katherine Dunham: Dancing a Life*. Urbana: University of Illinois Press, 2002. 304 p.
73. Babcock B. *Feminisms/Pretexts: Fragments, Questions, and Reflections* // *Anthropological Quarterly*. V. 66. № 2. 1993. P. 59–66.
74. *Baker's Biographical Dictionary of Musicians*. London: Collier Macmillan Publishers, 1984. 2577 p.
75. Bateson M. C. *Composing a Life*. N.Y.: Penguin, 1989. 256 p.
76. Behar R. *Introduction: Out of Exile*. In *Women Writing Culture*. R. Behar, D. A. Gordon, eds. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 1–29.
77. Benedict R. *Patterns of Culture*. Boston, N.Y.: Houghton Mifflin Company, 1960. 320 p.
78. Bennett H. *Christine. American women in civic work, with portraits*. N.Y.: Dodd, Mead and Company, 2009. 280 p.
79. *Biography of Ruth Murray Underhill* // Denver Museum of Nature and Science. Rocky Mountain Online Archive. [Electronic resource]. URL: <https://rmoa.unm.edu/docviewer.php?docId=codmnhia.underhill.xml> (accessed: 29.11.2017); Keene Ann T. *Underhill Ruth Murray* // *American National Biography Online*. [Electronic resource]. URL: <http://www.anb.org/view/10.1093/anb/9780198606697.001.0001/anb-9780198606697-e-1401146> (accessed: 29.11.2017).
80. Blackwood E., Wieringa S. E., eds. *Female Desires: Same-Sex Relations and Transgender Practices across Cultures*. N. Y.: Columbia University Press, 1999.
81. Boddy J. *Violence Embodied? Female Circumcision, Gender Politics, and Cultural Aesthetics*. In *Rethinking Violence against Women*. R. E. Dobash and R. P. Dobash, eds. Thousand Oaks, CA: Sage. 1998.
82. Bolles A. Lynn. *Seeking the Ancestors: Forging a Black Feminist Tradition in Anthropology*. In *Black Feminist Anthropology: Theory, Politics, Praxis*,

- and Poetics. I. McClaurin, ed. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2001. P. 24–48.
83. Bordo S. *Unbearable Weight: Feminism, Western Culture and the Body*. Berkeley: University of California Press, 1993. 361 p.
84. Boserup E. *Woman's Role in Economic Development*. London: George Allen and Unwin, 1970.
85. Bourdieu P. *Pascalian Meditations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 264 p.
86. Bourque S. C., Warren K. B. *Women of the Andes: Patriarchy and Social Change in Two Peruvian Towns*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1981.
87. Bowen E. Smith [Laura Bohannan]. *Return to Laughter: An Anthropological Novel*. N. Y.: Harper, 1954.
88. Boxer M. Jacoby. *When Women Ask the Questions: Creating Women's Studies in America*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998.
89. Boyd V. *Wrapped in Rainbows: The Life of Zora Neale Hurston*. N. Y.: Scribner, 2003. 528 p.
90. Brison S.J. *Outliving Oneself: Trauma, Memory, and Personal Identity // Feminists Rethink the Self*. Boulder, 1997. P. 12–39.
91. Brodtkin K., Morgen S., Hutchinson J. *Anthropology as White Public Space // American Anthropologist*. 2011. 113 (4). P. 545–556.
92. Butler J. *Bodies That Matter: On the Discursive Limits of "Sex"*. N.Y.: Routledge, 1993. 256 p.
93. Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. N.Y.: Routledge, 1990. 272 p.
94. Butler J. *Imitation and Gender Insubordination // The Lesbian and Gay Studies Reader*. Halperin: Routledge: N. Y., 1993. P. 307–320.
95. Butler J. *Performative Acts and Gender Constitution: An Essay in Phenomenology and Feminist Theory // Theatre Journal*. V. 40. №. 4. 1988. P. 519–531.
96. Butler J. *Undoing Gender*. N.Y.: Routledge, 2004. 288 p.
97. Cameron E., Dickin J. *Great Dames*. Toronto: University of Toronto Press, 1997. 304 p.
98. Caplan P., Bujra J.M. *Women United, Women Divided: Comparative Studies of Tanet, en Contemporary Cultures*. Bloomington: Indiana University Press, 1979.
99. Carrillo H. *The Night is Young: Sexuality in Mexico in the Time of AIDS*. Chicago: University of Chicago Press, 2002.
100. Cattell M.G., Schweitzer M.M. *Women in Anthropology: Autobiographical Narratives and Social History*. L.: Routledge, 2016. 264 p.
101. Chesler P. *The Feminist Politics of Islamic Misogyny // American Thinker*. 2010. November, 13. [Electronic resource]. URL: http://www.americanthinker.com/articles/2010/11/the_feminist_politics_of_isl_am.html (accessed: 5.06.2015).

102. Chin S. *Doing What Had to be Done: The Life Narrative of Dora Yum Kim*. Philadelphia: Temple University Press, 1999.
103. Christine J. Walley. Searching for 'Voices': Feminism, Anthropology, and the Global Debates over Female Genital Operations // *Cultural Anthropology*. 1997. V. 12/3. P. 405–438.
104. Clifford J., Marcus G. *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley: University of California Press, 1986. 336 p.
105. Colasurd C. «Tell Me a Woman's Story»: The Question of Gender in the Construction of "Waheenee, Pretty-Shield" and "Papago Woman" // *American Indian Quarterly*. 1997. V. 21, No. 3 (Summer). P. 385–407.
106. Cole S. Ruth Landes and the early ethnography of race and gender. In *Women Writing Culture*. R. Behar, D. A. Gordon, eds. Berkeley: University of California Press, 1995.
107. Cole S. *Ruth Landes: A Life in Anthropology*. Lincoln & London: University of Nebraska Press, 2003. 315 p.
108. Colen Sh. "Like a Mother to Them": Stratified Reproduction and West Indian Childcare Workers and Employers in New York. In *Conceiving the New World Order: The Global Politics of Reproduction*. F. D. Ginsburg, R. R. Rapp, eds. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 78–102.
109. Collins S. Review of Underhill R., *An Anthropologist's Arrival: A Memoir* // Center for Colorado & the West at Auraria Library. [Electronic resource]. URL: http://digital.auraria.edu/content/AA/00/00/27/50/00001/AA00002750_00001.pdf (accessed: 15.19.2017).
110. Constable N. *Romance on a Global Stage: Pen Pals, Virtual Ethnography, and "Mail-Order" Marriages*. Berkeley: University of California Press, 2003.
111. Craven Ch., D. Ain Davis. *Feminist Activist Ethnography: Counterpoints to Neoliberalism in North America*. N. Y.: Lexington Books, 2013.
112. Creese Mary R.S. *Ladies in the Laboratory? American and British Women in Science, 1800-1900: A Survey of their Contributions to Research*. Maryland: Scarecrow Press, 2000. 452 p.
113. Crooks D.L., Moreno-Black G. *Slowly Rising Waters: Women in Human Biology // Voices*. 2012. V. 12, № 1 (Fall). P. 9–14.
114. Csordas T.J. *Embodiment and Experience: The Existential Ground of Culture and the Self*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 308 p.
115. Darlis A. Miller. *Matilda Coxe Stevenson: Pioneering Anthropologist*. Norman, Oklahoma: University of Oklahoma Press, 2007. 304 p.
116. Das V. National Honor and Practical Kinship: Unwanted Women and Children. In *Conceiving the New World Order: The Global Politics of Reproduction*. F. D. Ginsburg, R. R. Rapp, eds. Berkeley: University of California Press, 1995.
117. *Daughters of the Desert: Women Anthropologists and the Native American Southwest 1880-1980. An Illustrated Catalogue*. B.A. Babcock, N.J. Parezo, Eds. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1988. 241 p.

118. Davis-Floyd R. *Birth as an American Rite of Passage*. Berkeley: University of California Press, 1992.
119. Davis-Floyd R., Dumit J. *Cyborg Babies: From Techno-Sex to Techno-Tots*. N. Y.: Routledge, 1998.
120. Di Leonardo M. *Exotics at Home: Anthropologies, Others, and American Modernity*. Chicago: University of Chicago Press, 1998. 464 p.
121. *Dictionary of American Biography*. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1980. 636 p.
122. Dunham Katherine. American Dancer, Choreographer, and Anthropologist // *Encyclopædia Britannica*. [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/biography/Katherine-Dunham> (accessed: 15.12.2017).
123. Eastman N.J. *Williams Obstetrics*. N.Y.: Appleton, 1950. 1230 p.
124. Elliott C.A. // *Biographical Dictionary of American Science: The Seventeenth Through the Nineteenth Centuries*. Westport and London: Greenwood Press, 1979. P. 238.
125. Ellis H. *Man and Woman: A Study of Human Secondary Sexual Characters*. L: Walter Scott; N.Y.: Scribner's, 2018 (reprint). 456 p.
126. Ember C.R. *Cross-Cultural Research Methods*. Lanham: Altamira Press, 1997. 236 p.
127. Ember C.R. *Cultural Anthropology & Discovering Anthropology*. New Haven: Pearson, 1983. 496 p.
128. Ember C.R. *Human Culture: Highlights of Cultural Anthropology*. New Haven: Pearson, 1985. 400 p.
129. Ember C.R. Portraits of Culture: Ethnographic Originals // *Journal of Conflict Resolution*. 1992. V. 4. P. 277–300.
130. Ember C.R., Ember M. *Encyclopedia of Sex and Gender. Men and Women in the World's Cultures*. N.Y.: Kluwer/Plenum, 2003. 1037 p.
131. Erminnie Adele Platt Smith // *Encyclopædia Britannica*. [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/biography/Erminnie-Adele-Platt-Smith> (accessed: 09.11.2017).
132. Etienne, M., Leacock E. *Women and Colonization: Anthropological Perspectives*. N.Y.: Praeger, 1980.
133. *Feminism and Race*, ed. by K. Bhavnani. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 108-118.
134. Finkler K. *Women in Pain: Gender and Morbidity in Mexico*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1994.
135. Fletcher Alice // *New perspectives on the West*. [Electronic resource]. URL: http://www.pbs.org/weta/thewest/people/d_h/fletcher.htm (accessed: 22.11.2017).
136. Fletcher Alice Cunningham // *Encyclopædia Britannica*. [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/biography/Alice-Cunningham-Fletcher> (accessed: 21.11.2017).

137. Fletcher Alice Cunningham // National Museum of Natural History. Department of Anthropology. [Electronic resource]. URL: <http://anthropology.si.edu/naa/exhibits/fletcher/foreword.htm> (accessed: 21.11.2017).
138. Fletcher Alice Cunningham. Ethnologist, Anthropologist And Social Scientist // History of American Women. [Electronic resource]. URL: <http://www.womenhistoryblog.com/2015/05/alice-cunningham-fletcher.html> (accessed: 21.11.2017).
139. Fordham S. «Those loud black girls»: (Black) women, silence, and gender «passing» in the academy // *Anthropology and Education Quarterly*. 1993. 24(1). P. 3–32.
140. Foucault M. *The History of Sexuality*. N.Y.: Vintage Books, 1978. V. 1.
141. Frances Den smore // MNopedia. Minnesota Historical Society. [Electronic resource]. URL: <http://www.mnopedia.org/person/densmore-frances-1867-1957> (accessed: 15.12.2017).
142. Francesca S. Lesbian identities and everyday space in contemporary urban Russia. A thesis ... of Doctor of Philosophy. The University of Glasgow, 2008. 264 p.
143. Frank G. *The Ethnographic Films of Barbara G. Myerhoff: Anthropology, Feminism, and the Politics of Jewish Identity*. In *Women Writing Culture*. R. Behar, D. A. Gordon, eds. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 207–232.
144. Frank G. *Venus on Wheels: Two Decades of Dialogue on Disability, Biography, and Being Female in America*. Berkeley: University of California Press, 2000.
145. Franklin S. *Embodied Progress: A Cultural Account of Assisted Conception*. N. Y.: Routledge, 1997.
146. Franklin S., Ragone H. *Reproducing Reproduction: Kinship, Power, and Technological Innovation*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1998.
147. Friedman E. A. *Arrest Disorders / Obstetrical Decision Making: By the Staff of Beth Israel Hospital*. Boston, Emanuel A. Friedman, M.D. Trenton, 1982. P. 172–173.
148. Gacs U. *Women anthropologists: a biographical dictionary*. Westport: Greenwood Press, 1988. 428 p.
149. Gacs U., Khan A., McIntyre J., Weinburg R. *Anthropologists: Selected Biographies*. Illinois: University of Illinois Press, 1989. 428 p.
150. Geddes P., Thompson J.A. *The Evolution of Sex*. N.Y. Walter Scott, 2017 (reprint). 312 p.
151. *Gender Matters: Rereading Michelle Z. Rosaldo*. Lugo A., Maurer B. ed. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000. 272 p.
152. Giller E. What Is Psychological Trauma? // Sidran Online. URL: <http://www.sidran.org/whatistrauma.html>, accessed October 17, 2006 (accessed: 14.04.2016).

153. Gilman R.R. The Story of Minnesota's Past. Saint Paul, Minnesota: Minnesota Historical Society Press, 1989. 231 p.
154. Ginsburg F. D. Contested Lives: The Abortion Debate in an American Community. Berkeley: University of California Press, 1989.
155. Golde P. Women in the field: Anthropological experiences. Los Angeles: University of California Press, 1970. 408 p.
156. Golub A. Review of Underhill R., An Anthropologist's Arrival: A Memoir. Ruth Underhill // Museum Anthropology Review. 2015. № 9 (Spring-Fall). P. 150–152.
157. Goodale Jane Papers // Online Archive of California. [Electronic resource]. URL: <http://www.oac.cdlib.org/findaid/ark:/13030/kt396nc71c/> (accessed: 01.05.2015).
158. Green Richard C. (Up) Staging the Primitive: Pearl Primus and 'the Negro Problem' in American Dance // DeFrantz Thomas F. Dancing Many Drums: Excavations in African American Dance. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 2002. P. 105–142.
159. Grosz E. Space, Time and Perversion: Essays on the Politics of Bodies. L., N.Y.: Routledge, 1995. 284 p.
160. Gruenbaum E. The Female Circumcision Controversy. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001.
161. Grundy J. Owen. «When Oscar Wilde and Matthew Arnold Came to Talk in Hudson County» // Jersey Journal. December, 1969.
162. Gutmann M. C. The Meanings of Macho: Being a Man in Mexico City. Berkeley: University of California Press, 1996.
163. Guyton A.C. Textbook of Medical Physiology. Philadelphia: Saunders, 1986. 1168 p.
164. Handwerker L. The Hen that Can't Lay an Egg (Bu Xia Dan de Mu Ji): Conceptions of Female Infertility in Modern China. In Deviant Bodies. J. Terry and J. Urla, eds. Bloomington: Indiana University Press, 1995.
165. Haraway D. Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. L., N.Y.: Routledge, 1991. 312 p.
166. Harrison I.E., Harrison F.V. African-American Pioneers in Anthropology. Urbana: University of Illinois Press, 1999. 294 p.
167. Hayes R. Oldfield. Female Genital Mutilation, Fertility Control, Women's Roles, and the Patrilineage in Modern Sudan // American Ethnologist. 1975. V. 2. P. 617–633.
168. Hendrixson A. Superpredator Meets Teenage Mom: Exploding the Myth of the Out-of Control-Youth // Policing the National Body: Race, Gender and Criminalization. Cambridge, Massachusetts: South End Press, 2002. P. 231–258.
169. Herman J. Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence – from domestic abuse to political terror. N.Y.: Basic Books, 1992. 304 p.
170. Herskovits M. Jean. Review of The City of Women, R. Landes // American Anthropologist. 1948. V. 50. Is. 1 (January-March). P. 123–125.

171. Hiddinga A. Review of *The Woman in the Body: A Cultural Analysis of Reproduction* // *Isis. A Journal of the History of Science Society*. V. 80. № 3. 1989. P. 571–572.
172. Hindess B., Hirst P.Q. *Pre-Capitalist Modes of Production*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1975. 360 p.
173. Hirsch J. S. *A Courtship after Marriage: Sexuality and Love in Mexican Transnational Families*. Berkeley: University of California Press, 2003.
174. Hoch-Smith J., Spring A. *Women in Ritual and Symbolic Roles*. N.Y.: Plenum, 1978.
175. Hodgson D.L. *The Power of Feminist Anthropology* // *Voices*. 2010. V. 10, №1 (Fall). P. 3–5.
176. Hoffert S.D. *The Woman in the Body: A Cultural Analysis of Reproduction*. By Emily Martin // *Journal of American History*. 1988. V. 75. Is. 1 (June). P. 228–229.
177. Holmes W.H. In memoriam: Matilda Coxe Stevenson // *American Anthropologist*. 1916. № 18. P. 552–559.
178. Hurston L.A. *Speak, So You Can Speak Again: The Life of Zora Neale Hurston*. N.Y.: Doubleday, 2004. 32 p.
179. Hurston Zora Neale // *The Official Web Site*. [Electronic resource]. URL: <http://zoranealehurston.com> (accessed: 15.12.2017).
180. Hurston Zora Neale. American author // *Encyclopædia Britannica*. [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/biography/Zora-Neale-Hurston> (accessed: 15.12.2017).
181. Hurston Zora Neale: Recordings, Manuscripts, Photographs, And Ephemera // *Archive of Folk Culture. The Library of Congress*. [Electronic resource]. URL: <https://www.loc.gov/folklife/guides/Hurston.html> (accessed: 15.12.2017).
182. Inhorn M. C. *Quest for Conception: Gender, Infertility, and Egyptian Medical Traditions*. University of Pennsylvania Press, 1994.
183. Inhorn M. C. *Quest for Conception: Gender, Infertility, and Egyptian Medical Traditions*. University of Pennsylvania Press, 1994.
184. Inhorn M. C., Buss K. Infertility, Infection, and Iatrogenesis in Egypt: The Anthropological Epidemiology of Blocked Tubes. *Medical Anthropology*, 1993. V. 15/1. P. 1–28.
185. Inhorn M. C., Van Balen F., eds. *Infertility around the Globe: New Thinking on Childlessness, Gender, and Reproductive Technologies*. Berkeley: University of California Press, 2002.
186. Johnson B.C. Hortense Powdermaker // *Jewish Women: A Comprehensive Historical Encyclopedia*. [Electronic resource]. URL: <https://jwa.org/encyclopedia/article/powdermaker-hortense> (accessed: 08.11.2017).
187. Jones H.W., Jones G.S. *Novak's Textbook of Gynecology*. Baltimore, 1981. 136 p.

188. Jordan B. *Birth in Four Cultures: A Crosscultural Investigation of Childbirth in Yucatan, Holland, Sweden, and the United States*. Montreal: Eden Press Women's Publications, 1978.
189. Jordan B. *The Self-Diagnosis of Early Pregnancy: An Investigation of Lay Competence // Medical Anthropology*. 1977. V. 1/2. P. 1–38.
190. Judith Butler // *The European Graduate School*. [Electronic resource]. URL: <http://egs.edu/faculty/judith-butler> (accessed: 17.11.2017).
191. Kahn S. Martha. *Reproducing Jews: A Cultural Account of Assisted Conception in Israel*. Durham, NC: Duke University Press, 2000.
192. Kahn S. Martha. *Reproducing Jews: A Cultural Account of Assisted Conception in Israel*. Durham, NC: Duke University Press, 2000.
193. Kanaaneh R. Ann. *Birthing the Nation: Strategies of Palestinian Women in Israel*. Berkeley: University of California Press, 2002.
194. Kaplan E. Bell. *Not Our Kind of Girl: Unraveling the Myths of Black Teenage Motherhood*. Berkeley: University of California Press, 1997. 280 p.
195. Kaufert P. A., Gilbert P. *Women, Menopause and Medicalization // Culture, Medicine and Psychiatry* 10(1). 1986. P. 7–21.
196. Kearns G. *The Butler affair and the geopolitics of identity // Environment and Planning D: Society and Space*. 2013. P. 191–207.
197. Kennedy E. Lapovsky, Davis M. D. *Boots of Leather, Slippers of Gold: The History of a Lesbian Community*. N. Y.: Routledge, 1993.
198. Kennedy S. *Palmetto Country*. Tallahassee, Florida: Florida A&M University Press, 1989. 367 p.
199. Kirstin Olsen. *Chronology of Women's History*. Santa Barbara: Greenwood Publishing Group, 1994. 532 p.
200. Kleinman A., Kleinman J. *Suffering and Its Social Transformation // Writing at the Margins: Discourse Between Anthropology and Medicine*. A. Kleinman, ed. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 95–119.
201. Kligman G. *The Politics of Duplicity: Controlling Reproduction in Ceausescu's Romania*. Berkeley: University of California Press, 1998.
202. Kondo D. K. *Crafting Selves: Power, Gender, and Discourses of Identity in a Japanese Workplace*. Chicago: University of Chicago Press, 1990.
203. Krasniewicz L. *Nuclear Summer: The Clash of Communities at the Seneca Women's Peace Encampment*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1992.
204. Ladner J. *Tomorrow's Tomorrow: The Black Woman*. Garden City, New Jersey: Anchor Books, 1972. 306 p.
205. Lamphere L. *Feminist Anthropology: The Legacy of Elsie Clews Parsons*. In *Women Writing Culture*. R. Behar, D. A. Gordon, eds. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 85–103.
206. Laqueur T. *Female Orgasm, Generation, and the Politics of Reproductive Biology // Representations*, 1986. № 14 (Spring). P. 1–41.
207. Lather P. *Drawing the Line at Angels: Working the Ruins of Feminist Ethnography*. In *Working the Ruins: Feminist Poststructural Theory and*

- Methods in Education, ed. by E. A. St. Pierre, W. S. Pillow. N. Y.: Routledge, 2000. P. 284–311.
208. Lather P., Smithies Ch. Troubling the Angels: Women Living with HIV/AIDS. Boulder, CO: Westview Press, 1997.
209. Lavender C. Scientists and Storytellers: Feminist Anthropologists and the Construction of the American Southwest. Albuquerque: UNM Press, 2006. 256 p.
210. Lea S. McChesney // N. Y. University. Department of Anthropology. URL: <http://anthropology.as.nyu.edu/object/anthroalumni.leasmcchesney> 27/04/16 (accessed: 14.01.2016).
211. Leacock E. Interpreting the origins of gender inequality: conceptual and historical problems // *Dialectical anthropology*. 1983. № 7. P. 263–284.
212. Leckie S. A., Parezo N.J. Their Own Frontier: Women Intellectuals Re-visioning the American West. Lincoln: Nebraska Press, 2008. 414 p.
213. Lepowsky M. Fruit of the Motherland: Gender in an Egalitarian Society. N. Y.: Columbia University Press, 1993.
214. Lewin E. *Feminist Anthropology: A Reader* / E. Lewin ed. Hoboken: Blackwell Publishing, 2006. 472 p.
215. Lewin E. *Feminist anthropology: a Reader*. Malden: Wiley-Blackwell, 2006. 474 p.
216. Lewin E. *Lesbian Mothers: Accounts of Gender in American Culture*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1993.
217. Lewin E. *Recognizing Ourselves: Ceremonies of Lesbian and Gay Commitment*. N. Y.: Columbia University Press, 1998.
218. Lewin E. *Writing Lesbian Ethnography*. In *Women Writing Culture*. R. Behar and D. A. Gordon, eds. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 322–335.
219. Lewin E., Leap W. L., eds. *Out in the Field: Reflections of Lesbian and Gay Anthropologists*. Urbana: University of Illinois Press, 1996.
220. Lewontin R.C., Rose S., Kamin L.J. *Not in Our Genes: Biology, Ideology, and Human Nature*. N.Y.: Pantheon Books, 1984. 322 p.
221. Lock M., Kaufert P. A., eds. *Pragmatic Women and Body Politics*. N. Y.: Cambridge University Press, 1998.
222. Lock M., Kaufert P. Alice. *Pragmatic Women and Body Politics*. Cambridge University Press, 1998.
223. Lorde A. Age, Race, Class and Sex: Women Redefining Difference. In *Sister Outsider: Essays and Speeches*. Freedom, CA: The Crossing Press, 1984. P. 114–123.
224. Lorini A. Alice Fletcher and the Search for Women's Public Recognition in Professionalizing American Anthropology // *Cromohs*. V. 8. 2003. P. 1–25.
225. Lorini A. Andrew Fletcher and the Search for Women's Public Recognition in Professionalizing American Anthropology // *Cromohs*. 2003. № 8. P. 1–25.
226. Lowie R.H. *Culture and Ethnology*. Charleston: BiblioLife, 2009. 196 p.

227. Lugones M. C., Spelman E. Have we got a theory for you! Feminist theory, cultural imperialism and the demand for 'the woman's voice' // *Women's Studies International Forum*. 1983. V. 6, Is. 6. P. 573–581.
228. Lurie N. Oestreich. *Women and the Invention of American Anthropology*. Prospect Heights, IL: Waveland, 1999 [1966]. 72 p.
229. Lurie N.O. *Women in Early American Anthropology // Pioneers of American Anthropology: The Uses of Biography*. Seattle: University of Washington Press, 1966. P. 29–82.
230. Lutkehaus N. C. Margaret Mead and the 'Rustling-of-the-Wind-in-the-Palm-Trees School' of Ethnographic Writing. In *Women Writing Culture*. R. Behar, D. A. Gordon, eds. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 186–206.
231. Lutz C. The Erasure of Women's Writing in Sociocultural Anthropology // *American Ethnologist*. 1990. V. 17/4. P. 611–627.
232. Lutz C. The Gender of Theory. In *Women Writing Culture*. R. Behar, D. A. Gordon, eds. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 249–66.
233. Mageo J. Marie. Spirit Girls and Marines: Possession and Ethnopsychiatry as Historical Discourse in Samoa // *American Ethnologist*. 1996. V. 23. № 1. P. 61–82.
234. Mahony M.A. Review of Landes R., *The City of Women* // *H-Net Reviews*. 1996 (April). [Electronic resource]. URL: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=388> (accessed: 7.10.2017).
235. Manalansan M. F. *Global Divas: Filipino Gay Men in the Diaspora*. Durham, NC: Duke University Press, 2003.
236. Martin Emily // Department of anthropology N. Y. University. [Electronic resource]. URL: <http://anthropology.as.nyu.edu/object/emilymartin.html> (accessed 28.03.2017)
237. Mascia-Lees F.E., Sharpe P. Marked and the Un(re)marked: Tattoo and Gender in Theory and Narrative // *Tattoo, Torture, Mutilation and Adornment: The Denaturalization of the Body in Culture in Text*. N.Y.: SUNY Press, 1992. P. 145-169.
238. Mattiasson C. J. *Many Sisters: Women in Cross-Cultural Perspective*. N.Y.: Free Press, 1974.
239. McBride J. Matilda Coxe Evans Stevenson // *Women's Intellectual Contributions to the Study of Mind and Society*. [Electronic resource]. URL: <http://faculty.webster.edu/woolfm/matildastevenson.html> (accessed: 22.11.2017).
240. McClain C. Shepherd. Ethno-Obstetrics in Ajijic. *Anthropological Quarterly*. 1975. V. 40/1. P. 38–56.
241. McClain C. Shepherd. *Women as Healers*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1989.
242. McClintock A. *Imperial Leather: Race, Gender, and Sexuality in the Colonial Contest*. Routledge, 1995.

243. McGee R. Jon, Richard L. Warms. *Anthropological Theory: An Introductory History*. N.Y.: McGraw Hill, 2004.
244. Mead Margaret. *American anthropologist* // *Encyclopaedia Britannica*. [Electronic resource]. URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/371443/Margaret-Mead> (accessed: 03.04.2015).
245. Meillassoux C. *Maidens, Meal and Money: Capitalism and the Domestic Community*. Cambridge, 1981.
246. Meneley A. Analogies and Resonances in the Process of Ethnographic Understanding // *Ethnos*. 1998. № 2 (63). P. 202–226.
247. Merchant C. *The Death of Nature: Women, Ecology, and the Scientific Revolution*. San Francisco, 1980.
248. Merry S.E. *Gender violence: A cultural perspective*. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2009.
249. Mitchell J. *Woman's Estate*. N.Y., 1971.
250. Modell J. S. *Kinship with Strangers: Adoption and Interpretations of Kinship in American Culture*. Berkeley: University of California Press, 1994.
251. Mohanty C. Talpade. Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses. In *Third World Women and the Politics of Feminism*, ed. by Ch. Talpade Mohanty, A. Russo, L. Torres, Bloomington: Indiana University Press, 1991. P. 51–80.
252. Moore H.L. *A Passion for Difference: Essays in Anthropology and Gender*. Indiana University Press, 1994.
253. Moore J.D. *Visions of Culture: An Introduction to Anthropological Theories and Theorists*. Walnut Creek: AltaMira Press, 1997.
254. Morgan R. Planetary Feminism: The Politics of the 21st Century. In *Sisterhood Is Global: The International Women's Movement Anthology*, ed. by R. Morgan. N. Y.: Doubleday, 1984. P. 1–37.
255. Mullen E., Fleming J. Long-term Effects of Child Sexual Abuse // *Child Abuse Prevention*. 1998. Is. 9. P. 1–18.
256. Murphy R.F. Robert H. Lowie. N.Y.: Columbia University Press, 1972.
257. Murphy Y., Murphy R. F. *Women of the Forest*. N. Y.: Columbia University Press, 1974.
258. Myers G.E. *African American Genius in Modern Dance*. Durham, N.C.: American Dance Festival, 1993.
259. Naples N.A. *Feminism and Method: Ethnography, Discourse Analysis, and Activist Research* N.Y.: Routledge, 2013.
260. Narayan K. How Native is a “Native” Anthropologist? // *American Anthropologist*, 1993. V. 95/3. P. 671–686.
261. Newman M.L. Coming of Age, but Not in Samoa: Reflections on Margaret Mead's Legacy for Western Liberal Feminism // *American Quarterly*. V. 48, No. 2 (Jun., 1996). P. 233–272.

262. Newman M.L. Coming of Age, but Not in Samoa: Reflections on Margaret Mead's Legacy for Western Liberal Feminism // *American Quarterly*. V. 48, No. 2 (Jun., 1996). P. 262.
263. Newton E. *Cherry Grove, Fire Island: Sixty Years in America's First Lesbian and Gay Town*. Boston: Beacon Press, 1993.
264. Niswander K.R. *Obstetrics: Essentials of Clinical Practice*. Boston, 1981. P. 207.
265. Novak E. *Textbook of Gynecology*. Baltimore, 1944.
266. Novak E., Jones G. Seegar, Jones Howard W. *Novak's Textbook of Gynecology*. Baltimore, 1965.
267. Oakley A. *Becoming a Mother*. N.Y., 1989. P. 102.
268. O'Driscoll K., Foley M. Correlation of Decrease in Perinatal Mortality and Increase in Cesarean Section Rates / *Journal of the American College of Obstetricians and Gynecologists*, 1983. V. 6 (1). № 15. P. 5.
269. O'Driscoll K., Meagher D. *Active Management of Labour*. L., 1980. P. 140, 142.
270. Ong A. *Colonialism and Modernity: Feminist Re-Presentations of Women in Non-Western Societies*. In
271. Parezo N. *Hidden Scholars: Women Anthropologists and the Native American Southwest*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1993.
272. Parezo N. J. Matilda Coxe Evans Stevenson. *Women Anthropologists: a Biographical Dictionary*. N.Y.: Greenwood Press, 1988. P. 339–343.
273. Parezo N. *Hidden scholars: women anthropologists and the Native American Southwest*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1993.
274. Passaro J. *The Unequal Homeless: Men on the Streets, Women in their Place*. N. Y.: Routledge, 1996.
275. Pearl Primus. *American Anthropologist, Dancer, and Choreographer* // *Encyclopædia Britannica*. [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/biography/Pearl-Primus> (accessed: 15.12.2017).
276. Piehl C., Ratzlaff J. *Frances Densmore* // Minnesota State University, Mankato. [Electronic resource]. URL: <https://web.archive.org/web/20071018153408/http://www.mnsu.edu/>
277. Powdermaker H. *After Freedom: A Cultural Study In the Deep South*. N.Y.: Viking, 1939.
278. Powdermaker H. *Life in Lesu: The Study of a Melanesian Society in New Ireland*. London: Williams & Norgate, 1933.
279. Powdermaker, H. *Copper Town: Changing Africa*. N. Y.: Harper & Row Publishers Incorporated, 1962.
280. Powdermaker, H. *Hollywood, the Dream Factory: An Anthropologist Studies the Movie Makers*. L.: Secker & Warburg, 1951.
281. Pritchard J.A., MacDonald P.C., Gant N.F. *Williams Obstetrics*. Norwalk, 1985. P. 643.
282. Ragone' H. *Surrogate Motherhood: Conception in the Heart*. Boulder, CO: Westview, 1994.

283. Ragone' H., Twine F. W., eds. *Ideologies and Technologies of Motherhood: Race, Class, Sexuality, Nationalism*. N. Y.: Routledge, 2000.
284. Raphael D. *Being Female: Reproduction, Power, and Change*. The Hague: Mouton, 1975.
285. Rapp R. R. *Testing Women, Testing the Fetus: The Social Impact of Amniocentesis in America*. N. Y.: Routledge, 1999.
286. Rebhun L. A. *The Heart is Unknown Country: Love in the Changing Economy of Northeast Brazil*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1999.
287. Rhode D.L. *Theoretical Perspectives on Sexual Difference*. Yale University Press, 1990.
288. Robert H. Lowie. *American Anthropologist* // *Encyclopaedia Britannica*. [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/biography/Robert-H-Lowie> (accessed: 14.11.2017).
289. Rofel L. The outsider within: Margery Wolf and feminist anthropology // *American Anthropologist*. American Anthropological Association. 2003 (September). P. 596–604.
290. Rohrlich-Leavitt R. *Women Cross-Culturally: Change and Challenge*. The Hague: Mouton, 1975.
291. Rosaldo M.Z. The Use and Abuse of Anthropology: Reflections on Feminism and Cross-Cultural Understanding // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. Spring, 1980. P. 389–417.
292. Rosaldo M.Z., Lamphere L., Bamberger J. *Woman, Culture, and Society*. Redwood: Stanford University Press, 1974.
293. Rothman B. Katz. In *Labor: Women and Power in the Birthplace*. N.Y.: W. W. Norton, 1982.
294. Rothman B.K. In *Labor: Women and Power in the Birthplace*. N.Y., 1982.
295. Ruth Schlossberg Landes // *Jewish Women: A Comprehensive Historical Encyclopedia*. [Electronic resource]. URL: <https://jwa.org/encyclopedia/article/landes-ruth-schlossberg> (accessed: 03.12.2017).
296. Sacks K. *Sisters and Wives: The Past and Future of Sexual Equality*. Westport, CT: Greenwood Press, 1979.
297. Sanday P. Rape-prone versus rape-free campus cultures // *Violence Against Women: An Interdisciplinary and International Journal*. 1996. № 2. P. 191-208. Lazarus-Black M. *Everyday harm: Domestic violence, court rites, and cultures of reconciliation*. Urbana IL: University of Illinois Press, 2007.
298. Sanday P. Reeves. *Female Power and Male Dominance: On the Origins of Sexual Inequality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
299. Sandelowski M. *With Child in Mind: Studies of the Personal Encounter with Infertility*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1993.
300. Scarry E. *The Body in Pain: The Making and Unmaking of the World*. N.Y., Oxford, 1985.
301. Scheper-Hughes N. *Death without Weeping: The Violence of Everyday Life in Brazil*. Berkeley: University of California Press, 1992.

302. Schlegel A. *Male Dominance and Female Autonomy: Domestic Authority in Matrilineal Societies*. New Haven: HRAF Press, 1972.
303. Schlegel A. *Sexual Stratification: A Cross-Cultural View*. N.Y.: Columbia University Press, 1977.
304. Schofield J. In Defense of Margaret Mead: A Post-Colonial Feminist Perspective// State University of N. Y. at Oswego. [Electronic resource]. URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/371443/Margaret-Mead> (accessed: 07.11.2017); Martin C. The Feminist Critique. Sally Slocum and Eleanor Leacock // The Feminist Critique. [Electronic resource]. URL: <http://yokim.net/63/> (accessed: 14.11.2017).
305. Schofield J. In Defense of Margaret Mead: A Post-Colonial Feminist Perspective// State University of N. Y. at Oswego. [Electronic resource]. URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/371443/Margaret-Mead> (accessed: 07.11.2017).
306. Schrock R. D. The Methodological Imperatives of Feminist Ethnography // Journal of Feminist Scholarship. 2013. V. 5. Is. 5 (Fall). P. 48-60.
307. Schrock R.D. The Methodological Imperatives of Feminist Ethnography // Journal of Feminist Scholarship. 2013. № 5 (Fall). P. 48–60.
308. Schuller M. Participation, More Than Add Women and Stir? A Comparative Case Analysis in Post-Coup Haiti // Caribbean Review of Gender Studies. Journal of Caribbean Perspectives on Gender and Feminism. 2007. Is. 2. P. 1–34.
309. Schuller M. Participation, more than add women and stir? A comparative case analysis in post-coup Haiti // Caribbean Review of Gender Studies. The University of the West Indies at St. Augustine, Trinidad and Tobago. September, 2008.
310. Sered S. *What Makes Women Sick? Maternity, Modesty, and Militarism in Israeli Society*. Hanover, NH: Brandeis University Press, 2000.
311. Shaw N. Stoller. *Forced Labor: Maternity Care in the United States*. N.Y.: Pergamon Press, 1974.
312. Shuman A. *Other People's Stories: Entitlement Claims and the Critique of Empathy*. Chicago: University of Illinois Press, 2005.
313. Shuman A. *Other People's Stories: Entitlement Claims and the Critique of Empathy*. Chicago: University of Illinois Press, 2005.
314. *Situated Lives: Gender and Culture in Everyday Life*. Lamphere L., Ragone H., Zavella P. ed. L.: Routledge, 1997.
315. Slocum S. Woman the gatherer: male bias in anthropology // *Toward an Anthropology of Women*. Rayna R. Reiter (ed.): Monthly Review Press, 1975.
316. Smith B., Smith B., Frazier D. The Combahee River Collective: A Black Feminist Statement // *Words of Fire: An Anthology of African-American Feminist Thought*. N.Y.: The New Press, 1995. P. 231–240.
317. Smith E.A. *Myths of the Iroquois*. U.S. Government Printing Office, 1883.

318. Smith-Rosenberg C. *The Body Politic // Coming to Terms: Feminism, Theory and Politics*. L.: Routledge, 1989.
319. Spivak G. Chakravorty. *Can the Subaltern Speak? In The Post-Colonial Studies Reader*, ed. by B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. N. Y.: Routledge, 1988. P. 24-28.
320. Stacey J. *Can there be a feminist ethnography? // Women's Studies International Forum*. 1988. V. 11. № 1. P. 21–27.
321. Stack C. B. *All our Kin: Strategies for Survival in a Black Community*. N. Y.: Harper and Row, 1974.
322. Stevenson M.C. *The religious life of the Zuni child*. Washington: Government Printing Office, 1888.
323. Stevenson M.C. *The Zuni Indians: their mythology, esoteric fraternities, and ceremonies*. Washington: Government Printing Office, 1904.
324. Stevenson Matilda Coxe. *American ethnologist // Encyclopaedia Britannica*. [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/biography/Matilda-Coxe-Stevenson> (accessed: 23.11.2017).
325. Stoler A.L. *Making Empire Respectable: The Politics of Race and Sexual Morality in Twentieth-Century Colonial Cultures // American Ethnologist*. 1989. № 4. V. 16. P. 634–660.
326. Stone P.K. *Feminism in Biological Anthropology // Voices*. 2005. V. 7. № 1 (Spring). P. 7, 14–15.
327. Strathern M. *An awkward relationship: The case of feminism and anthropology // Journal of Women in Culture and Society*. University of Chicago Press. Winter, 1987. P. 276–292.
328. Strathern M. *Reproducing the Future: Essays on Anthropology, Kinship, and the New Reproductive Technologies*. N. Y.: Routledge, 1992.
329. Strathern M. *Reproducing the Future: Essays on Anthropology, Kinship and the New Reproductive Technologies*. University Press, 1992.
330. Sword H. *Stylish Academic Writing*. Cambridge: Harvard University Press, 2012. P. 45. 238 p.
331. Taylor J. S. *A Fetish is Born: Sonographers and the Making of the Public Fetus*. In *Consuming Motherhood*. J. S. Taylor, L. L. Layne, D. F. Wozniak, eds. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2004.
332. Taylor J. S. *The Public Fetus and the Family Car: From Abortion Politics to a Volvo Advertisement // Public Culture*. 1992. V. 4/2. P. 67–80.
333. Tedlock B. *Works and Wives: On the Sexual Division of Textual Labor*. In *Women Writing Culture*. R. Behar, D. A. Gordon, eds. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 267–286.
334. *The Biographical Dictionary of Women in Science: Pioneering Lives From Ancient Times to the Mid-20th Century*. Ogilvie M., Harvey J. ed. L.: Routledge, 2003.

335. The International Women's Anthropology Conference. [Electronic resource]. URL: <http://www.planningalternatives.com/iwac-women/> (accessed: 07.03.2018).
336. The Association for Feminist Anthropology. [Electronic resource]. URL: <http://afa.americananthro.org/> (accessed: 05.06.2016).
337. Theoretical Perspectives on Sexual Difference. D. L. Rhode ed. New Haven: Yale University Press, 1990.
338. Townsend N. W. The Package Deal: Marriage, Work, and Fatherhood in Men's Lives. Philadelphia: Temple University Press, 2002.
339. Tsing A. Lowenhaupt. In the Realm of the Diamond Queen. Princeton: Princeton University Press, 1993.
340. Turner V. Introduction. In Myerhoff B. Number Our Days: A Triumph of Continuity and Culture among Jewish Old People in an Urban Ghetto. N. Y.: Simon and Schuster, 1978.
341. Underhill R. A Papago Calendar Record. N.Y.: AMS Press, 1938. 66 p.
342. Underhill R. Autobiography of a Papago Woman. Eastford: Martino Publishing, 1936. 68 p.
343. Underhill R. Ceremonial Patterns in the Greater Southwest. N.Y.: J.J. Augustin, 1948. 48 p.
344. Underhill R. Ethnobiology of the Papago Indians. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1935. 85 p.
345. Underhill R. First Penthouse Dwellers of America. Santa Fe: Laboratory of Anthropology, 1938. 161 p.
346. Underhill R. Indians of the Pacific Northwest. Ann Arbor: University of Michigan Library, 1946. 244 p.
347. Underhill R. Papago Child Training // Marriage and Family Living. 1944. № 4. V. 4. P. 80–81.
348. Underhill R. Papago Indian Religion. N.Y.: AMS Press, 1969. 359 p.
349. Underhill R. Pueblo Crafts. Los Angeles: R. Schneider Publishers, 1946. 148 p.
350. Underhill R. Red Man's Religion. Chicago: University of Chicago Press, 1965. 312 p.
351. Underhill R. Singing for Power. Tucson: University of Arizona Press, 1938. 158 p.
352. Underhill R. Social Organization of the Papago Indians. N.Y.: Columbia University Press, 1937. 280 p.
353. Underhill R. The Papago and Pima Indians of Arizona. Palmer Lake: Filter Press LLC, 1979. 72 p.
354. Underhill R. The Papago Indians of Arizona and their Relatives the Pima. Whitefish: Kessinger Publishing, 1941. 72 p.
355. Underhill R. Workaday Life in the Pueblos. Santa Fe: Ancient City Press, 1946. 168 p.
356. Underhill Ruth Murray // Their Own Frontier: Women Intellectuals Re-visioning the American West. Nebraska Press, 2008. P. 335–373.

357. Urban Girls: Resisting Stereotypes, Creating Identities. Ed. by Leadbeater B.J. Ross, Way N. N.Y.: N. Y. University Press, 1996. 409 p.
358. Urla J., Swedlund A.C. The Anthropology of Barbie: Unsettling Ideals of the Feminine Body in Popular Culture // *Deviant Bodies: Critical Perspectives on Difference in Science and Popular Culture*. Bloomington: Indiana University Press, 1995. P. 277–313.
359. Valentine D. 2003. “The Calculus of Pain”: Violence, Anthropological Ethics, and the Category Transgender. *Ethnos*. 2003. V. 68. P. 27– 48.
360. Vincent J. Engaging Historicism // *Recapturing Anthropology: Working in the Present*. Santa Fe: School of American Research Press, 1991.
361. Visweswaran K. *Fictions of Feminist Ethnography*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994.
362. Visweswaran K. Histories of feminist ethnography // *Annual Review of Anthropology*. Annual Reviews. 1997 (October). P. 591–621.
363. Ward J.V. Racial Identity Formation and Transformation // *Making Connections: The Relational Worlds of Adolescent Girls at Emma Willard School*. C. Gilligan, N. Lyons, and T. Hanmer. Cambridge: Harvard University Press, 1990. P. 215–232.
364. Ward J.V. Raising Resisters: The Role of Truth Telling in the Psychological Development of African American Girls. In *Urban Girls: Resisting Stereotypes, Creating Identities*. N.Y.: N. Y. University Press, 1996. P. 85–99.
365. Weekes L.R. Cesarean Section: A Seven-Year Study / *Journal of the National Medical Association*. 1983. 75(5). P. 476.
366. Weiner A. B. *Women of Value, Men of Renown: New Perspectives in Trobriand Exchange*. Austin: University of Texas Press, 1976.
367. Weitz R. *Politics of Women’s Bodies*. N.Y.: Oxford University Press, 1998.
368. Weitz R. *Politics of Women’s Bodies*. N.Y.: Oxford University Press, 1998.
369. Wertz R.W., Wertz D.L. *Lying-in: A History of Childbirth in America*. N.Y., 1977. P
370. Westfall R.S. *The Construction of Modern Science: Mechanisms and Mechanics*. Cambridge, 1971.
371. Weston K. *Families We Choose: Lesbians, Gays, Kinship*. N. Y.: Columbia University Press, 1991.
372. Williams R. Politics and Letters: Interviews with New Left Review. L.: New Left Review, 1979.
373. Winkler C. *One Night: Realities of Rape*. Walnut Creek, 2002.
374. Winkler C. Rape Trauma: Contexts of Meaning // *Embodiment and Experience: The Existential Ground of Culture and Self*. Cambridge, N.Y., 1994.
375. Wolf D.L. *Feminist Dilemmas in Fieldwork* (ed). Boulder: Westview Press, 1996.

376. Wolf M. A Thrice-Told Tale: Feminism, Postmodernism, and Ethnographic Responsibility. Stanford, CA: Stanford University Press, 1992.
377. Women Anthropologists: Selected Biographies. Gacs U. Champaign, Illinois: University of Illinois Press, 1988.
378. Women Writing Culture. Behar R., Gordon D. ed. Berkeley: University of California Press, 1995.
379. World Health Organization Scientific Group. Research on the Menopause. World Health Organization Technical Report Series 670. Geneva, 1981.
380. Wozniak D. F. They're All My Children: Foster Mothering in America. N. Y.: New York University Press, 2002.
381. Young K., Wolkowitz C., McCullagh R. Of Marriage and the Market: Women's Subordination Internationally and its Lessons. London: Routledge&Kegan Paul, 1981.